

СЕРДЦА, ОТДАННЫЕ СПОРТУ

А. Багдонавичус

ВЗГЛЯД С БЕРЕГА

Москва
«Физкультура и спорт»
1983

Когда серебряные трубы
возвещают победу,
они зовут на пьедестал
не только победителя,
они славят СПОРТ:
разум и силу,
мужество и волю,
верность, отвагу и честь;
они славят ЛЮДЕЙ,
отдавших сердца спорту,
зовущих своими делами,
своим примером
на жизненный подвиг

ББК 75.717.2

Б 14

Рецензент И. Масленников

Antanas Bagdonavicius. Zvilgsnis nuo kranto

*Перевод с литовского
А. А. Майборода-Мартинкайте*

Багдонавичус А. Л.

Б 14 Взгляд с берега: Пер. с лит. — М.: Физкультура и спорт, 1983. — 127 с., ил. — (Сердца, отданные спорту)

В этой книге известный советский гребец Антанас Багдонавичус рассказывает о своем пути в спорте, о напряженной борьбе в мировой академической гребле в 60-е годы, в которой ему довелось участвовать.

ББК 75.717.2

7А5.3

4700000000—115
Б ————— 88—83
009(01)—83

© Vilnius, Leidykla «Mintis», 1974

© Издательство «Физкультура и спорт», 1983 г.
перевод на рус. яз., оформление, предисловие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>ПРЕДИСЛОВИЕ</u>	5	
<u>ГЛАВА 1. ДОСАДНОЕ ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ СЕНСАЦИОННАЯ ПОБЕДА?</u>		16
<u>ГЛАВА 2. ТАКИМ БЫЛО НАЧАЛО</u>	20	
<u>ГЛАВА 3. ПЕРВЫЕ ЧЕМПИОНСКИЕ ТИТУЛЫ</u>	25	
<u>ГЛАВА 4. «ЗОЛОТО» В ЗОЛОТОЙ ПРАГЕ</u>	27	
<u>ГЛАВА 5. ЛУЧШЕ — СРАЖАТЬСЯ НА ВОДНЫХ ДОРОЖКАХ!</u>	29	
<u>ГЛАВА 6. КАКУЮ ЛОДКУ ВЫБРАТЬ!</u>	33	
<u>ГЛАВА 7. ВТОРЫЕ ПОСЛЕ «НЕПОБЕДИМЫХ»</u>	35	
<u>ГЛАВА 8. НЕПОБЕДИМЫХ НЕТ</u>	38	
<u>ГЛАВА 9. ПОЕДИНОК ПРОДОЛЖАЕТСЯ</u>	41	
<u>ГЛАВА 10. НА РОДИНЕ ГРЕБЛИ</u>	44	
<u>ГЛАВА 11. ТОЛЬКО 0,02 СЕКУНДЫ</u>	46	
<u>ГЛАВА 12. НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ</u>	48	
<u>ГЛАВА 13. НОВАЯ ЛОДКА — НОВАЯ ПОБЕДА</u>	51	
<u>ГЛАВА 14. ТРУДНЫЙ ЭКЗАМЕН</u>	55	
<u>ГЛАВА 15. НЕЧЕТНЫЙ ГОД</u>	58	
<u>ГЛАВА 16. ПОСЛЕДНИЙ АККОРД</u>	65	
<u>ГЛАВА 17. КЕМ БЫТЬ?</u>	73	
<u>ГЛАВА 18. ПОРТРЕТ ДРУГА</u>	75	
<u>ГЛАВА 19. КУРС ОЛИМПИЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ</u>	79	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прочитав на обложке этой книги фамилию автора, каждый, кто сколько-нибудь знает гребной спорт, сразу свяжет ее с фамилией другого известного гребца — Зигмаса Юкны и вспомнит двоих замечательных парней, которые на протяжении многих лет были славой и гордостью нашей академической гребли. Во многих зарубежных гребных клубах я видел их фотографии, а такой чести удостоиваются только выдающиеся мастера весла.

Несколько странное они производили впечатление, очень уж были непохожи. У Зигмаса Юкны не сходила с лица улыбка. Был он прекрасным рассказчиком, добродушным и несколько ироничным. Быть может, во всем этом сказывалось его давнее увлечение: в юные годы он занимался в студии молодых актеров.

Что же касается его спортивных способностей, то для меня всегда оставалась тайной природа его замечательных успехов. Невысокого роста, сутуловатый, с малорельефными мышцами, Юкна, тем не менее, восхищал специалистов могучими, четкими гребками. Он был великим тружеником, этот всегда улыбающийся, умный человек. Он был беспощаден к себе и на тренировках и в гонках, и литовские гребцы рассказывали, что в Зигмасе Юкне они видят качества истинного жителя Жемайтии, которые всегда отличались твердым характером, упорством. Как жаль, что Зигмаса нет среди нас. Он многое сделал как спортсмен. Многого он добился бы и на посту спортивного руководителя, который он занимал в последние годы.

Другим был его постоянный и верный партнер. Высокий, жилистый, Антанас Багдонавичус частенько ломал приборы для измерения силы ног и спины. Он, думаю, имел идеальное для академической гребли сложение. Один журналист написал о Багдонавичусе, что этот человек словно излучает токи спокойствия и нервным, раздражительным людям общение с ним непременно принесло бы избавление от недуга. Это, разумеется, шутка, преувеличение, но все же есть в этом и немалая доля истины. Не могу даже вообразить Антанаса Багдонавичуса взволнованным или спешащим куда-то, всё он делает обстоятельно и невозмутимо.

Еще когда они только начинали свою жизнь в большом спорте, с ним произошел весьма характерный случай. Антанас чуть не опоздал на соревнование из-за того, что... проспал. И что же — он засуетился, побежал сломя голову к лодке? Ничего подобного. Он двинулся в путь своим обычным размеренным шагом, безо всякой тени волнения на лице. К счастью, он успел к старту.

Есть в спортивной судьбе Юкны и Багдонавичуса один существенный парадокс. Да, их популярность в гребном мире была огромной. Им подражали, у них учились. А ведь они никогда не были ни чемпионами мира, ни победителями олимпийской регаты. И тем не менее все знаменитые гребцы 60-х годов ставили двух литовских спортсменов не только подле себя, но подчас и выше. Люди опытные, они прекрасно понимали спортивную силу Юкны и Багдонавичуса, знали, что не позволяет им иметь все высшие титулы.

Дело в том, что ради интересов сборных Литвы и Советского Союза Антанас и Зигмас выступали на крупных лодках, тогда как особенно сильны были на двойке распашной с рулевым. Ведь еще новичками, имея массу технических погрешностей, они все же сумели завоевать серебряные медали на Олимпийских играх 1960 года в Риме. Убежден, что в этой лодке позднее они непременно стали бы сильнейшими в мире. Но именно в ту пору литовским тренерам удалось сформировать очень перспективную восьмерку. И ей не хватало лидеров. Ими-то и стали Юкна и Багдонавичус, которые на протяжении нескольких лет добросовестно возглавляли экипаж восьмерки, словом и делом помогали молодым партнерам.

Увы, этой команде будто какой-то злой рок мешал. То кто-то заболел в ней накануне важного старта, то восьмерка Литвы проиграет какие-то сотые доли секунды своим грозным соперникам из Ратцебурга (ФРГ), то еще что-то непредвиденное случится. И все же нельзя не отдать должное Юкне и Багдонавичусу, которые ради общих интересов пожертвовали своими личными. И это прекрасно, что в спорте достижения не всегда оцениваются количеством и ценностью медалей, есть и иные критерии.

Хочу отметить и другой вклад, который внесли Юкна и Багдонавичус в развитие академической гребли. В 1959 году они впервые попали на солидный тренировочный сбор гребцов — было это в южном портовом городе Потти. Мы, московские и ленинградские гребцы, посмеиваясь, наблюдали за тренировками Юкны и Багдонавичуса. Наши тренеры — метры академической гребли — прививали вкус к тончайшим мышечным ощущениям, к ювелирной работе веслами.

А вот двум литовским спортсменам, создавалось впечатление, были абсолютно безразличны эти нюансы. Прежде всего они стремились к длинной, мощной проводке весел в воде и так старались при этом, так тянулись вперед — подальше вывести руки за уключины, что спины их скрывались между коленками. За эту манеру грести их в Потти и прозвали «кузнечиками».

Тогда многие из нас еще не понимали, что стиль этот перспективен, что он откроет новую эру во взглядах на технику движений. Позднее даже знаменитые гонщики приглашали Зигмаса и Антанаса в свои лодки хотя бы на одну тренировку, дабы воочию разобраться в принципах их стиля. А вылезали на плот они восхищенные и ошарашенные, и тут было чему удивляться. Помню, когда мы садились в лодку литовцев, у нас создавалось впечатление, что она катит с горы — таким легким и стремительным был ее ход.

Мне кажется, что книга Багдонавичуса особенно интересна будет тем, кто помнит спортивные события 60-х годов, и прежде всего Олимпийские игры в Риме, Токио, Мехико. То было время резкого увеличения скоростей в мировой академической гребле, увлекательнейших дуэлей во многих классах судов. И литовские гребцы были в самой гуще этих событий: сперва Юкна и Багдонавичус соревновались на двойке, потом на восьмерке и распашной четверке.

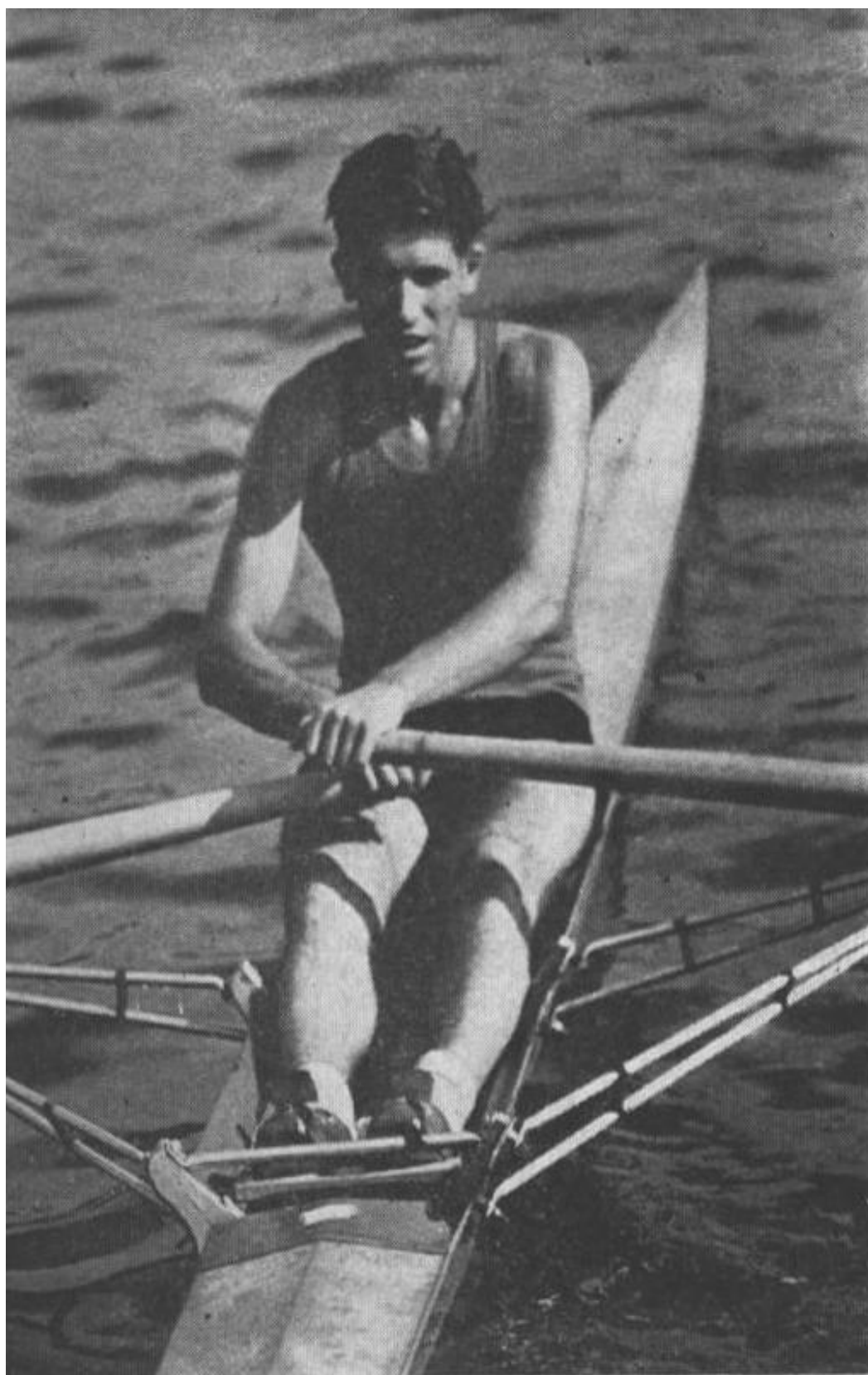
Именно это поколение гребцов предопределило высочайшие результаты сегодняшнего дня, и в этом есть определенная заслуга Юкны и Багдонавичуса. Они были прекрасными спортсменами. Они были думающими спортсменами.

Книга Багдонавичуса написана просто. Она напоминает дневник, настолько достоверно все, что он сообщает читателю. Но особенно ценно в этой книге то, что документальные события прокомментированы в ней большим мастером, прекрасным знатоком спорта, глубоко заинтересованным в судьбе отечественной гребли.

**Анатолий Сасс,
олимпийский чемпион,
кандидат педагогических наук**

Наш первый олимпийский чемпион по академической гребле Юрий Тюкалов

Его непревзойденный наследник — трехкратный олимпийский чемпион Вячеслав Иванов

Свою вторую олимпийскую победу Тюкалов одержал
вместе с Александром Беркутовым

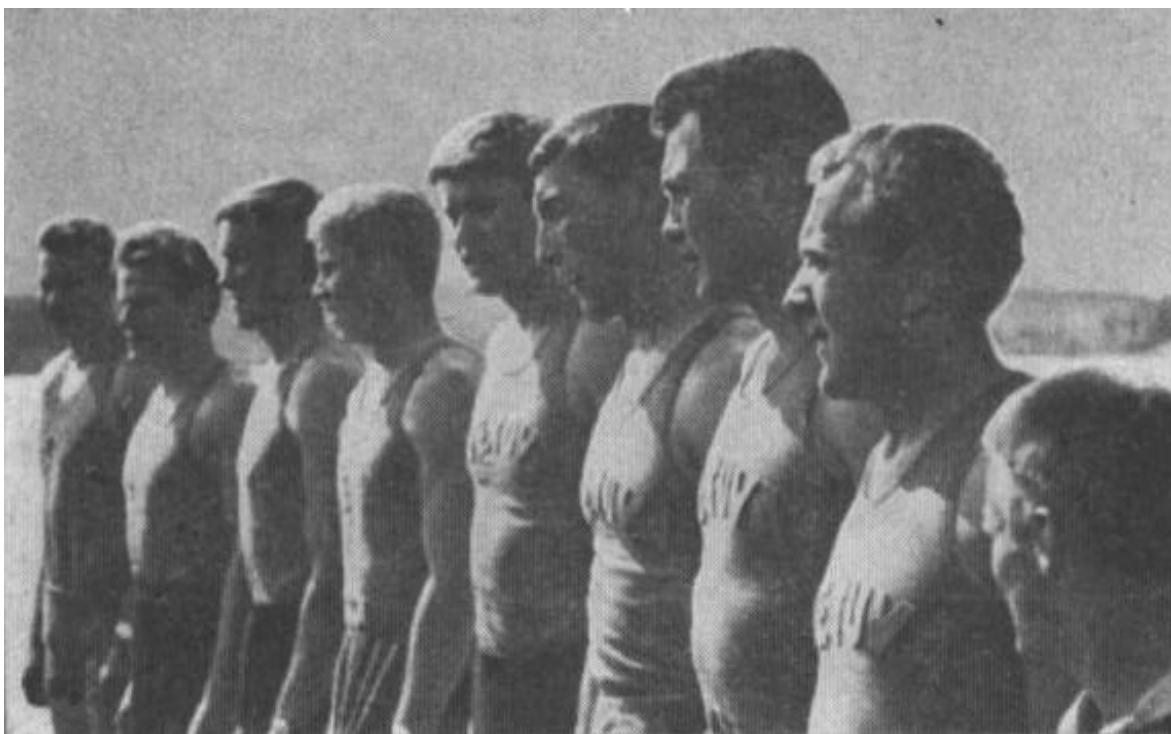
Одна из первых побед Багдонавичуса и Юкны — на двойке с рулевым

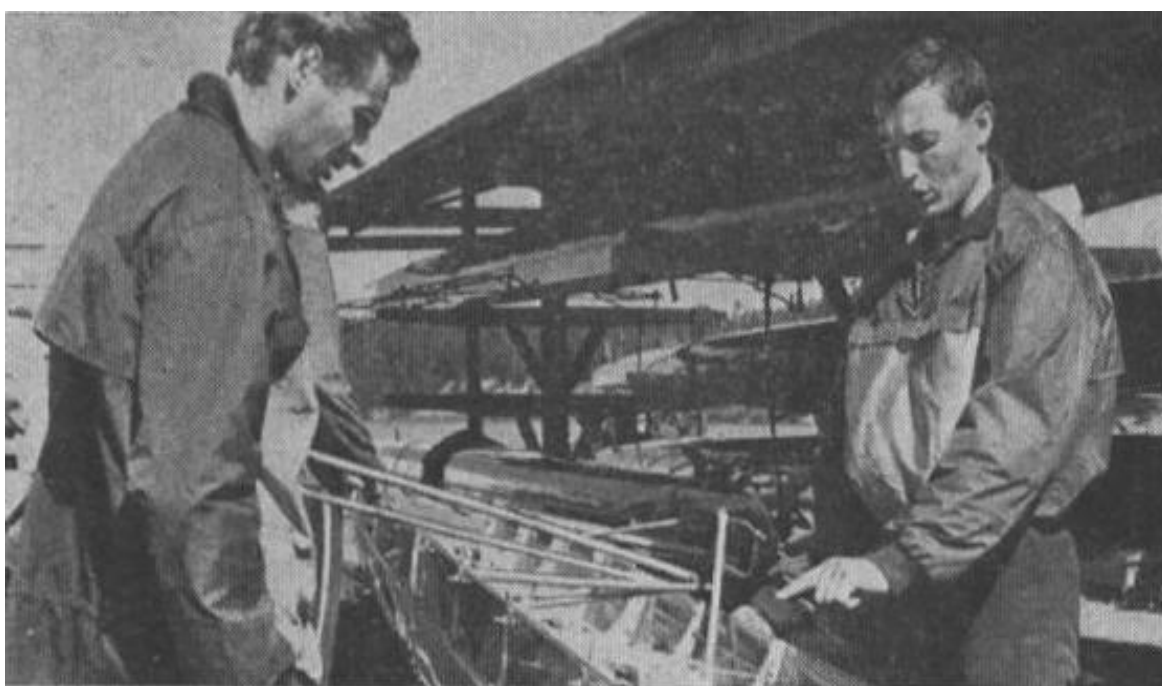
Первый состав восьмерки «Жальгириса», 1962 г.

Слева направо: рулевой Ю. Лоренцсон, загребной З. Юкна, А. Багдонавичус, В. Стерлик и Й. Ягелавичус после трудной победы на чемпионате Европы 1967 г.

Только что литовская восьмерка завоевала путевку на Олимпиаду в Мехико

Последние минуты перед стартом — Й. Ягелавичус (слева) и В. Стерлик

Руки гребцов должны быть мастеровыми

Победа!

Наши первые олимпийские чемпионки по академической гребле: Е. Хлопцева (слева) и Л. Попова на гребном канале в Крылатском

Сборная восьмерка СССР, занявшая на Играх в Москве 3-е место. Спустя год экипажу советской восьмерки впервые удалось выиграть первенство мира

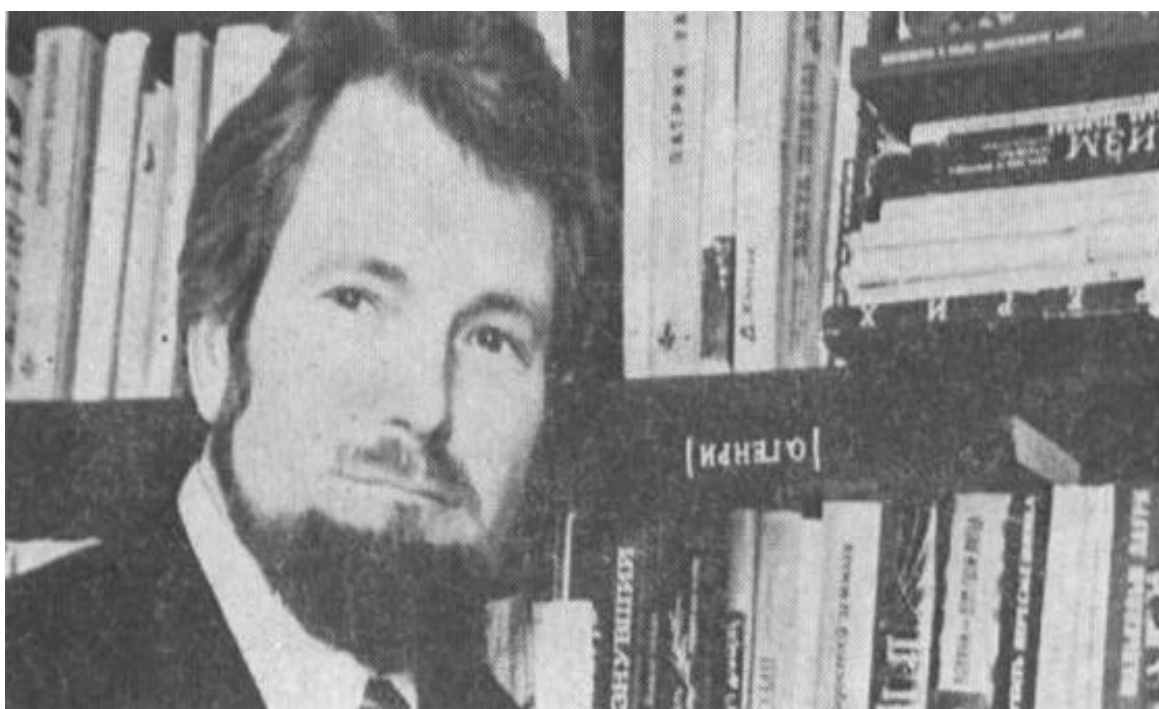
Через мгновение — старт восьмерки на чемпионате мира 1981 г.

Антанас Багдонавичус всегда желанный гость на соревнованиях молодых спортсменов

Парад ветеранов

ГЛАВА 1. ДОСАДНОЕ ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ СЕНСАЦИОННАЯ ПОБЕДА?

Вода в озере Альбано кипит. Ее вспенивают лодки из 33 стран и взъерошивает откуда-то появившийся ветер неизвестного направления. С ноющим сердцем и мы с Зигмасом Юкной приводим в порядок лодку. Будущие соперники здесь же готовятся к первой тренировке. Одного из них мы узнаем — это американец Конн Финдлей — чемпион Мельбурнской олимпиады на двойке с рулевым.

Тренер дает нам указания грести поспокойней, освоиться, отрегулировать лодку, но мы не можем удержаться, чтобы не показать своим соперникам, что и мы кое на что способны. Стараемся сделать несколько мощных гребков. Увы, это не удается.

На следующий день ветер утих, и до конца финальных соревнований ни одна волна не смутила поверхность озера. Но предстартовая лихорадка началась очень рано. За пять дней до соревнований состоялась жеребьевка. Мы убедились, что фортуна всегда улыбается сильнейшим. Тех, кто послабей, она забывает, как забыла нас в этот раз — попали в один заезд с американцами. Помню, кто-то пытался меня успокоить многозначительной, привычной и ничего не значащей фразой: «Спорт есть спорт». По-моему, можно было сказать проще: не повезло.

Не повезло нам и в другом. Мы приехали в Рим без рулевого, потому что никто особенно не верил в наш успех. Многие были убеждены, что после «утешительного» заезда мы окажемся среди зрителей. А на олимпийские игры без рулевого — все равно, что на свадьбу без невесты. Пришлось взять «напрокат» рулевого четверки — И. Рудакова.

XVII Олимпийские игры были для нас первыми, и проходили они в необычных условиях: стояла невыносимая жара. Небо не голубое, скорее серое, а солнце прямо сжигает, только оно взойдет — и термометр показывает 40 градусов. А ночи! Хоть глаза не закрывай — не дают уснуть мысли о соревнованиях.

Утро в день соревнований — пасмурное, чуть прохладное, но по-прежнему очень душно. Еще раз проверили лодку, весла. Последние указания тренера — н мы отталкиваемся от плота. Несколько гребков, а пот уже течет по лицу. Горячий, влажный воздух кажется густым туманом. Очень волнуемся, дрожат руки, ноги, плохо слышим и не можем понять команды судьи на старте.

Но это обычное предстартовое волнение длилось одно мгновение. Оно не помешало нам сосредоточиться. Наш рулевой поднимает руку — все хорошо, готовы, и после нескольких секунд звучит команда «Вперед!».

Старт удался. Прекрасный старт! Мы уже первые и с каждым гребком удаляемся от своих соперников. Все быстрее и быстрее летят мимо нас поплавки, обозначающие дорожки, а мы все увеличиваем темп. Не заметили, как прошли 500, 1000 метров. Грозные соперники остались далеко позади. Они длинным спуртом стараются нас догнать на финише, но уже поздно. Запас силы и скорости у нас немал.

Американцы финишировали через 7 секунд после нас. Мы попали в финал Олимпиады! Программа-максимум выполнена.

В следующем заезде участвует двойка объединённой команды Германии. Интересно, что покажут они? От эллингов видно, как завязалась у них ожесточенная борьба с сильной командой Уругвая — почти нос в нос прошли обе лодки 1500 метров и только на финише команда Германии оказалась сильнее.

Эти два заезда определяют фаворитов. Результат у нас и немцев почти одинаков, намного лучше результата третьего заезда. Значит, мы можем серьезно думать о призовом месте.

Мы опровергли все прогнозы, и, казалось, теперь уже никакие случайности не помешают. Фортуна ведь улыбается сильнейшим! Но препятствие нашлось. И какое! После предварительного заезда заболел З. Юкна. Выпил холодной воды и схватил ангину. Высокая температура, слабость. Казалось, уже придется смириться с судьбой, но надо знать Зигмаса Юкну! Он сумел преодолеть недомогание.

Команда СССР до финальных заездов стартовала удачно. Только одна лодка — восьмерка — не сумела попасть в финал. Другие же команды имели реальные шансы занять призовые места. По традиции и правилам, соревнования по академической гребле открывает четверка с рулевым. От эллингов видно, как команды выстраиваются на старте.

Вначале нашим не везет. Наша четверка не выдержала темпа, предложенного ею же, и финишировала четвертой, В двух следующих заездах победили советские гребцы. Очень напряженную тактическую борьбу вели ленинградцы В. Борейко и О. Голованов, они вырвали победу на самом финише. Вторую золотую медаль завоевал москвич В. Иванов.

Пора на старт. Все повторяется. Опять известные и неизвестные соперники. Известные те, которые победили в предварительном заезде, но «спорт есть спорт»...

Смело и решительно берем старт и после нескольких гребков вырываемся вперед, но у американцев фальстарт. Это видят все, но, поскольку первыми оторвались от плота мы, фальстарт приписывают нам. Опять мучительные минуты и какое-то нехорошее предчувствие. Чтобы не подвергаться риску, приходится выжидать не только команду стартера, но и пропускать всех вперед. На старте мы потеряли дорогие доли секунды и инициативу, но потом боролись смело и решительно. Одну за другой обошли все пять команд, и на отметке 500 метров стали уже лидерами. Чуть позади — двойка объединенной команды Германии. Но дальше становится все трудней, и на отметке 1000 метров, так называемой «мертвой точке», кажется, совсем иссякли силы. В мгновение нарушились слаженные гребки. Опытные соперники заметили наше замешательство, предприняли спурт и вышли вперед. Борьба еще не была проиграна: спуртовав, они отдали много сил, и теперь шли по инерции, а мы гребок за гребком приближались к ним. И вот последние мгновения на финише. Я уже вижу руль их лодки, еще несколько гребков, и мы будем первыми, но... Звучит финальный гонг — борьба закончена.

Я еще не мог сообразить, что произошло. Когда понял, от обиды хотелось плакать. Злился на весь свет. Обидно было, что нас считали безнадежной командой и что мы сами, чувствуя себя сильными, недостаточно верили в возможность победы.

Но если размышлять трезво, было ли второе место на Олимпиаде в Риме для нас, новичков, поражением? Спортивная жизнь наша только начиналась, и серебряные олимпийские медали, немало способствовавшие командной победе, свидетельствовали об успехе небывалом, невероятном.

Потом мне довелось выступить еще на двух олимпиадах. Но Игры в Риме оказались для меня самыми памятными. Может быть, эти Олимпийские игры запомнились потому, что они были первыми для меня и Зигмаса Юкны. Но скорее всего дело в том, что результат, который мы показали на озере Альбано, позднее нам так и не удалось превзойти. А ведь странное дело, право. В Риме мы выступали неопытными гребцами, с явными погрешностями в стиле. Потом набрались спортивной мудрости, стали более выносливыми, улучшили стиль гребка, но, увы, свое олимпийское достижение 1960 года, так и не сумели хотя бы повторить. Чего только не бывает в спорте!

На Играх в Риме советские олимпийцы выступили блестяще, и у всех нас было поэтому особенно приподнятое настроение. Помню прыжок Роберта Шавлакадзе, принесший ему золотую медаль, уверенный, легкий бег наследника знаменитого Владимира Куца — Петра Болотникова, мельканье «золотой» рапиры Виктора Ждановича — нашего первого олимпийского чемпиона в фехтовании.

Не подкачали и гребцы. После успеха в Мельбурне вторую олимпийскую победу одержал на одиночке Вячеслав Иванов. У него до этого на протяжении двух сезонов выигрывал его постоянный соперник австралиец Стюард Маккензи. Но в Рим наш спортсмен прибыл прекрасно подготовленным. Маккензи вышел с ним на тренировку и быстро убедился, что и в официальной гонке Иванов не даст ему ни одного шанса на успех. Австралийский гребец собрал вещи и покинул Олимпийскую деревню, так и не выступив на озере Альбано.

У Вячеслава Иванова вообще не осталось достойных соперников. Финальный заезд он провел почти в тренировочном темпе — делал 28 гребков в минуту, тогда как в более сложной ситуации темп Иванова равнялся 34—36 гребкам.

После его победы итальянская «Гадзетта делло спорт» писала: «Это большой мастер, гребец высокого класса,, самый сильный в мировом гребном спорте после войны, и если мы не рискуем пойти дальше в глубь времен, то лишь из-за трудности сравнения».

Еще одну победу советские гребцы на академических судах праздновали в классе двоек распашных без рулевого. Успеха добились ленинградцы Валентин Борейко и Олег Голованов. Они не отличались высоким ростом, могучим телосложением, зато превосходили соперников в другом: в выносливости, в умении резко и слитно делать гребки — будто гвозди вколачивали. Этот стиль помог им выиграть острейшую борьбу у финишного створа.

Могли одержать победу и наши знаменитые, опытные гребцы на двойке парной Юрий Тюкалов и Александр Беркутов. Но когда они ехали к озеру Альбано, чтобы выступить в полуфинальном заезде, водитель автобуса случайно проскочил поворот, и гребцы только чудом успели к старту. Без разминки, со взвинченными нервами, они не смогли в этот день попасть в финал, что в нормальной ситуации не составило бы для них большого труда. Вынуждены были пробиваться в финал через «утешительный» заезд, который также отнял у них много сил, и решающую гонку они проводили очень уставшими. Но все равно Тюкалов и Беркутов завоевали серебряные медали. Любопытно, что на следующий год на чемпионате Европы они встретились с победителями этой олимпийской регаты — гребцами Чехословакии — и уверенно победили их.

И тогда и позднее наша и зарубежная пресса много писала о победителях Римской олимпиады, но без особого внимания отнеслась к выступлению четырех ленинградских инженеров, которые завоевали бронзовые медали. Быть может, по физическим данным Юрий Бачуров, Анатолий Тарабрин, Игорь Ахремчик и Валентин Морковкин уступали участникам финального заезда. Зато в умении владеть веслами, . правильно строить план гонки, в своей самоотверженности они могли поспорить с любыми соперниками, и эти качества принесли ленинградцам почетные бронзовые медали. Любопытно, что сейчас один из представителей этой четверки — Валентин Морковкин работает директором рижской судовой верфи «Дзинтарс», которая выпускает гребной инвентарь. Это предприятие уже достигло больших успехов, на лодках судовой верфи «Дзинтарс» сейчас выступают многие наши сильнейшие спортсмены.

Итак, на Олимпийской регате в Риме советские гребцы заняли первое место в командном зачете. По этому поводу газета «Унита» опубликовала такой комментарий: «В заливе папской резиденции, где обычно звучит священная музыка, вчера звучал национальный гимн Советского Союза. Подзорные трубы, через которые монсеньоры следили с горы за проходящими внизу состязаниями, наверное, дрожали, когда советский флаг взвизывался вблизи их резиденции высоко-высоко в небо».

Игры закончились. Мы с Зигмасом возвращались домой, не зная, радоваться нам или огорчаться. Мы интуитивно ощущали, что только что были ближе всего к высшей спортивной победе, что в дальнейшем судьба вряд ли подарит такой шанс еще раз. Но мы

были молоды и очень хотели верить в удачу. Мы дали друг другу слово сделать все возможное для достижения самой большой и почетной победы в спорте — олимпийской.

ГЛАВА 2. ТАКИМ БЫЛО НАЧАЛО

Незабываемы мечты детства, как забываем первый день в школе, первые соревнования, первые медали и первые Олимпийские игры... Воображения ребенка не обуздывает опыт взрослого, поэтому его мечты так крылаты. Многие из нас хотели стать летчиками и капитанами, артистами и спортсменами. И хотя не все становятся теми, кем мечтали, эти мечты детства не только красивы, но и полезны. Ведь фантазия пробуждает упорство в достижении цели.

Что меня побудило стать спортсменом? Вопрос, казалось бы, простой, а ответить на него мне и сегодня трудно.

О знаменитых спортсменах пишут много. Пишут и сами они о себе. И чаще всего первые страницы этих мемуаров бывают похожи друг на друга. Создается впечатление, что каждый уже с колыбели занимался спортом, хочешь верь, хочешь нет. «Все это выдумки журналистов», — сказал бы Зигмас Юкна, у которого в 22 года не было ни рекордов, ни медалей. В этом возрасте он и вовсе не занимался серьезно спортом. Но он тоже умел мечтать. А в спорте это с детства идущее стремление к победе, упорство не менее важно, чем физические данные.

В детстве я жил очень далеко от спортивных площадок и стадионов. Казалось, что Тверячус — самый захолустный уголок в мире. Каждый год к нам приезжали учителя разных специальностей, но долго не задерживались. Некоторые начинали внеклассные занятия, которые продолжались всего несколько месяцев.

Энергии хоть отбавляй: я до поздней ночи готов был гонять мяч, кататься на коньках, на лыжах. Но такие счастливые дни были редки. Слишком мало было мячей, коньков и лыж. Правда, шахматные и шашечные турниры проводились регулярно. Энтузиасты вставали в пять часов утра, брели по пять-шесть километров в школу и там перед уроками соревновались.

И все-таки хотелось не только умственной гимнастики. Однажды осенью нам, мальчишкам из Тверячуса, улыбнулось счастье. Появился новый преподаватель физкультуры — Бронюс Шимкунас. Глядя на него, можно было сказать, что он работает по такому принципу: что тяжело — делаю быстро, что невозможно — сделаю, по придется немножко подождать. В школу он приходил очень рано и со старшеклассниками оборудовал волейбольные и баскетбольные площадки, беговые дорожки, сам придумывал разные спортивные сооружения. Когда площадки и беговые дорожки были готовы, он взялся за невыполнимую, казалось, задачу — покончить с «неграмотностью» во всех видах спорта. Занимались легкой атлетикой, лыжами, спортивными играми. Захолустье проснулось за один сезон. Мы с завистью глядели на счастливых старшеклассников. К счастью, в детстве я рос очень быстро — к четырнадцати годам вырос до 185 сантиметров, и хотя чаще всего во время игры в баскетбол сидел на скамейке запасных, иногда и мне улыбалось счастье, и я выходил на площадку.

Таким было начало. Радуюсь, балуюсь, бежали по пять километров в школу, и это было для нас зарядкой перед тренировкой. Все свободное время до уроков, между уроками и после них проводили на площадках. Бронюс Шимкунас был хорошим бегуном, лыжником и никогда не отказывал себе в удовольствии участвовать в соревнованиях. Поэтому часто уезжал, оставлял нас одних, а вскоре и вовсе переехал в Игналину. А мы снова остались при шашках и шахматах.

После школы я подал заявление в Вильнюсский университет на физический факультет. И началась «предстартовая лихорадка». Еще чуть-чуть — и выбыл бы из

соревнований на право называться студентом. Стыдно вспоминать, что это волнение легко могло меня погубить.

Экзамены не были трудными. Первый — письменная работа по математике. Надо было решить пять или шесть задач. Пересмотрел задание — кажется, ничего страшного — и начал решать первую задачу. А она-то и оказалась крепким орешком. Я и так, и сяк — она ни с места. «Кончено», — подумал я, обливаясь холодным потом. Работа не шла. Просидел час, два — все безрезультатно. Многие уже сдавали законченные работы.

«Придется закончить и мне, — подумал я, — и не только экзаменационную работу, по и обучение в университете».

До конца экзамена оставалось пятнадцать или двадцать минут. Решил остальные задачки, но не успел переписать их с черновика. Сдал черновик, не очень надеясь, что в таком солидном учреждении станут читать исчерканную бумажку. Вышел за дверь и мгновенно решил и ту задачу, которая так меня измучила.

Другие экзамены поддавались легче — и вот я уже студент. Это был 1956 год — год Мельбурнской олимпиады. Доска объявлений в университете увешана в «три слоя». Разные спортивные кружки, группы, секции, общества приглашали желающих.

Газеты публиковали обширную информацию об Олимпийских играх. Однажды прочитал, что восемнадцатилетний Вячеслав Иванов, стартовавший на одиночке в академической гребле, завоевал золотую медаль. Мне тоже было восемнадцать, и в тот же день я очутился на гребной базе «Жальгириса», решил заниматься академической греблей. Бродил вдоль Нериса, видел, как красиво, слаженно, в едином ритме гребут спортсмены, как стремительно финишируют двойки, четверки и восьмерки.

И стала меня манить вода. Хотелось узнать секрет силы, скорости и выдержки гребцов.

В то время Литва еще не имела олимпийцев в гребном спорте.

Тяжелыми были для наших спортсменов послевоенные годы. Отступая, немцы разбомбили все гребные базы, надо было все начинать сначала. И примерно в то время, когда энтузиасты средней школы Тверячуса строили свои спортивные площадки, в Вильнюсе ветераны академической гребли Рудницкас, Обелянис, Лисковас организовали спортсменов на субботники. За короткое время отремонтировали лодки, эллинги, построили гребной бассейн, который, кстати, и теперь единственный в Вильнюсе.

Гребная база не могла вместить всех желающих. Тренировки и соревнования проходили интересно и разнообразно. Энтузиасты гребли Арбушаускас, Гелажюс, Повилопис в 1949 году организовали поход на академических лодках по маршруту Вильнюс — Клайпеда. В следующем году такой же поход совершили студенты Художественного института. Это способствовало популяризации академической гребли в Каунасе, Клайпеде. Тем временем появились неплохие команды, а на первенстве Литвы в 1949 году в первый раз одержал победу Ричардас Вайткавичус. Позже он проходил военную службу в Москве и наблюдал за знаменитой восьмеркой «Крыльев Советов», лелея надежду, вернувшись, организовать свою команду «Жальгирис».

Я робко открыл дверь гребной базы. Бассейн и тренировочный зал были переполнены. Работа кипела, бассейн шумел, как при девятибалльном шторме, а наверху ребята «играли» со штангой, которую я видел впервые в жизни. Мне показалось, что встретили меня со снисходительной улыбкой. Стало не по себе, но отступать было некуда, пришлось присоединиться к тренирующимся гребцам. В школе я хорошо выполнял все нормативы, но здесь выглядел неважно: в беге отстал, не решался подойти к штанге. Азбука же гребли показалась мне китайской грамотой. Вернувшись в общежитие, с таким трудом поднялся на третий этаж, что самому стало стыдно.

Прошло некоторое время, и меня посадили в восьмерку. По тем временам тренировался много. Студенты университета собирались пять или шесть раз в неделю,

садились в лодки и гребли против течения. Много внимания уделялось технике гребли. Я убедился, что далеко не всегда в гребле решающее значение имеют сила штангиста и мышцы гимнаста. Гребец скорее должен обладать качествами бегуна на средние дистанции и борца. «Посадите самого сильного штангиста в одиночку, и он проиграет начинающему гребцу, — говорил Вайткавичус. — Главное — техника, выдержка, чувство лодки».

Я понял, что в гребле надо думать. В лодке необходимо чувствовать товарищей по команде, мгновенно реагировать на изменения темпа и ритма. Малейшее невнимание одного из членов экипажа может испортить тренировку всей команде.

Любил тренировки и на суше: кроссы, игры, тяжелую атлетику. Чувствовал, что ноги, руки, плечи крепнут с каждым днем. Охотно садился в двойку, четверку, восьмерку, если надо было заменить гребца, не пришедшего на тренировку, и лелеял тайную мечту — попасть в университетскую восьмерку перед Универсиадой 1957 года.

Мне казалось, что в большом коллективе гребти легче, но в восьмерку я не попал, а оказался в парной двойке с Р. Марчаускасом, студентом историко-филологического факультета. И вот наступило долгожданное майское воскресенье. С самого утра я не находил себе места. Тренер успокаивал: «Главное, думайте не о победе, а о правильной гребле, и все будет хорошо».

Нас вызвали на старт. Первый раз стояли у стартового плота. Поднялся ветер. Во время тренировок на Нерисе мы волн не видели. Стремглав бросаемся вперед. Рубим веслами по воде, а лодка еле движется. Не смогли скоординировать движения, кажется, забыли все, что знали, что умели, а тут еще волны окончательно вывели нас из строя. И только спустя несколько лет я понял, что это майское воскресенье было началом пути в спорт.

Быстро шли студенческие годы: лекции, лабораторные работы, экзамены, тренировки, соревнования... Тогда студенты университета принимали участие во всех первенствах — города, республики и СССР. То в одном, то в другом месте появлялись хорошие команды.

В 1956 году Литва дождалась первых чемпионов по академической гребле. Юниорская парная двойка, в которой гребли Ю. Иодказис и Р. Дамбраускас, на первенстве СССР стала чемпионами. С этих лет и можно начинать летопись академической гребли Литвы. А ведь титулы победителей были завоеваны ими не на хороших лодках. В Литве не было ни специалистов, ни тренеров, ни методики, ни школы. Этот успех был результатом мужества, энтузиазма, желания победить.

В течение последующих двух лет академическая гребля в Литве заметно окрепла. Чемпионами СССР среди юниоров стали четыре наших спортсмена: Р. Шармайтис, Л. Федоренко, Р. Левицкас, Е. Левицкас. Появились сильные восьмерки в Вильнюсе и Каунасе.

Одним из гребцов вильнюсской восьмерки оказался и я. На последнюю проверку сил перед первенством СССР на озере Гальве в Тракае собрались самые сильные гребцы. Все с нетерпением ждали финальной борьбы восьмерок.

С самого старта без разведки и тактических хитростей началась ожесточенная борьба, которая продолжалась до финиша, а перед финишем мы «врезались» в волну, как говорят гребцы, «поймали леща» — то есть весла глубоко ушли в воду — и в результате проиграли десятые доли секунды каунасцам. И все-таки наш результат был своеобразной победой. За сезон сделали такой скачок, что могли претендовать на звание чемпионов Литвы. Однако это слабое утешение, когда проиграл. Неважно, сколько — 0,1 или 0,01 секунды. Сезон для меня был окончен.

Схватил свой спортивный рюкзак и убежал с соревнований, даже не дожидаясь их закрытия. Конечно, волна виновата, но «леща»-то поймал я!

Долго бродил по улицам города, не зная, куда деться. Поздно вечером пришел в общежитие. Друзья не заметили ни меня, ни моего хмурого лица: они внимательно слушали спортивный репортаж.

«И вот мы на озере Гальве», — услышал я. Казалось, от этих слов повеяло надеждой. Я был похож на того мальчика, который семь раз подряд смотрел фильм про Чапаева, надеясь, что на этот раз его любимый герой не утонет и переплывет реку. Увы, решение судьбы осталось в силе...

И только на следующий день я узнал от товарищей по общежитию, что из проигравших команд будут комплектоваться разные экипажи с целью укрепить сборную республики, которая примет участие в первенстве СССР.

Одним из виновников поражения восьмерки считался я — врожденный, тихход, не справляющийся со скоростью. У меня длинные руки и ноги, поэтому медленная реакция. Может быть, целесообразнее пересесть в двойку и подобрать себе подходящего партнера? Партнер тотчас нашелся. Им стал загребной нашей восьмерки З. Шонта. Готовиться к соревнованиям было уже некогда, перед выходом на старт провели одну-единственную тренировку. И тем не менее соревнования мы выиграли. Первое препятствие было преодолено.

Увы, только что созданная команда просуществовала лишь несколько дней. Шонта должен был принять участие в геологической экспедиции. Создалось очередное затруднение. Проигравшие уехали в отпуск, а победители не могли стартовать. Сборная Литвы осталась без команды, а я — без партнера.

Выход из сложившегося положения нашел тренер Вильнюсского педагогического института П. Зинкявичус. Он сказал:

— Есть для тебя партнер — Зигмас Юкна. Волевой, сильный, упрямый, настоящий боец. Гарантирую, что не ошибешься. Надо только убедить тренерский совет.

Так родилась двойка, самостоятельная сборная из студентов двух высших школ: университета и педагогического института. Самостоятельная потому, что ни у одного тренера не было возможности работать с нами. Р. Вайткавичус еще сам активно занимался спортом и все внимание уделял своей команде — четверке с рулевым, а П. Зинкявичус после первенства Литвы вернулся на свою основную работу. Мы оказались аутсайдерами сборной. И когда надо было решать, посылать на первенство СССР или не посылать, то пришли к выводу, что нам, молодым ребятам, полезло посмотреть большую греблю.

Прибыв в Москву, мы очень обрадовались: нас ждала совершенно новенькая, благоухающая лаком лодка. Правда, для нас она была только полуфабрикатом. Даже опытному гребцу понадобится примерно неделя, чтобы привести в порядок свое «орудие труда». Тонкостей мы еще не знали и начали самостоятельно разбирать механику гребли, да так ее изучили, что могли бы даже написать учебник.

Дни были невероятно тяжелыми: страшная жара, долгие тренировки. Хорошо, что Юкна оказался именно таким партнером, о котором говорил тренер Зинкявичус. Он «пахал», не обращая внимания на усталость. На контрольных соревнованиях сборной Литвы мы показали, что уже не аутсайдеры. Один раз во время завтрака в столовой я услышал:

— Смотри, и в двойке с рулевым поймали «гребок»!

На самом деле мы чаще ловили «леща».

Приближалось первенство СССР. Главной задачей в те времена было попасть в финал. Мы для себя ничего не планировали. Что тут планировать, когда соперники один другого крупнее, грознее. Изредка они нас окидывали взглядами, в которых явно сквозило превосходство.

Но оказалось, что соперника надо уважать. И хотя в первый день соревнований мы не попали в финал, но убедились, что не только будем в финале, но и заставим уважать себя. Так и случилось.

Сравнительно спокойно, не волнуясь, с хорошим результатом прошли в предварительном и «утешительном» заездах, а потом, когда уже запахло призовым местом, начали волноваться.

В день финальной гонки я встал рано утром и побежал посмотреть, откуда дует ветер. Почти единственный раз за всю спортивную карьеру нам улыбнулась фортуна — дул встречный ветер. Дело в том, что, когда технически чувствуешь себя слабее, лучше, если скорость лодки небольшая: можешь грести медленнее и всё успеешь.

Вышли на старт. Прозвучала команда, и мы бросились вперед. Лодка дрожала, словно сделана не из дерева, а из картона. Брызги поднимались до небес. Однако лишь небольшая доля наших усилий толкала лодку вперед. Остальная энергия уходила на то, чтобы вспучивать воду и поднимать волны. Комментатор объявил, что впереди литовцы, но многие на трибунах решили, что это ошибка. Приличную часть дистанции мы действительно были первыми. Потом первое место уступили украинцам — И. Емчуку и Г. Жилину, которые технически и тактически были сильнее.

На трибунах уже ясно видели, что мы вторые. Болельщики встали и скандировали нам. Нечасто случаются такие неожиданности в спорте. Но у самого финиша произошло очень обидное и неприятное для всех гребцов недоразумение. Идущая от судейского катера волна подбросила нас вверх, потом вниз, унесла с собой наше второе место и серебряные медали. Нам досталась бронза. Бронза и самые бурные аплодисменты, хотя этот металл и не причисляют к благородным. Это были самые сенсационные наши медали.

ГЛАВА 3.

ПЕРВЫЕ ЧЕМПИОНСКИЕ ТИТУЛЫ

Слава спортсмена недолговечна — длится, пока он стоит на пьедестале почета. После того как мы завоевали серебряные медали на Олимпийских играх, нас ждало новое серьезное испытание — чемпионат СССР. И если раньше любители спорта только желали нам победы, то сейчас уже требовательно ждали от нас золотых медалей. Мы не могли не оправдать этих надежд. О поражении страшно было и подумать.

Но не только мы были полны решимости добиться победы. Накануне Римской олимпиады много хороших команд появилось в разных областях СССР, Украины, Прибалтики. А нам очень нелегко было остаться в хорошей спортивной форме на протяжении такого долгого и напряженного сезона. После трудных соревнований все равно расслабляешься, как бы ни старался остаться в форме.

И вот первый заезд на чемпионате СССР. Жребий свел нас с чемпионами СССР прошлого года среди юношей братьями Сафроновыми из РСФСР.

Старт. На мой взгляд, первые 200—300 метров дистанции можно назвать дебютом борьбы. В первую минуту происходит очень многое. Конечно, ход борьбы зависит и от тактических указаний тренера.

Обычно принимается один из двух тактических вариантов. Первый — когда на старте стараешься много не проиграть, всю дистанцию держишь противника на небольшом расстоянии от себя. Цель — обойти его на второй половине дистанции. С помощью умной тактики рулевого это можно сделать, когда соперник приблизится к «мертвой точке», или можно, мобилизовав все силы, «поймать» его на финише. Второй вариант — активный старт: с первыми гребками постараться ошеломить соперника, сразу взять инициативу в свои руки и таким образом в начале гонки сломать сопротивление.

У нас была хорошая стартовая скорость, поэтому нам больше подходил второй вариант. После старта лидируем, но незначительно. Поскольку нас преследовали с таким постоянным упорством, не давая уйти ни на один метр, мы поняли, что упорная борьба продолжится и на второй половине дистанции. Напрягаем последние усилия и, кажется, выходим вперед примерно на корпус лодки. Но братья тотчас опять сравнялись с нами. Со стороны, может быть, и показалось, что мы выигрываем, но мы-то уже не были новичками и понимали, что, пока мы не добились превосходства, борьба остается очень упорной и что один неосторожный гребок, секундное замешательство может все решить. На отметке 1500 метров накал борьбы достиг кульминации. Ценой невероятных усилий соперникам удалось почти сравняться с нами. И все-таки это оказалось их последней, попыткой повернуть исход гонки в свою пользу. Несколькими мощными гребками мы вырвались вперед, и они сложили оружие: еле ползли к финишу. Трибуны молчали. Зрители были разочарованы, они ожидали острой борьбы до самого финиша. Замолчал и громкоговоритель. Возможно, растерялись судьи, думая, что остановились хронометры. Потом диктор торжественно объявил: «Неслыханный результат на Химкинском водохранилище — 7.20 — показала двойка с рулевым, в составе которой призеры олимпийских Игр Зигмас Юкна и Антанас Багдонавичус».

На самом деле ничего особенного не произошло. Мы показали хороший результат, по далеко не самый лучший. На первенстве СССР мы выступили явно ниже своих возможностей.

Вскоре, через два дня, прозвучал долгожданный финальный гонг. Нас наградили первыми золотыми медалями чемпионов СССР.

ГЛАВА 4. «ЗОЛОТО» В ЗОЛОТОЙ ПРАГЕ

В 1959—1960 годах мы добились весьма внушительных результатов. Завоевали призы и чемпионские титулы на первенствах СССР и ВЦСПС, показали лучшие результаты на Химкинском водохранилище, в Тракае и на озере Альбано.

А самым большим нашим достижением были серебряные олимпийские медали.

Друзья-студенты удивлялись таким головокружительным успехам. Нам задавали один и тот же вопрос: «В чем секрет всех этих побед?» Что мы могли тогда ответить? После стольких лет на многое смотришь критически. Перелистывая дневники тех лет, сравниваю результаты. Вновь перед глазами давно забытые фамилии, давно достигнутые результаты, которые тогда были выдающимися, а теперь уже никого не удивляют. Обладателями их были восходящие звезды первой величины. Увы,, они быстро погасли, ушли из спорта, так и не сказав в нем своего слова. А могли многое сделать. Тогда технически они были равны нам, физически сильнее, а победить нас так и не сумели. Не сумели потому, что больше надеялись на талант, чем на труд. И если на первенстве СССР мы показали неплохой результат, то только потому, что за последний сезон проделали такую работу, какую другие команды планировали почти на два сезона.

Гребцы одними из первых начали тренироваться два раза в день. И все-таки, наблюдая за лучшими зарубежными командами, можно было сделать вывод, что в подготовке мы несколько отстаем от них. На Олимпийских играх нам очень не хватало тактической подготовки и опыта, а кроме того, и выдержки.

Соревнования на высшем уровне проходят в сложных условиях. Они часто откладываются, переносятся, проводятся в течение трех-четырех дней, наконец, бывает повторный старт из-за нарушения правил. Это и многое другое требует от гребца напряжения и колоссальной выдержки. Чтобы догнать лучшие зарубежные команды, мы в течение года должны были увеличить число тренировок, значительно улучшить технику и усовершенствовать тактику. Общая специальная подготовка, конечно, важнее всего. Так что тренировки по бегу, которые я начал сразу, поступив в университет, не прерывались и теперь. Юкна отдал предпочтение более творческому виду спорта — лыжам. Он шел по лыжне сосредоточившись, много внимания уделяя технике, контролировал каждое движение, поэтому соревнования по лыжам всегда выигрывал. Острая борьба шла и на баскетбольной площадке. Баскетбол для нас был настоящей школой силы, выдержки и мужества. После тренировок не чувствовали ни ног, ни рук, еле поднимались на второй этаж общежития. А ведь надо было садиться за стол и готовиться к лабораторным работам, семинарам, зачетам. Закончив работу, хотя и смертельно усталые, чувствовали облегчение, а утром, как ни в чем не бывало, бодрые вставали на зарядку.

Приближался пятидесятый чемпионат Европы по академической гребле в Праге, который для нас должен был быть первым. За два месяца до чемпионата мы уже почти выполнили свой план тренировок. На матче Москва — Ленинград выиграли соревнования с большим преимуществом. Значит, тренировки с большими нагрузками идут успешно. Это были те самые километры, которые «делают чемпионов». Мы одинаково хорошо проходили классическую двухкилометровую дистанцию, короткие и длинные отрезки. Путь в Прагу был открыт.

Многим зарубежным командам, так же как и нам, было важно и то, что юбилейный чемпионат состоится перед первенством мира. Команды из многих стран комплектовались с целью проверить лучшие составы. Поскольку чемпионат Европы открытый, то на него приехали гребцы и из США.

Основная борьба должна была развернуться между командами СССР и ФРГ. Чаша весов склонялась в пользу команды ФРГ. В нее входили олимпийские чемпионы на четверке и восьмерке и другие именитые гребцы. Нас, еще неопытных спортсменов, очень интересовали всяческие прогнозы. Мы узнали о новой команде-сопернице — молодых чемпионах ФРГ, которые дома показали феноменальное время — 7.20. Они победили олимпийских чемпионов. Упоминались и наши фамилии, правда, в таком искаженном варианте, что трудно было их узнать. Это и неудивительно: попробуйте фамилию Багдонавичус написать по-английски, а потом еще перевести с английского на какой-нибудь другой язык!

В этом году мы успели неплохо зарекомендовать себя на Люцернской регате, добившись победы с хорошим результатом. Команда ФРГ в Люцерне не выступала, и судить о ней мы могли только понаслышке.

Мы наблюдали за тренировками будущих соперников, и, хотя трудно было оценить их выдержку, тактическую подготовку, ясно было одно: соперник очень опасен. Возможно, им не хватало стабильности, но зато работали они очень азартно, темпераментно и, главное, мощно. Даже против ветра они срывались со старта со спринтерской скоростью, что трудно ожидать от спортсменов с весом около ста килограммов.

В предварительных заездах и мы, и немцы прошли дистанцию одинаково. И вот финал. В этот день дул бешеный встречный ветер, и мы, выйдя из эллингов, находившихся рядом с финишем, поспешили на старт, даже не успев хорошо разогреться. На старте лодку безжалостно бросали волны и порывы ветра. Судьи никак не могли выровнять лодки, а мы страстно рвались в бой. Нервное напряжение достигло высшей точки. По команде рванулись навстречу ветру. Рулевой Г. Моркус успел крикнуть, что мы отстаем. Я быстро оглянулся и увидел, что соперники на самом деле уже впереди и с каждым гребком сантиметр за сантиметром уходят от нас. Ветер не утихал, казалось, он несет нас назад. «Лишь бы не растеряться, иначе конец». Первые 500 метров мы начисто проиграли. Вторые 500 метров начались не намного лучше. Рулевой повторял одно и то же: «Идем вторыми! Отстаем на половину корпуса».

Возможно, этого еще не заметил ни рулевой, ни зрители, так энергично скандировавшие на берегу, но положение на дистанции стало меняться. Вторые 500 метров мы прошли с одинаковыми результатами. Ветер понемногу утихал, а самая тяжелая борьба была еще впереди. Несмотря на страшную усталость, мы еще могли бороться, и когда рулевой закричал: «Последние 500 метров!» — появилось второе дыхание, мы со стартовой скоростью пошли к финишу. Соперники неожиданно выдохлись, их темп упал, медленнее стало начало гребка, слабее — сам гребок. Первыми финишировали мы, вторыми немцы, третьими спортсмены из Чехословакии.

Победа!

Команда нашей страны опровергла все прогнозы и была готова увезти домой все «золото» Праги. Все советские экипажи, кроме двойки без рулевого и восьмерки, выбывших из соревнований после «утешительных» заездов, были очень сильны. Серебряные медали завоевали четверки с рулевым и без рулевого, золотые — одиночка, парная двойка и двойка с рулевым. На торжественном закрытии чемпионата нам вручили приз Гландазы за наибольшее число первых мест, а также приз Гастона Мюлега за наибольшее число призовых мест. Приз Карло Монте получили итальянцы за наибольшее число очков, завоеванных на крупных лодках. Не обошли вниманием и нашего тренера Р. Вайткявичуса, который еще выступал сам. На каждом чемпионате Европы проходят регаты ветеранов, и он как ветеран, обладающий лучшей спортивной формой, стал загребным в восьмерке, в которой сидели все бывшие звезды Европы, самые титулованные ветераны гребли!

ГЛАВА 5. ЛУЧШЕ — СРАЖАТЬСЯ НА ВОДНЫХ ДОРОЖКАХ!

Темнело очень медленно. Самолет со скоростью 400 миль в час летел на запад, догоняя солнце. В салон в который раз входила стюардесса, демонстрируя, как пользоваться спасательными средствами. Уже в третий раз подряд нас кормили сказочно обильным ужином. Дело в том, что еще не было принято соглашение, регулирующее питание в самолетах, и каждая авиакомпания старалась перещегоолять другую. Ну а пассажиры охотно соглашались отведать плоды столь жестокой конкуренции.

Летели одиннадцать часов, уже и темнело и светало, а нам казалось, что мы не движемся. Нью-Йорк все еще не видно. Наконец, когда самолет сел на посадочную полосу тогда еще не имевшего названия аэропорта, мы поздравили друг друга с тем, что не пришлось пользоваться ни спасательным жилетом, ни порошком, охраняющим от акул. Город, о котором много читали, видели кинофильмы, встретил нас жарой, влагой и смогом.

Нас сразу подхватил так называемый американский образ жизни. На пункте паспортного контроля держали всего секунду, а наши чемоданы уже стояли в таможене. Вот это оперативность!

— Везете водку, шампанское, виски?

— Нет, мы — спортсмены.

Досмотр прошли быстро. Однако чемоданы были проверены до ниточки, как будто искали шифры, оружие, взрывчатку... Все спешили. Создавалось впечатление, что каждый опаздывает на последний поезд. Охваченные этим ритмом, мы тоже заспешили. Мы ехали в Филадельфию, где через несколько дней, 4 июля, в честь национального праздника США должен был состояться матч СССР — США.

Сразу после чемпионата Европы в Праге Федерация СССР по академической гребле вела переговоры с Федерацией США о том, чтобы возобновить матчи в классе восьмерок. В 1958 году в Москву приезжала восьмерка США и выиграла у восьмерки ленинградского «Труда» — чемпионов СССР. С тех пор прошло три года, отношения двух стран изменились к лучшему, и пора было вновь налаживать взаимоотношения в спорте. В поисках лучшей восьмерки многим советским гребцам было предложено попробовать себя в этом классе. Уговорили на это и нас с Юкной. И на первенстве СССР 1961 года мы завоевали две золотые медали — в своей любимой двойке и в восьмерке. Восьмерка «Жальгириса» тогда была признана лучшей.

...Итак, мы несемся по шоссе с аэродрома в Филадельфию. Стрелка спидометра ползет от 60 к 70, а потом и к 80 милям в час. Вскоре показался полицейский и попросил нас остановиться.

— О'кей, мистер... Ваша скорость 80,3 мили, — сказал он. И пока блюститель порядка вымолвил эту фразу, наш шофер уже держал в руке пачку банкнот.

— Кого везете?

— Русских парней. Они спешат на соревнования.

— О! Гуд лак! — пожелал нам удачи полицейский.

После нескольких часов об этом происшествии уже писали газеты. Гостиницу осаждало множество любопытных, желавших увидеть таких редких гостей — парней из Советского Союза, а дорогостоящие билеты на регату были быстро распроданы.

До соревнований оставалось три дня. Нас ждал очень важный и ответственный матч, возможно, самые тяжелые испытания физических и душевных сил в нашей жизни. Участники матча СССР — США по легкой атлетике часто рассказывали, в каких

невероятно трудных климатических условиях им приходилось бороться. До сих пор эти рассказы казались экзотическими, нереальными. Теперь мы могли только завидовать тем, кто посещал русскую баню и хотя бы раз в неделю проходил в парилке «акклиматизацию».

Наши весла, с которыми мы не расставались даже на менее важных соревнованиях, застряли где-то между Лондоном и Нью-Йорком. Видимо, самолет был перегружен и их перенесли в другой — багажный. С лодками еще хуже. Академическая восьмерка не приспособлена пересекать Атлантический океан, поэтому приходилось выбирать из того, что предлагали хозяева соревнований. Обычно гребцы всего мира (за небольшим исключением) пользуются лодками швейцарской фирмы «Штемефли». Американцы, которые были непобедимы в классе восьмерок до 1960 года, стартовали только на лодках своей фирмы «Покок». Тяжелые и крепкие, они больше напоминали свою прабабушку — греческую боевую триеру, предназначенную не для гонок, а скорее для схваток — таранить корабли противника. Везет нашим соперникам — только в клубе университета Пенсильвании насчитывается более 20 восьмерок, 10—12 из которых все время на воде, даже вне сезона (было начало июля, и студенты уже закончили экзамены.) Средний рост гребцов — около 180 сантиметров. Многие из этих гигантов не достигают высоких результатов, но как бы то ни было победить на первенствах университета при такой конкуренции тоже почетно. Когда спортсмен добивается такой победы, обычно сразу оставляет спорт. Дело в том, что достичь более высоких результатов он сможет за три-четыре сезона, а ведь через год-другой он уже выпускник и, защитив диплом, поступает на работу, где нет условий серьезно заниматься спортом.

Мы долго примерялись и наконец остановили свой выбор на лодке, более всех соответствующей нашим данным. Однако после нескольких тренировок стало ясно, что на ней мы тоже не сможем стартовать: создавалось впечатление, что мы совсем не умеем грести, идем, как новички. Будущие соперники с улыбкой наблюдали за нашей первой тренировкой на реке Скилбил, пожимали плечами и сомневались, не слишком ли далеко мы приехали учиться азам гребли.

Положение казалось безвыходным, но выход надо было найти. Начали осматривать устаревшие, вышедшие из моды, попорченные лодки. Хорошо, что американцы любят старину и так тщательно ее оберегают! В самом отдаленном уголке лежала очень старая швейцарская лодка, пользовались которой в незапамятные времена. Накануне соревнований взялись за работу. После тяжелых тренировок еле держались на ногах. Глаза слипались, потому что в Литве уже далеко за полночь. Но любой ценой все надо было сделать вовремя.

Вернувшись в номер, падаю на кровать, но не могу сомкнуть глаз. Звонит телефон. Появляются один, другой, третий друг, и вновь начинается обсуждение проблемы, несмотря на то что мы договорились в такое время о гребле не говорить. Включаем телевизор. Никогда еще не приходилось видеть на экране столько любви, драк, соревнований по боксу и кетчу одновременно, столько умирающих ковбоев и индейцев. Вдруг фильм прерывает реклама: «Лучший танец — твист!»

В Америке несколько дней назад родился этот новый танец. Некоторые радио- и телевизионные программы заполнены твистом, на пластинках — только твист, в газетах и журналах — тоже реклама танца. Тяжело с непривычки выдержать такую нагрузку. Телевизор очень скоро надоедает.

Четвертого июля каждый год по традиции в Филадельфию, в тот самый зал, в котором в 1776 году была провозглашена независимость, приезжает президент отметить национальный праздник США. В этот раз президент почему-то не принимал участия в торжествах. Приехали конгрессмены, множество знаменитостей.

Очень много говорилось и писалось о соревнованиях в классе восьмерок. Их ждали с нетерпением. Пресса, радио, телевидение информировали о будущих соревнованиях,

поэтому после торжественной части десятки тысяч людей повернули к реке Скилкил. Спустя три года опять вышли на старт восьмерки США и СССР. В нашей лодке сидели Р. Вайткавичус, З. Юкна, В. Бриедис, П. Карла, И. Ягелавичус, А. Багдонавичус, Д. Семенов, Я. Черствый, Ю. Лоренцсон. Кроме основных соперников на старт вышла и восьмерка Канады. Это еще больше усложнило условия борьбы. Дело в том, что на дистанции с поворотом примерно в 500 метрах от старта легко потерять завоеванное преимущество, если поворот пройти хуже соперников. Кроме того, чем больше лодок, тем больше возможностей столкнуться.

По традиции перед стартом мы присели. Обсудили план борьбы, тренер дал последние указания. План наш примерно таков: любой ценой до поворота хотя бы минимально опередить соперников и, не замедляя темпа, бороться до последних метров. План рискованный. При такой чудовищной жаре и влажности спурт, предпринятый в начале дистанции, мог для нас печально кончиться.

За полчаса до старта начинаем разминку. Прошли каких-то 300—500 метров, а были мокрыми, как после купания. На лице выступила соль. Разминочные старты еще полбеда, но когда подумаешь, что впереди двухкилометровая дистанция, делается не по себе. Однако на раздумья времени нет: лодки уже выстраиваются на старте.

Переключка и выстрел судьи-стартера. Все лодки срываются со старта одновременно. На дистанции кричат рулевые, с берега — зрители, мы боремся изо всех сил, но большого преимущества не добиваемся.

Ценой больших усилий у поворота незначительно вырываемся вперед, но поскольку дома и стены помогают, то американцы, лучше пройдя поворот, почти сравниваются с нами. Приходится опять предпринимать спурт. С трудом выходим вперед.

Если соперники почувствуют, что они нас обходят, то на финише мы можем проиграть. Дело в том, что многое зависит от зрителей, крик которых мешает услышать команду рулевого. Слышим команду: «Десять сильных». Гребем поактивней, но больше уже ничего нельзя ни расслышать, ни понять. Скорее догадываюсь, чем слышу слова рулевого: «Мы впереди, приближаемся к победе». Преимущество, достигнутое в результате спурта, оказалось решающим. Мы взяли инициативу в свои руки, когда до финиша оставалось несколько сот метров. И под аплодисменты многотысячной толпы зрителей мы финишируем первыми. Силы кончились, кажется, еще перед финишем.

Зрители нас поздравляют, предлагают минеральную воду, кока-колу, пиво. А я сижу в лодке безучастный ко всему. Хорошо было бы чем-нибудь холодным прополоскать горло, совсем пересохшее, но нет сил даже протянуть руку за бутылкой минеральной воды.

Пока мы стараемся прийти в себя, соревнования с американской оперативностью продолжаются. Они похожи на хорошо отрепетированный спектакль. Директор все время ведет репортаж, подробно информируя зрителей о происходящем, очень кстати и вовремя останавливаясь на характерных эпизодах соревнований. Регата, оказывается, имеет и развлекательный характер.

После главных соревнований начинается открытая программа, в которой могут участвовать все желающие. Не обязательно высокое мастерство команд. Многие американцы остаются спортсменами на всю жизнь, участвуют в определенного уровня соревнованиях. Любо смотреть, как до последних метров борются за победу и старые и молодые. Их щедро награждают аплодисментами зрители.

Большинство ветеранов и патронов клубов тоже садятся в лодки и пробуют свои силы на дистанции. Средний возраст экипажа парной двойки, получившей серебряные медали в заезде ветеранов — 50 лет: загребному — 40 лет, первому номеру — 60.

Любители спорта, наверное, одинаковы во всех странах. Сотни рук протягиваются к нам, мы слышим поздравления на английском, русском, литовском, латышском языках. Какой-то американец жалуется, что мы испортили ему праздничное настроение, но сразу

признает, что все-таки лучше бороться на водных дорожках, чем в окопах. Какой-то латыш, слабо говорящий на литовском, от волнения вытирает слезы, благодарит за высоко поднятый престиж прибалтов. Отдаем дань коллекционерам автографов, которых здесь очень много. Некоторые из них спрашивают, что значат слова: Литва, «Жальгирис». Что ж, если интересуешься спортом, придется заново учить географию...

Американцы поразили нас своей гостеприимностью и заботливостью, принимали нас как редких гостей. Мы жили в роскошной гостинице, ели в лучшем ресторане дорогостоящие обеды и ужины, посещали разные знатные клубы, а после соревнований участвовали в приемах и поднимали тосты за прошедшие и будущие победы.

Хотите побывать в семье и увидеть, как живут американцы? Пожалуйста. Сегодня вас примет кирпичный «король», завтра — угольный или нефтяной. Все делается для того, чтобы мы ахнули: «Какой высокий уровень жизни у американцев» А нам хочется познакомиться отнюдь не с бизнесменами, мы хотим увидеть, как живут рядовые люди — рабочие, крестьяне и, конечно, студенты.

Знакомимся с Пенсильванским университетом. Тут нет проблемы языка. Дело в том, что в Америке многие учат русский. Американцы — люди практичные, они хотят у нас поучиться правильному произношению, и мы вынуждены долго каждому объяснять, что по-русски разговариваем ненамного лучше их.

Короткие, но волнующие встречи со своими бывшими соотечественниками — литовцами Америки, которых немало в Филадельфии, Нью-Йорке, Вашингтоне. Сердце сжимается, когда подумаешь о тех, кто, гонимый нуждой в далекие уже времена буржуазной республики вынужден был покинуть родину.

— Когда приедете в другой раз к нам, привезите хоть горсточку родной земли, — умоляли они.

Скромный ужин по литовскому меню в семье рабочего-литовца нам очень понравился. Здесь не было той роскоши, что сверкала у миллионера. Этот рабочий за 40 лет напряженного труда сумел приобрести домик и все необходимое. Покупал, конечно, в рассрочку, а расплачиваться еще долго. Чувствуется, что принимать гостей ему приятно, но наш хозяин вежливо извиняется, потому что уже поздно — 9 часов, перед работой надо хорошо выспаться. Завтра, как всегда, тяжелый рабочий день. Оказывается, не всем доллары сыпятся с неба.

Наступил наш прощальный вечер. Мы спешили в редакцию «Лайсве» (прогрессивная газета рабочих литовского происхождения), где нас ждали сотни людей. Но мы потерялись в потоке машин. Ползем со скоростью шесть-семь километров в час и ничего не можем сделать. Зная, как дорожат временем американцы, думали, что все разошлись: шутка ли, опоздали больше чем на час. Но зал был полон. Когда мы появились, нам устроили бурную овацию. От имени читателей и сотрудников «Лайсве» нас поздравили и вручили самую дорогую награду — вазу от прогрессивных литовцев Америки.

Американская пресса, комментируя это большое спортивное событие — матч по академической гребле между СССР и США, высоко оценила победу восьмерки «Жальгириса». А поражение американцев сравнивалось в печати с поражением у Перл-Харбора, где во время второй мировой войны японцы разгромили американский флот. Федерация США по гребле от дальнейших матчей отказалась.

ГЛАВА 6. КАКУЮ ЛОДКУ ВЫБРАТЬ!

Возвратясь из дальних странствий, мы стали собираться в Ленинград на первенство СССР, которое вместе с тем было отборочными соревнованиями перед первым чемпионатом мира в Люцерне. Экипаж восьмерки, удививший 50000 зрителей на регате в Филадельфии своей слаженностью и хорошей подготовкой, стал дружным коллективом.

В Ленинграде нас с Зигмасом ждала совсем новая, пахнущая лаком двойка. Ее специально для нас делали мастера Рижского завода по изготовлению спортивных лодок. Та швейцарская лодка, на которой мы выступали на Олимпиаде в Риме в 1960 году, вышла уже из строя. У рижских мастеров могли бы поучиться лучшие портные. Мы много раз ездили в Ригу на «примерку». Ничего удивительного, что лодка получилась как раз «впору». Если швейцарские мастера могут похвастаться своей ювелирной работой, то это судно, не уступая по качеству лучшим швейцарским, весило на 5 килограммов меньше. Теперь мы любовались ею как дети, разглядывающие прекрасную но, увы, недостижимую игрушку.

Так хотелось бы попробовать пройти на ней, но у нас на это совершенно не было времени. И хотя на чемпионатах СССР разрешалось участвовать в двух классах лодок, мы себе не могли этого позволить. Уставшие, измотанные длинной дорогой, мы никак не могли наладить греблю в своей восьмерке. Долгая утренняя тренировка, потом обед и отдых. Вечером опять тяжелая тренировка на скорость.

И все-таки мы не устояли перед искушением. Вели себя как мальчишки: вышли из столовой и окольными путями, чтобы никто не заметил, побежали на базу, чтобы испробовать новенькую двойку с рулевым. Когда закончили тренировку, друзья, уже отдохнувшие после обеда, собирались на базе. Они смотрели на нас молча. Мы прекрасно понимали, о чем они думают: старт двоек с рулевым будет раньше, чем восьмерок. Если мы выйдем на двойке, то любой ценой постараемся победить: кое-как барахтаться в воде чемпионам Европы не пристало. При таких обстоятельствах шансы на победу восьмерки «Жальгириса» невелики, тем более что у нее есть грозный соперник — восьмерка ЦСКА.

Нам надо было принимать решение, на какой лодке стартовать на чемпионате мира, и вопрос этот был не так прост, как может показаться с первого взгляда.

В гребле мы были еще молодыми, но уже не новичками. Обычно после большой победы спортсмен чувствует себя очень сильным, преувеличивает свои способности, свои возможности и берется за невыполнимые задачи. Мы с Юкной реально смотрели на вещи и никогда не строили воздушных замков.

Дальнейшие перспективы восьмерки были весьма туманными. Плохо обстояли дела с инвентарем. Наши заводы не выполняли вовремя заказы спортсменов. Когда, встревоженные, мы говорили об этом, нам чаще всего отвечали: «И так победите». Неразрешимой казалась и проблема запасных. Их просто не было.

Правда, слава знаменитой Ратцебургской восьмерки гипнотизировала нас. Это были победители многих международных регат, чемпионы Европы, победители олимпийских игр! Их именами пестрела спортивная пресса, их фотографии украшали обложки журналов, и вся «гребная индустрия» Западной Германии работала на эту восьмерку.

Взвесив свои возможности и перспективы, мы поняли, что реальные шансы завоевать медали чемпионов мира мы имеем на двойке с рулевым. Однако интересы клуба «Жальгирис» требовали сохранить состав восьмерки. И несмотря на то, что лавры чемпионов мира казались такими желанными, такими притягательными, такими достижимыми, мы... погрузили новенькую двойку в машину и начали готовить к финальному старту восьмерку-

Моем тщательно верх лодки (кажется, имеет значение каждая пылинка), натираем специальной пастой и, надев сверху еще один тренировочный костюм, ждем старта. Дело в том, что сегодня холодно и сыро даже ленинградцам, а нам — почетным гражданам города Филадельфии — просто невыносимо. Только перед самыми соревнованиями на озере Хеппоярви появляется радуга и ветер затихает.

Звучит команда: «Вперед!» Начало не сулит ничего хорошего. Еще ни разу не выигрывали мы у команды ЦСКА на отрезке 500 метров. Все должно решиться на второй половине дистанции, именно здесь выяснится, кто из нас выносливей. Армейцы гребут в бешеном темпе.

Не знаю, как все выглядит со стороны, но интуитивно чувствую, что дела плохи. Кажется, что лодка идет по смоле, ее тянет назад. Терпим поражение и сделать пока ничего не можем. Так прошли 800 метров. Потом немножко успокоились — видимо, исчезла надежда на победу, лодка выровнялась, и нам показалось, будто от руля отцепили тормоз.

Рулевой Ю. Лоренцсон дает команду: «Спурт!» Сделали 20—30 гребков, вышли вперед и как будто замерли. Силы кончались, а до конца далеко. Лишь бы скорей финиш. Лишь бы скорей! Волочимся. Кажется, беспомощно тащимся по инерции, но мы — впереди. Соперники тоже смертельно устали.

Рулевой просит, умоляет: «Еще десять гребков, еще десять», — а мы после двух-трех гребков опять идем прежним темпом.

Помню, очень тихо прозвучал финальный гонг. На финише слышали литовское: «вале». Понял, что победили.

— Не было гребли, была только гонка, — сказал старший тренер сборной СССР.

Мы не возражали. Однако как бы там ни было, хорошо или плохо, но путевки на первый чемпионат мира мы завоевали.

ГЛАВА 7. ВТОРЫЕ ПОСЛЕ «НЕПОБЕДИМЫХ»

Первый чемпионат мира должен был открыться 4 сентября 1962 года в швейцарском курортном городке Люцерне. Любители спорта считали нас уже без пяти минут чемпионами мира. Кто-то, помню, даже спросил:

— Велика ли возможность проиграть и какая случайность может вам помешать победить?

Мы находились в таком же положении, как и в 1961 году перед чемпионатом Европы, когда после серебряных олимпийских медалей от нас ждали только «золото». Нам тоже очень хотелось стать самыми сильными в мире в классе восьмерок, и мы работали с еще большей самоотверженностью, чем год назад.

Выполнить эту задачу в действительности было очень тяжело. Прибывшие из других команд новые гребцы своим почерком очень отличались от нашей команды и часто выпадали из общего ансамбля. Наша техническая подготовка не соответствовала уровню чемпионов мира. И мы поставили себе задачу — в течение месяца ликвидировать пробелы в технике, повысить общую и специальную физическую подготовку, «поладить» с новыми друзьями по команде.

В 1959—1960 годах восьмерки перешагнули трудно преодолеваемый барьер. При безветренной погоде они дистанцию 2000 метров стали проходить меньше чем за 6 минут. Трудно назвать точные результаты, место и время рекордов, потому что в академической гребле лучшие мировые достижения не фиксируются. Фиксируются только рекорды трасс, в большинстве случаев без учета скорости ветра. За два года результат в таком «консервативном» виде спорта улучшился на 5 секунд. Внесли свою долю и мы, и признанные фавориты — немцы, и гребцы из многих других стран — Италии, Франции, Чехословакии, Канады.

В 1959 году ратцебургская восьмерка победила на чемпионате Европы с веслами новой конструкции. Принципиальное отличие их было в том, что лопатка укоротилась и расширилась, а общая площадь осталась неизменной. Команды всех стран после чемпионата переняли эту новинку. Наше же техническое вооружение было старым, и мы не раз слышали насмешки: «русские гребут супердлинными лопатками и делают супердлинный гребок». Но этот супердлинный гребок нам помог на чемпионате мира. В день предварительного заезда бушевал переменчивый ветер скорее встречного направления. В таком случае выгоднее длинный мощный гребок.

Соревнования начали смело и решительно. Сразу же, со старта вышли вперед и первыми пересекли финишную линию — путь в финал открыт.

Шаг за шагом приближаемся к медалям, интересно только, какого достоинства? Так интересно, что не удается уснуть всю ночь. В конце концов «соглашаемся» на бронзу — и глаза наконец закрываются, но при мысли, что можем выступить ниже своих возможностей, опять просыпаемся.

Почти весь день финальных соревнований (старт назначен на шесть часов вечера) слушали музыку, играли в шахматы, читали газеты. Вокруг мертвая тишина. Улицы пусты: когда в городке идут соревнования по гребле, на улицах не увидишь людей — все у озера.

Изредка кто-нибудь из нас бежал в бар напротив, где был телевизор. Тем временем на озере Ротзее разыгрывались драматические события. После большого перерыва В. Иванов снова встретился со старым своим соперником из Австралии, чемпионом Европы, призером Мельбурнской олимпиады С. Маккензи. В. Иванов на этот раз красиво победил. Он все время шел сзади, а за 300 метров до финиша предпринял спурт и просто пролетел мимо Маккензи.

Другие заезды не были такими удачными: четверка с рулевым и двойка с рулевым завоевали бронзу, двойка без рулевого и двойка парная — серебряные медали.

Было жарко и душно. Когда шел на базу, казалось, что несу не спортивную сумку, а весь небесный свод на своих плечах. Мучительно долго тянулось время, пока с точностью до миллиметра выстраивались все шесть восьмерок. И вот даже опытные немцы не выдерживают. Они срываются со старта, хотя еще не прозвучала команда. Фальстарт. Снова выстраиваются лодки. Ну вот, кажется, все в порядке, но после команды французы отказываются стартовать — они, мол, еще не одеты. Судьи растерялись и, вместо того чтобы наказать провинившихся, фальстарт приписывают нам, потому что мы уже успели оттолкнуться от плота. Стартуя в третий раз, мы на всякий случай пропустили всех и тем самым потеряли инициативу. 500 метров идем то первыми, то вторыми, а дальше закрепляемся на втором месте.

Немцы в колоссальном темпе (42—46 гребков) прошли всю дистанцию и победили. Мы стали вторыми.

На следующий день укладывали лодки. Один из лучших гребцов восьмерки «Ратцебург» К. Гродек аккуратно чистил весла и складывал их в ящики. Мы подошли к нему с просьбой разрешить сфотографировать одно весло. Нам не давал покоя вопрос: в чем их сила? Неужели мы слабее их?

Еще задолго до соревнований сидели на скамейке и наблюдали за тренировкой этой команды. Видели, в каком бешеном темпе они шли 500, 1000 метров. Результаты по времени тоже были хорошими, прекрасными, но... лодка после гребка мало продвигалась, вперед шла, тяжело дергаясь, потому что гребки были мощными, но небольшой амплитуды. Внешний вид гребли — неважный, много технических ошибок.

В тот вечер мне стало ясно, что недостатки в технике они компенсируют силой, скоростью и выдержкой. Природа наградила их этими качествами, поэтому они могли позволить себе до поры до времени забыть про технику, не контролировать некоторых неправильно выполняемых элементов и грести так, как получится, лишь бы добиться нужной скорости. Этого достаточно, чтобы достичь результатов 5 минут 52 секунды и даже 5 минут 50 секунд. А дальше? Дальше неизбежно придется работать над техникой. Поэтому спустя некоторое время К. Адам — тренер этой знаменитой восьмерки — возьмется за кинокамеру и будет изучать технику лучших гребцов мира.

Нас, вернувшихся с чемпионата мира, любители спорта Литвы встречали с ликованием. Мы радовались вместе со всеми, но в душе чувствовали себя должниками и понимали, что долг вернуть еще не скоро сможем.

Мы попали в такую ситуацию, в какой, наверное, оказывались многие спортсмены и команды. Победа в своей стране и в США окрылила нас. А ведь победа сама по себе ничего не меняет, не обогащает технически, не исправляет многие недостатки, не приносит с собой знания и умения. Да и за месяц в гребле ничего не добьешься. Мне кажется, перед чемпионатом мира мы поставили себе явно непосильную цель. Неверной, по-моему, была и мысль из более сильных команд СССР по гребле образовать одну сильнейшую восьмерку.

Нет, я не против сборных. Упаси бог. Я всегда считал, что в лучшей команде страны должны сидеть сильнейшие гребцы страны. Но есть какие-то особые законы создания команды. В 1961 году на чемпионате СССР только что родившаяся восьмерка «Жальгириса» была непобедимой. И тогда, и позже ей проигрывала очень сильная восьмерка ЦСКА, в состав которой входили хоть и прекрасные, но так и не ставшие единой командой гребцы.

Нет труда на академической восьмерке пройти 2000 метров за 5 минут 50 секунд, нетрудно в нашей стране найти выносливого, сильного и быстрого парня, но гораздо труднее найти гребца, который гармонично влился бы в команду.

В поисках иногда проходят многие годы. Но бывает и так, что спортсмен, пришедший в новую команду со своим почерком, спустя год забывает, что он когда-то греб где-то еще. Так бывает тогда, когда человек своим характером и другими свойствами соответствует этой команде. Так, например, получилось с В. Стерликом из киевского «Динамо». Он прекрасно приспособился к нашей команде и уже спустя год никто не мог сказать, что он не наш. Но, к сожалению, часто бывает по-другому. Для одних гребцов, сменивших несколько экипажей, восьмерка «Жальгириса» была такой же, как и десятки других команд — не лучше и не хуже, и уж во всяком случае не роднее. Другим же хотелось стать в нашей команде солистами.

Увы, места звездам здесь не было, команде нужны были не солисты, а хористы.

ГЛАВА 8. НЕПОБЕДИМЫХ НЕТ

Итак, кончился трудный гребной сезон, и мы повесили весла сушиться. Но надо было позаботиться о других, новых веслах, современной конструкции. А сделать их оказалось нелегко. Мы были и консультантами, и инженерами, и организаторами. Не было сырья, опыта, но самое худшее — не было навыков и культуры труда. Производство весел не менее сложно, чем, скажем, музыкальных инструментов. Весло длиной 380—385 сантиметров, во-первых, должно быть легким (4 килограмма), хорошо сбалансированным, потому что внутренний рычаг плеча должен быть 110—114 сантиметров. Даже легкое, но плохо сбалансированное весло не годится. Оно должно быть упругим и крепким, потому что иногда гребец развивает мощность, превышающую одну лошадиную силу. И, конечно, самое тяжелое испытание — проверить их устойчивость в воде. Многие, сложные по своей технологии конструкции весла такого испытания не выдерживают.

Весла каунасской фабрики «Старт» не отличались хорошим качеством. Часто они оказывались плохо сбалансированными, тяжелыми, боялись солнца, воды, ветра и после нескольких тренировок скручивались в восьмерку. Но для нас были изготовлены весла новой конструкции, лучше прежних. Дела команды улучшались.

В. Стерлик, придя к нам, быстро освоил почерк команды. Он мужественно боролся за свое место в экипаже, не боясь никаких трудностей. Место Д. Семенова занял ленинградец Ю. Суслин. По сравнению с прошлым годом команда окрепла. Теперь можно было думать о серьезном соперничестве с восьмеркой «Ратцебург», которой мы уступили первое место на чемпионате мира.

Впервые я увидел знаменитую восьмерку «Ратцебург» и ее тренера К. Адама в 1960 году в Риме. Репортеры, корреспонденты, тренеры не спускали глаз с этой команды.

Ее тренер был яркой и противоречивой фигурой в мировой академической гребле. Сам Карл Адам никогда не сидел в спортивной лодке, увлекался метанием молота, был профессиональным боксером. Разумеется, его одолевали одним и тем же вопросом: дескать, как это ему удается, не будучи гребцом, готовить великолепные команды.

Обычно он отшучивался или уходил от этой темы. Но однажды я был свидетелем, как Адам ответил серьезно и обстоятельно. Сказал он приблизительно следующее:

— Видите ли, в самых различных видах спорта есть куда больше общего, чем это кажется на первый взгляд. Надо только уловить это общее. Мне это удалось. Я хорошо знаю культуру движений, знаю психологию спортсмена, умею видеть перспективу.

Мало того, в своем положении я нахожу определенное преимущество. Когда я пришел в академическую греблю, на меня не давили какие-то условности, привычные и незыблемые для других тренеров каноны. Мои впечатления, выводы о технике гребли, системе подготовки были свежими, хотя, допускаю, иногда и наивными.

Это, в частности, позволило мне придумать широко известный среди гребцов интервальный метод тренировки, направленный, если объяснить его суть в двух словах, на выработку скоростной выносливости гребцов.

От себя добавлю, что Карл Адам внес новое не только в систему нагрузок. Он одним из первых (если не самый первый) пошел на комплектование больших экипажей из гребцов различных городов, клубов. Конечно, эпизодически и раньше были такие попытки. Скажем, олимпийские чемпионы на парной двойке Юрий Тюкалов и Александр Беркутов представляли собой сборный экипаж. Тюкалов жил в Ленинграде и был членом клуба «Красное знамя», тогда как Беркутов выступал за московское «Динамо». Но Карл Адам придал подобным эпизодам систематичность, он обосновал методику подготовки

крупных экипажей теоретически. Правда, позднее, увы, именно эта методика принесла ему крупные неприятности и заставила уйти в отставку.

Дело в том, что Карл Адам был оригиналом и в том, что в академической гребле он признавал достойным внимания лишь один класс судов — восьмерку. Ради нее он приглашал в гребной клуб города Ратцебурга едва ли не всех сильнейших мастеров весла ФРГ. Да, ему удалось создать великолепную восьмерку, но коллеги смотрели на него косо, ведь он отбирал у них самых способных учеников. Все это прощалось Адаму до тех пор, пока его восьмерка выигрывала, но когда наступили «черные дни» и восьмерку ФРГ превзошли, Карла Адама попросили уйти с поста главного тренера сборной ФРГ по академической гребле.

Но все это произошло потом. А тогда Карл Адам и его ученики только приближались к большим успехам и все у них было впереди.

Иногда и мы наблюдали за их тренировками. И то, что мы видели, оставляло сильное впечатление. Гребцы восьмерки ФРГ с замечательной скоростью проходили 500, 1000 метров, гребли стремительно, мощно и слаженно, и, что всего важнее, никогда не уставали. Перед соревнованиями, буквально накануне, справлялись с такими нагрузками, о которых мы и подумать не смели.

В то время мы были новичками на таких крупных соревнованиях, как Олимпийская регата. Мы тоже уже кое-что знали и умели, но о каком-нибудь квалифицированном анализе не могло быть и речи. Возвращаясь с тренировки, одни удивленно ахали, другие молчали, не с силах выразить свое восхищение командой из ФРГ. Одно тогда было ясно и неоспоримо: наши восьмерки по мастерству еще много лет не смогут догнать «Ратцебург». И вот прошел всего год — и на горизонте появилась восьмерка «Жальгириса», которая решила бросить вызов непобедимой команде.

Теперь мы уже могли критически оценить своих соперников. Мы были техничней, чем они, но знали и свои слабости. Они были сильнее на финише, мы же обладали хорошей стартовой скоростью и могли от них «убежать». Они маневрировали на дистанции — могли неожиданно предпринять спурт и уйти, у нас тоже было секретное оружие — предпринять мощный спурт и поймать их на «мертвой точке» на второй половине дистанции. Вывод: они прекрасные гребцы, но вступать в бой с ними можно. Уже весной, готовясь к встрече, мы резко увеличили объем и интенсивность тренировок. Встреча состоялась на Дуйсбургской регате, у них дома, и довольно-таки рано — во второй половине июня.

...Соперники смотрят на нас удивленно. Наша команда заметно «покрупнела»: в ней появились два спортсмена солидного телосложения — В. Стерлик и Ю. Суслин.

Мы следили за тренировкой команды «Ратцебург». Ясно, что они теперь сильны. И все-таки... Если бы все было известно заранее, то предстоящие соревнования не вызывали бы такого интереса.

И вот наступил первый день соревнований. Мы готовы к борьбе. Чувствуем себя свободно. На старте мы сразу от них «убегаем». Но это только начало борьбы. Увеличивая темп, они гребок за гребком приближаются к нам. Рулевой 10. Лоренцсон командует «спурт», мы отсчитываем десять гребков — и опять впереди. Такая погоня длится до финиша. На финише, подбадриваемые зрителями, они удачно маневрируют и на последнем дыхании вырывают победу. Но мы не чувствуем себя окончательно проигравшими. Главное, что тактически вели себя правильно, небольшой запас сил оставляя на решающий день.

На следующий день все повторяется сначала. Разминаясь, делаем ускорения и стремительные старты. Главное — суметь удачно стартовать. Мы опять будем бороться один на один, потому что другие команды гораздо слабее.

Старт удался. Все как по нотам. Превосходство увеличиваем с каждым гребком. После 200—300 метров мы опережаем их на 2 секунды. Дальше разрыв уменьшается, но, преодолев «мертвую точку», мы делаем десять мощных гребков в начале второго километра и опять выходим вперед. Последние финишные гребки одинаково тяжелы для всех, но для нас особенно. Очень много сил отдали на старте и теперь сдерживаем стремительный финиш соперников только усилием воли. Буквально до последнего метра было неясно, кто победит. Только на финише последние гребки принесли победу нашей восьмерке.

Впервые мы победили чемпионов мира. Зрители с достоинством приняли поражение своих любимцев. Они одинаково бурно аплодировали и им, и нам, благодаря за красивую борьбу.

ГЛАВА 9. ПОЕДИНОК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Выигрыш даже в 0,2 секунды у чемпионов мира — важная победа. Теперь мы уже не избегаем своего грозного соперника, а с нетерпением ждем следующей встречи. Она должна была произойти на Люцернской регате. Увы... Соперник вызова не принял. Команда «Ратцебург» подала заявку, но на регату не приехала. А в ответ на запрос организаторов регаты Адам внезапно предъявил невыполнимые финансовые требования, на которые те, конечно, не могли согласиться. Так что очередная встреча не состоялась. Видимо, команда долго не могла прийти в себя после нанесенного нами удара. И на отборочных соревнованиях между ФРГ и ГДР за право участвовать в чемпионате Европы она не показала убедительного превосходства. А ведь тогда восьмерка ГДР еще не играла большой роли на международной арене.

Два месяца спустя сильнейшие гребцы континента съехались в Копенгаген на чемпионат Европы. Как обычно, прибыв на соревнования, едва устроившись, все спешат к воде, желая поскорей увидеть своих соперников. Укрыться от глаз конкурентов здесь невозможно. Замечаем, что К. Адам недоволен своей командой: все время ссорится с экипажем, а показания секундомеров свидетельствуют, что команда не в лучшей форме.

Наступили предварительные заезды. Жребий свел в один заезд обе сильнейшие команды, но это нас не пугало. Заезд нами был выигран с преимуществом в 10 секунд. Но борьба еще только начинается. К. Адам идет на крайние меры: или рекорд трассы, где придется бороться самим с собой (соперники «утешительного» заезда слабы), или состав команды будет изменен коренным образом. И команда себя победила. Трасса была пройдена с феноменальным для того времени результатом — 5 минут 48 секунд. Казалось, К. Адам идет наперекор всем законам физиологии, ведь после такой нагрузки за сутки не восстановишься. Повлиял ли такой неожиданный маневр соперника на нашу команду? Думаю, что да.

В воскресенье утром над Копенгагеном бушевал ветер, а незадолго до финала разразилась гроза. Улицы выглядели угрюмо и мрачно, только изредка одинокие фигуры выныривали из переулков и спешили на озеро Багсвер. В двадцатиместном школьном классе мы лежали, укрывшись двойными одеялами, и ждали сообщений с дистанции. Результаты не радовали. Обрадовала только наша четверка с рулевым: гребцы из «Жальгириса» Ц. Юцис, П. Люткайтис, Р. Левицкас и Е. Левицкас выиграли бронзовые медали. Призеры первенства мира на двойке без рулевого В. Борейко и О. Голованов не попали в число призеров. Трехкратный олимпийский чемпион В. Иванов тоже не занял призового места.

Вряд ли К. Адаму удалось бы придумать для нас еще какой-нибудь психологический трюк, если -бы ему не помогли обстоятельства. У нашей восьмерки не было непромокаемой формы, поэтому в холодный дождливый день мы решили идти на старт в короткой форме. Еще не оттолкнувшись от плоты, почувствовали, что наше горячее рвение остыло. Пробовали разогреться, но ничего не вышло.

Дрожа не от страха, а от холода, ждем старта. Соперники не спешат, команда «Ратцебург» долго чинит как будто бы испорченный руль, а после этого рулевой долго не может подойти к стартовому плоту. Трудно поверить, что такому опытному рулевому трудно это сделать. Не по-спортивному? Но в правилах об этом не написано! Как кстати были бы непромокаемые костюмы — тогда никакие маневры рулевого не страшны! Очень хотелось нам проучить коварных соперников.

Несколько гребков на старте — и наших противников уже нет рядом. На дистанции мы выглядели жалко. Озябшие и оцепеневшие руки не удерживали весла, ноги не

слушались, сжимало дыхание, а сердце рвалось наружу! Капитулировали, не пройдя и половины дистанции. За четыре сезона, которые мы провели в сборной, у нас были и победы, и проигрыши, но такого досадного поражения еще не было. Ведь можно быть и вторым и третьим, но поражение в упорной красивой борьбе и даже бронзовые медали имеют иногда не меньшее достоинство, чем золотые.

Серебряные медали настроения не подняли. Мы казались себе самыми несчастными людьми на свете. Хотелось забиться в самый укромный угол и побыть наедине с собой. Но куда денешься, если живешь в школьном классе на 20 мест!..

Туристы из СССР, которые, несмотря на ураганный ливень, весь день провели на открытых трибунах, очень болезненно переживали неудачи нашей сборной. Зрители привыкли к громким победам. Наша победа на чемпионате Европы была бы для всех обычной, очередной, которую все ждали. О поражении не могло быть и речи.

Обрадовало нас, что женская восьмерка «Жальгириса» завоевала золотые медали. Но и этот факт как-то задевал наше самолюбие. Ведь женщины впервые выступали на чемпионате Европы, а мы, проверенные бойцы, проиграли без борьбы. Какие мы спортсмены международного класса? Выходит, мы средняя команда, не умеющая бороться и, что самое худшее; команда не прогрессирующая.

Погода не стала лучше и на следующий день. Утро в Копенгагене было туманным. Все газеты Дании писали о последнем старте, о выдающемся и очень популярном гребце нашего времени — двукратном олимпийском чемпионе Юрии Тюкалове.

Наверное, не много найдется спортсменов, особенно в гребном спорте, которые были бы так известны во всех странах. Слова: «первый чемпион мира», «первый олимпийский чемпион» произносят обычно с уважением. Теперь темпы таковы, что результаты, хотя и выглядят фантастическими, быстро растут, рекорды и рекордсмены меняются, как в калейдоскопе. Иногда их история и вспоминает. Одних чаще, других реже... Но самых первых все-таки не забывают, как правило.

Первым из первых и был ленинградец, двукратный олимпийский чемпион Юрий Тюкалов. Его судьба — это судьба тех миллионов ленинградцев, которые пережили все ужасы блокады. Перенесли и не согнулись. Не прошло и двух лет после войны, а газеты уже писали: первым чемпионом СССР среди юношей стал Юрий Тюкалов. -Спустя некоторое время опять: один из первых чемпионов СССР в послевоенные годы — Тюкалов. Прошло еще несколько лет, и наши спортсмены впервые приняли участие в Олимпиаде в Хельсинки. У советских спортсменов не было опыта. Тюкалов в то время был самым сильным одиночником в стране, но соотношение сил на международной арене тогда не было ясным. В Хельсинки он с меньшим трудом, чем дома, справился со всеми соперниками — во всем мире признанными авторитетами, такими, например, как Келли (США), Вуд (Австралия), и стал первым олимпийским чемпионом по академической гребле.

Пресса очень много писала об этой сенсации. Однако подготовка к олимпийским стартам потребовала очень много сил, и в следующем, 1953 году он не мог достичь хорошей формы и чемпионат Европы проиграл. Это было как гром среди ясного неба. И когда Тюкалов больше всего нуждался в моральной поддержке, какой-то журналист с легкой руки написал, что он зазнался. Спортсмен очень переживал из-за поражения и незаслуженных упреков. Положение осложнилось. На соревнованиях все лучше выступал Вячеслав Иванов. Приближалась следующая олимпиада, а Тюкалов еще не мог прийти в себя. Тогда он решил изменить свое амплуа. Он сел в лодку с другим известным одиночником — Александром Беркутовым. Попытка оказалась неслыханно удачной. Они прекрасно выступили на Мельбурнской олимпиаде, выиграв золотые медали. После этого они много раз становились чемпионами Европы.

Я много читал о Юрии Тюкалове и в первый раз увидел его в 1959 году в Тракае на товарищеском матче «Жальгирис» — «Труд». Равных ему не было. Этот поединок больше напоминал показательные соревнования, где первой скрипкой был Тюкалов. Видел настоящую, действительно академическую греблю и до сих пор считаю его технику идеальной.

Он греб легко, темпераментно и в то же время обдуманно, хладнокровно. Многим приходилось видеть новичка, спускающегося на лыжах с гор. Боишься за него, так и ждешь, что упадет. Так же выглядит и неопытный гребец. Пройти дистанцию без ошибок трудно. Очень легко потерять равновесие, «поймать леща» и оказаться в воде. Иначе выглядит опытный мастер, такой как Тюкалов. Его высокое мастерство доставляло зрителям истинное эстетическое наслаждение. Но дело не только в мастерстве. Когда в 1959 году мы с Юкной впервые попали в сборную, нам во многом помог Тюкалов. Его советы, дружеское участие, человеческое тепло, мягкий юмор незабываемы.

Очень быстро бежит время. В 1960 году мы готовились к своей первой, а Тюкалов и Беркутов — последней олимпиаде. В Риме их ожидала очень тяжелая борьба. Благодаря большим усилиям воли они в финальных соревнованиях сумели завоевать серебряные медали. Такие же медали завоевали и мы, но реакция публики была различной. Если наши медали оказались сенсацией, то медали Тюкалова и Беркутова — поражением.

Однако в 1961 году они снова блеснули — стали чемпионами Европы. А год спустя Тюкалов решил уйти из спорта. Я знал, что он всерьез занялся художественной чеканкой: по профессии он художник. Неожиданно мы вновь встретились в спортивном лагере. Он много тренировался.

— Не могу без спорта. Дрябнет тело и душа. Не нахожу себе места, — жаловался он.

Многие поступают иначе. Познав «свободу», которой так не хватало на протяжении многих лет спортивной жизни, легко приспосабливаются к повседневности. Но он скучал и мучился, пока в конце концов не сел опять в лодку.

Пришли времена больших нагрузок. Ему пришлось отбросить устоявшуюся за многие годы методику и начать все сначала. Он без передышки работал в рамках безжалостного режима. Зимой он уже показывал высокие результаты общефизической подготовки. Жаль, что на лето ему не хватило сил. Накануне чемпионата Европы 1963 года распался экипаж двойки с рулевым, и у Тюкалова появилась возможность попасть в сборную. Он долго колебался, но все-таки не устоял перед соблазном. Его результаты на первенстве выглядели жалко. «Утешительный» заезд Тюкалов безнадежно проиграл всем.

Помню его после финиша: лицо серое, безучастное, глаза грустные. Можно было посочувствовать в эту минуту известнейшему гребцу. Но можно было и удивиться вновь его мужеству, его верности спорту.

Сейчас Юрий Тюкалов — известный мастер художественной чеканки, любимая его тема — история Ленинграда. Прекрасно Юрий справился и с таким ответственным заданием: он был одним из создателей Мемориального комплекса, посвященного защитникам Ленинграда, который воздвигнут у развилки Пулковских высот.

ГЛАВА 10. НА РОДИНЕ ГРЕБЛИ

У академической гребли в нашей стране меньше поклонников, чем у игровых видов спорта. Но кто хотя бы раз видел гонки восьмерок международного класса, не сможет отказать себе в удовольствии еще раз побывать на регате. Потом он начнет переживать за какую-нибудь команду и через некоторое время может, «заболеть» самой благородной «болезнью».

Побывав на Хенлейской регате, я заметил, что многие болеют ею неизлечимо. Глядя, как 70-тысячная толпа зрителей осаждает берега Темзы, можно смело утверждать, что академическая гребля по своей популярности способна выдержать конкуренцию не только с легкой атлетикой, но, даже с самим футболом.

Перед знаменитой Хенлейской регатой все английские прогнозисты отдали первое место нашей команде, чем, на наш взгляд, должны были убить интерес зрителей к соревнованиям. Но здесь зрители особой категории. Они прекрасно, прямо-таки профессионально знают тонкости гребного спорта. Они сравнивают разные школы, спорят, дискутируют. Им важно не только кто победит, но и как победит.

70 тысяч зрителей для Англии — это не так уж много. Дело в том, что на Хенлейской регате за разные призы борются около 140—150 восьмерок. Жаль, что берега Темзы — не сотысячный комфортабельный стадион. Когда не хватает места на суше, зрители берут напрокат лодку, привязывают к бревнам, обозначающим дистанцию. Это лучше делать с вечера, так как утром мало шансов найти место. Надо позаботиться и о сухом пайке на несколько дней. Оставить место нельзя, так как его сразу займут. Тем, кто не может обойтись без горячей еды, приходится приносить с собой газовую плитку.

Англия — родина гребли. История гребного спорта насчитывает более 250 лет. Разумеется, что в те времена широкие лодки извозчиков были мало похожи на изящные теперешние. Но с каждым годом лодок становилось все больше и интерес к гребле в прибрежных районах возрастал. В 1815 году состоялись первые соревнования лодочников. Конкуренция росла, и это заставляло усовершенствовать лодки. Они становились уже и длиннее, это уменьшило сопротивление воды, увеличилась скорость. Помогли и достижения корабелов. Лодка постепенно приобретала сегодняшний вид. Греблю полюбила учащаяся молодежь.

В 1828 году был организован первый матч между университетами Оксфорд и Кембридж в классе восьмерок, а десять лет спустя на Темзе, в 55 километрах западнее Лондона, — первая Хенлейская регата. Многие традиции сохранены и по сей день. Как и во время первой регаты, оставлена система двух дорожек, фиксируются только полные секунды, превосходство определяется не по разнице во времени, а по корпусу лодки, длина дистанции не 2 километра, а 2111 метров и т. д.

Англичане являются основоположниками так называемой ортодоксальной школы. Строгие традиции обусловили и строгую школу гребной техники. Самое большое внимание издавна уделялось позе, индивидуальные свойства гребца не учитывались. На протяжении многих лет поза английского гребца постепенно менялась. Затем он отказался от пиджака, бабочки и белой рубашки, правда, рулевые продолжают строго придерживаться этой традиции и по сей день.

В 1964 году Хенлейская регата была 125-й, юбилейной. Свой юбилей праздновали и советские спортсмены: десять лет назад первый раз в истории спорта основной приз в классе восьмерок завоевали гребцы СССР.

Открытие соревнований было очень торжественным. В ложе почетных гостей — королева Англии и члены ее семьи. С берега несется громом: «Гарвард». Это тысячи

американских туристов подбадривает восьмерку «Гарварда», которая только что стартовала вместе с нами. Мы вихрем прошли половину дистанции и были теперь недостижимы для соперников, но темп не снижаем, идем с рекордным временем, надеясь побить рекорд семилетней давности Корнельского университета США. Секундомер показал, что мы прошли дистанцию за 6 минут 29,6 секунды, но так как по традиции фиксировались только полные секунды, мы лишь повторили рекордный результат — 6 минут 30 секунд.

Следующий день был многообещающим. Дул слабый ветер, а сдержанные англичане выглядели более темпераментными болельщиками, чем любые южане. Мы хотели пройти дистанцию в полную силу, это было бы прекрасно перед чемпионатом Европы и олимпийскими играми. Когда мы прошли половину дистанции, рулевой выкрикнул, что идем с рекордным временем. Мы еще увеличили темп. Трассу прошли за 6 минут 23 секунды, улучшив рекорд на 7 секунд.

Зрители аплодировали нам и требовали новых рекордов. Но мы не хотели отдавать последние силы. Впереди был длинный и очень трудный сезон: чемпионат Европы и олимпийские игры.

И в последний день соревнований мы оказались первыми на дистанции. Мы стали победителями Хенлейской регаты. Сдержанные английские тренеры удивленно пожимали плечами — им было совершенно непонятно, как нам удалось этого добиться.

У основного приза восьмерок солидный возраст. На нем стоят 124 надписи. Дно хорошенько потерто, бока немножко поцарапаны, он слегка почернел от времени, хотя в другие страны его вывозили сравнительно мало. Со дня своего рождения он побывал только в США и СССР. Остальное время провел в Англии. Теперь он навсегда останется дома, а английская королева вручает нам копию Кубка с единственной надписью: «Жальгирис», 1964 год».

Кубок был такой «весомый», что его не приняли в самолет без дополнительной оплаты. Уладили багажные дела, и Кубок отправился в Вильнюс.

ГЛАВА 11. ТОЛЬКО 0,02 СЕКУНДЫ

Весной 1964 года, казалось, наступил переломный момент для нашей команды. Долгий и титанический труд принес в конце концов свои результаты — мы стали грести синхронно, более маневренно, легче приспосабливались к изменениям ритма и темпа, научились действовать слаженно в трудных ситуациях на дистанции. Мы постоянно взвешивали свои возможности в предстоящей борьбе с основными соперниками — восьмеркой «Ратцебург». На Московской регате мы не стартовали, а они с большим преимуществом победили всех соперников. С неменьшим успехом и мы побеждали все сильнейшие команды страны.

В Амстердам на последнюю проверку сил перед Олимпийскими играми собирались лучшие команды континента. Любители гребли с большим нетерпением ждали матча ФРГ—СССР в классе восьмерок, но по жребию мы не попали в один предварительный заезд. И мы, и они легко победили и попали в финал.

Одна за другой на последний старт выходят восьмерки. Мы трезво оценили свои возможности и поняли, что можем победить, если возьмем инициативу в свои руки и одолеем противника на первой половине дистанции. Трибуны и набережные Босбаана заполнили в основном немецкие туристы. Пока все хорошо, на разминке идем слаженно, четко, едиными гребками, лодка скользит легко.

Старт нам удался, мы ожесточенно рванулись вперед и, пройдя 200 метров, опередили «Ратцебург», но соперники не «сломались». Мы приложили все усилия, предприняли спурт, не снижая темпа боролись, но большого преимущества не добились. Многие, наверное, думали, что ни нам, ни им не выдержать такого темпа. Шутка ли — первые 500 метров прошли за 1 минуту 20 секунд. На дистанции, дул слабый встречный ветер. Первый километр выиграла мы. Преимущество небольшое, но если учесть высокий класс гребцов, то и 0,8 секунды многое значат. Еще никто не мог сказать, кто победит на дистанции. Команда «Ратцебург» не из тех, кто легко сдается, а до финиша еще почти 3 минуты.

На втором километре мы вновь предпринимаем спурт, но сил остается все меньше. Хватит ли до финиша? Немцы, подбадриваемые зрителями, пустили в ход сэкономленную на старте энергию, гребут слаженно и сантиметр за сантиметром сокращают разрыв. Финишируем и мы. Остается 100 метров. Мы опять впереди. Но внезапно накал борьбы падает. Где те наши слаженные гребки, которыми мы всегда заканчивали дистанцию? Заминка продолжалась мгновение, быть может, 3— 4 секунды, а потом прозвучал финальный гонг. И я вдруг почувствовал, что мы проиграли, хотя на протяжении почти всей дистанции шли впереди. Проиграли, быть может, не «Ратцебургу» и не югославам, и не итальянцам, а самим себе. Мы не сумели выдержать накала борьбы до конца.

На табло загорелось «USSR», но скоро гаснет. Зрители аплодируют обеим командам, благодаря за красивую борьбу, а команда «Ратцебург» уже пожимает нам руки и собирается подарить майки с эмблемой своей страны. У гребцов есть такая традиция: побежденные дарят победителям майки своего клуба. Вскоре проявили фотофиниш, и опять зажглось табло. В гребле ничьих не бывает, здесь хронометр фиксирует и сотые доли секунды. Если с этой задачей не справляется хронометр, помогает фотофиниш. Его приговор был суров, по справедлив.

Мы проиграли 0,02 секунды. Победу решил последний гребок. В нескольких метрах от финиша первыми были мы, на финише — «Ратцебург», сразу после финиша — опять мы. Борьба была острой до конца, борьба равных соперников.

ГЛАВА 12. НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

На международную спортивную арену выходили все новые страны, появлялись новые сильные команды, конкуренция росла изо дня в день. Все чаще победителя определяли даже не десятки, а сотые доли секунды. Снимок фотофиниша с предолимпийских соревнований обошел все газеты мира, пресса живо комментировала на редкость красивую борьбу. И любители спорта с нетерпением ждали продолжения поединка «Ратцебурга» с «Жальгирисом» на Олимпийских играх в Токио. Наши поклонники рассуждали так: поскольку обе команды равны, то, по теории вероятности, не должно быть двух поражений «Жальгириса» подряд, исчисляемых десятками и сотыми долями секунды.

До Олимпиады оставалось два месяца. Много это или мало? Для нас было много, ведь сохранять хорошую спортивную форму в течение двух месяцев очень трудно.

С тех пор как в нашу команду пришли новые гребцы, ей недоставало стабильности. Надо было подтянуть техническую и специальную подготовку. Начали форсировать скоростные тренировки, отложив все остальные и тем самым обкрадывая себя. Команда не могла развить максимальный темп на дистанции. У нас был длинный, мощный гребок, у «Ратцебурга» — гребок короче, тем не менее нашим соперникам удавалось развить более высокий темп. Чемпионат Европы мы проиграли только из-за недостаточной специальной физической и технической подготовки. Когда после чемпионата Европы осталось два месяца до Олимпийских игр, я предложил тренироваться не слишком интенсивно, учитывая, что подготовка к Хенлейской регате и чемпионату Европы отняли слишком много сил у команды.

Однако общий план подготовки сборной СССР был составлен по-другому. Считалось, что вся сборная пока далеко не в лучшей спортивной форме, высокие результаты на первенствах достигнуты только благодаря хорошей общей подготовке, и оставшиеся два месяца должны быть максимально загружены. Большинство команд форсировали в основном скоростные тренировки, стремясь к победе на любых соревнованиях. Накапливали моральный капитал, но теряли при этом силы.

Наша восьмерка с большим подъемом выступала на первенстве СССР, а в олимпийском лагере с космической скоростью неслась на всех контрольных дистанциях, каждый раз добиваясь все лучших результатов. Условия для подготовки были прекрасными. Мы акклиматизировались на Южном Сахалине, недалеко от Японии. Рацион в 5000 килокалорий нам не казался слишком большим. Когда я примерил свой олимпийский костюм, оказалось, что он висит на мне, как на вешалке. Появились первые признаки переутомления.

25 октября на лайнере ТУ-114, казалось в одно мгновение, пересекли расстояние между Хабаровском и Токио. Приземлились в столице Японии, которая решила провести самые грандиозные Олимпийские игры.

И на самом деле, Олимпиада еще не началась, а уже ошеломляла своими рекордами: рекордное число участников, рекордные затраты, рекордные цены на билеты, а спекулятивные выше всех рекордов. Как много сделано для Олимпиады! Великолепное шоссе в 2—3 этажа. То поднимаешься вверх, то опять ныряешь вниз — глубоко под землю. Прекрасные новые гостиницы, спортивные сооружения.

Для гребцов на окраине города специально оборудован канал Тода. Участников здесь собралось немного меньше, чем четыре года назад на озере Альбано. Дело в том, что Европа гораздо удобнее расположена для многих стран, практикующих гребной спорт. Команды в полном составе прислали только СССР и США. Японские гребцы тоже выступали во всех видах программы, но они не были сильными соперниками. Гребля в

Японии, как и во многих других странах, не является массовым видом спорта. И это, возможно, повлияло на сооружение олимпийской дистанции. Дорожки были шириной 12,5 метра, а крутые набережные канала слабо гасили волны. Высокие здания на набережной закрывали от ветра только крайние дорожки, и при боковом ветре могли создаться неравные условия.

Несмотря на то, что на олимпийскую регату прибыло не очень много команд, многие из них были сильны, особенно восьмерки. Было видно, как заметно окрепли американцы. Они вели себя очень скромно, никому не давали ошеломляющих интервью, как это бывало раньше. Старый наш знакомый Финдлей, чемпион Олимпийских игр в Мельбурне в классе двойки с рулевым и бронзовый призер Олимпиады в Риме, был очень удивлен, что не увидит нас с Юкной в двойке с рулевым, и вместе с тем обрадовался, что у него будет больше шансов на победу.

Очень сильной была объединенная команда Германии.

Мы и здесь продолжали тренироваться в полную силу, не страшаясь того, что началась бессонница, пропал аппетит. До соревнования оставалось мало времени, а сил — еще меньше. Над землей постоянно висел густой туман. Казалось, живем на дне канала Тода. Влажность достигала 90—100 процентов. Ныли суставы, казалось, возобновились все старые травмы.

Наконец, цикл тренировок закончен, но результаты не устраивают старшего тренера. Он считает, что пика спортивной формы можно достичь, пройдя лишь чрезмерные нагрузки.

Выходим еще на одну тренировку. Команда слишком устала, и любая) перегрузка может кончиться катастрофически. Заставили себя выжать последние силы. Одни, без соперников, дистанцию на канале Тода прошли с рекордным временем — 5.54.

Такого результата на Азиатском континенте еще не добивалась ни одна восьмерка. Всегда сдержанные японцы не могли скрыть своего удивления, пресса единогласно отдавала нам золотые медали. Соперников ошеломила эта моральная атака. Но несмотря на такой большой моральный капитал, до олимпийских медалей еще далеко, они еще под семью замками.

Церемонию открытия Игр мне пришлось смотреть по телевизору. На тренировке я потянул спину и теперь в течение двух дней должен был проглотить невероятное количество обезболивающих таблеток. Успел заболеть, а потом выздороветь и второй помер нашей команды — Пятрас Карла. С тревогой и надеждой думали о том, что ждет нас завтра.

Вскоре после открытия Олимпиады началась регата. По прогнозам, фаворитами соревнований считались двойка с рулевым и четверка без рулевого из объединенной команды Германии и восьмерка из СССР.

Первыми, как всегда, вышли на старт четверки с рулевыми. Наша четверка с рулевым выглядела хорошо и легко прошла дистанцию. Казалось, можно ждать отличных результатов. Увы, в борьбе за право попасть в финал наша сборная потеряла две лодки, в том числе и четверку без рулевого из «Жальгириса». Предварительный заезд в очень напряженной борьбе они проиграли немцам, чемпионам Европы, а «утешительный» — итальянцам, которые, по мнению специалистов, до олимпийской регаты выглядели настолько слабо, что могли попасть в финал только с помощью Его Величества Случая.

В первый день предварительных заездов ни одна восьмерка никого ничем не удивила. Победили объединенная команда Германии, экипаж Чехословакии и мы. Немцы только на 0,27 секунды опередили американцев, а мы — на корпус лодки, «легко», как писала пресса, опередили французов. Жаль, что этого не могли подтвердить ни мы, ни те, кто нас видел после финиша. За 12 лет своего спортивного пути не могу припомнить более

тяжелых битв. И не потому, что восьмерка из Франции была сильной, а потому, что мы не сумели оценить соперника.

На старт вышли сосредоточившись, после первых гребков взяли инициативу в свои руки. И рулевой, решив, что исход соревнований уже предрешен, и желая помочь еще не полностью выздоровевшему Карле, крикнул: «Пятрас, можешь полегче». Переутомленная команда тотчас же расслабилась, начала грести вразнобой. Один в панике усиливал гребок, другой его подхватывал, но, увы, с опозданием — и слаженности в движениях как не бывало. А соперники и не думали сдаваться. Они шли, не снижая темпа. Задолго до финиша мы совсем выбились из сил. Движения теряли координацию, весла на воде не работали, и мы шли к финишу уже только по инерции. Лишь слабый финиш соперников спас нас от поражения. Они отдали дань уважения признанному фавориту и сдались.

Финальный заезд закончился для нас и вовсе трагично. Четыре восьмерки — из Соединенных Штатов Америки, Германии, Чехословакии и Югославии — легко разгромили потенциально сильнейшую нашу восьмерку.

Во время финального заезда дул тот самый боковой встречный ветер, который способен был создать неравные условия для команд. Разность в скорости ветра между первой и шестой дорожками была 3 метра в секунду. Начало соревнований уже дважды переносилось, а ветер все усиливался.

Переносить соревнования не посчитали возможным, команды пригласили на старт. На шестой дорожке, по которой должна была идти очень сильная восьмерка США, было тихо, а на третьей, нашей, бушевал настоящий ураган. Стало ясно, что мы можем рассчитывать только на второе место. Значит, надо постараться как можно экономичней пройти дистанцию. Но мы думали только о золотых медалях. Призыв «хоть умереть, но победить» ввел в авантюру.

Мы все поставили на карту. Никому и в голову не пришло, что при такой тактике можно и вовсе ничего не добиться. Борьба на дистанции была очень короткой. Длилась она примерно до 400 метров. Мы не могли выдержать нами же предложенного темпа и начали постепенно отставать. В результате из лидеров скатились на пятое место.

«Что с вами случилось?» — спрашивали все. Причин для поражения можно было найти много — начиная от организационных неполадок и кончая методикой тренировок. Но ясно было одно: мы катастрофически отстаем от лучших команд — объединенной команды Германии и Соединенных Штатов. Этот наглядный урок показал нам, что нужно заново пересмотреть методику тренировок, творчески подойти ко всему, что есть ценного в других странах.

ГЛАВА 13. НОВАЯ ЛОДКА — НОВАЯ ПОБЕДА

Неудачи преследовали нас в тот год, как какая-то эпидемия. Число гребцов на скамейке запасных не только не увеличивалось, а, наоборот, все время уменьшалось. В начале 1965 года из активного спорта ушел Пятрас Карла, Юрий Суслин вернулся в свой клуб, а загребной нашей команды Ричардас Вайткавичус решил серьезно заняться тренерской работой. Не потому, что постарел. Он еще горел желанием тренироваться, но был уверен, что восьмерка, скомплектованная из ветеранов и слабых гребцов, вот-вот распадется. И нам казалось, что дни в сборной СССР уже сочтены. Мы утонули в тысячах неполадок. Новые члены экипажа А. Григас и В. Куприенко еще отставали в своем мастерстве. Работали много и тяжело, но безрезультатно, лодка шла медленно, рывками. Мы перестали ее чувствовать, не могли найти нужный темп и ритм. В этом-то и была основная опасность. Самое страшное, что многие члены экипажа перестали верить в успех команды, а это неизбежно вело нас к краху.

Старший тренер сборной СССР по академической гребле Е. Самсонов взялся за пошатнувшиеся дела команды. В лодку вернули нашего «дирижера» Вайткавичуса. Но чтобы спасти команду, нужны были более радикальные меры. С возвращением Ричардаса грести стало легче, лодка пошла свободнее, но мы никак не могли добиться той скорости, которую показывали год назад. Команда нуждалась не только в «чистой силе», ей были нужны техничные опытные гребцы высокого класса.

Скрывая волнение, вышли на первый старт соревнований на Кубок СССР. И случилось то, чего не предвидели: Кубок выиграла команда ЦСКА. Мы проиграли 0,2 секунды. Случайность? Возможно. Ведь нельзя же судить по одним соревнованиям. Можно и внимание не обращать на них, если все идет по плану. Но в следующее воскресенье мы опять проигрываем 0,2 секунды. На этот раз ленинградскому «Буревестнику». И ведь тогда, когда команда была полна решимости победить!

Команда очутилась на грани, перешагнув которую, должна была бы покинуть сборную СССР, скорее всего, навсегда. Привыкнув побеждать, мы не умели проигрывать.

Как ни старались забыть эти два несчастливых старта, тяжелые мысли выбивали нас из равновесия. Скверное настроение, никакой уверенности в себе. Видимо, придется смириться с поражением и стать второй-третьей командой страны... Такие команды, несколько раз потерпевшие поражение, примиряются с судьбой, продолжают выступать за свою республику, за общество и, как правило, уже никогда не возвращаются в число первых.

Вспомнили свои первые старты в двойке. И такое появилось желание тренироваться вдвоем и больше ни от кого и ни от чего не зависеть!

Старший тренер сборной, увидев нас в двойке, нахмурился:

— Испугались и бежите, как крысы с тонущего корабля?

— Нельзя же проигрывать все соревнования.

— Но ведь они не отборочные и никакого значения не имеют.

Но несмотря на эти слова старшего тренера, теперь, после двух, хотя и небольших, поражений в начале сезона, мы почувствовали, что нас «списали». Когда встал вопрос, кому стартовать в Грюнау, а кому — в Люцерне, нас, как команду второй лиги, послали в Грюнау. Но, поскольку ГДР тогда еще не имела восьмерки международного класса, для нас этот матч накануне чемпионата Европы был бессмысленным. Такое решение на самом деле было смертным приговором для нашей восьмерки. На регате в Грюнау мы выступали бледно, без настроения, хотя одну встречу и выиграли. Это была наша последняя победа.

Отборочные соревнования на первенство Европы полностью проиграли: многие члены команды категорически отказывались стартовать. Решили сами завоевывать путевку на чемпионат Европы. У нас с Юкнуой был старый проверенный «конек» — двойка. Но мало кто верил в наши возможности. Ведь с тех пор, как мы удачно выступали на двойке, прошло много времени. Четыре года в спорте — это на самом деле очень большой срок. Результаты, которые считались феноменальными, теперь стали средними. Кроме того, в нашей сборной была уже очень сильная двойка — Николай Сафронов и Леонид Раковщик. И потом, есть одна закономерность в спорте: вернувшиеся чемпионы чемпионами больше не становятся. Редко кому удается нарушить это правило.

Мы твердо решили попробовать себя в совсем новом для нас классе — четверок без рулевого. Руль доверили первому номеру команды Йозасу Ягелавичусу, вторым сел Владимир Стерлик, третьим — я, а загребным стал Зигмас Юкна.

Уже на первых тренировках мчались с ураганной скоростью. Бросили вызов ленинградцам, чемпионам СССР — потребовали дополнительных отборочных соревнований. Смелости и уверенности в себе нам не занимать, хотя рулили не лучшим образом. Мы шли с огромной скоростью, рисуя на воде фигуры высокого пилотажа и иногда нас охватывал ужас при мысли, что еще мгновение — и единственная дорогостоящая лодка врежется в берег и разобьется вдребезги.

На отборочных соревнованиях победили, хотя на дистанции показали не лучший результат — преимущество было небольшим: всего 1,8 секунды. Все-таки завоевали путевки на 53-й чемпионат Европы.

Дуйсбург уже готовился к принятию гостей — участников 53-го чемпионата Европы. Академическая гребля в ГДР и ФРГ имеет прекрасные традиции и превосходные условия для занятий этим видом спорта. Хотя у гребцов СССР и не было таких условий, они давно включились в борьбу за титул сильнейших в Европе. В 1960, 1961 годах сильнейшими были наши гребцы. Их победы хорошо отражали соотношение сил на международной арене. Но потом два года подряд и на Олимпийских играх 1964 года команда СССР проигрывала. Дело в том, что сборная ФРГ начала применять более рациональные методы тренировок. Научные достижения быстрее внедрялись у них в практику, а это позволило значительно увеличить объем и интенсивность работы. Вместе с тем усовершенствовался и спортивный инвентарь.

Еще задолго до чемпионата Европы в Дуйсбурге в газетах стали появляться статьи с разнообразными прогнозами. Мы с интересом прочитали, например, о предстоящей встрече восьмерок «Ратцебург» и «Жальгирис». Автор статьи вспоминал прекрасную двухдневную борьбу в Дуйсбурге два года назад. Он и не предполагал, что восьмерка «Жальгириса» уже прекратила существование. Но на то и реклама: такие прогнозы, видимо, помогают повысить интерес к соревнованиям.

Трудно ждать объективности от зрителей Западной Германии, хотя они все — большие знатоки академической гребли. Здесь все, от мала до велика, очень хорошо знают лучшего гребца всех времён, трехкратного олимпийского чемпиона Вячеслава Иванова и, быть может, чуточку меньше, но достаточно хорошо — членов экипажа восьмерки «Жальгириса». Нас замучили коллекционеры автографов и спортивных значков.

Впервые здесь на трибунах Дуйсбурга будут сидеть и наши болельщики. Это группа советских кинематографистов, снимающих комедию «Королевская регата». С их поддержкой мы будем бороться на дистанции, а члены экипажа восьмерки ЦСК ВМФ станут героями этой картины.

Накануне соревнований пресса до мелочей анализирует возможности наших команд, стараясь максимально определить шансы каждой. Зрители немножко разочарованы, что не увидят знаменитостей в основных видах лодок: в одиночке — Иванова, в восьмерке —

«Жальгирис». Мы тоже взвешиваем свои возможности. То, что пресса причислила нас к числу фаворитов, укрепляло уверенность в себе.

В классе четверок без рулевого были очень сильные коллективы. Это, во-первых, команда ФРГ, в один заезд с которой мы попали, Швейцарии, Италии, Голландии.

Команда ФРГ стартовала прекрасно. Идем рядом. После 250 метров мы незначительно выходим вперед. Под веслами все чаще мелькают поплавки. Слегка врезаясь то в левую, то в правую дорожку идем все быстрее и быстрее. Немцев опережаем. Вошли в азарт, потеряли осторожность. Кто-то веслом сильно ударил в отметину дорожки, мы сбились с курса и потеряли дорогие секунды.

Хотя заезд был проигран, мы поняли, что можем победить. На следующий день мы успешно вышли в финал.

Финальные соревнования в воскресенье начались удачно. В тяжелой борьбе четверка с рулевым московского «Спартака» вырвала победу. В нашей команде царило приподнятое настроение. Бронзовую медаль завоевала двойка без рулевого, а серебряную — Анатолий Сасс, выступавший вместо Вячеслава Иванова. Великолепно дистанцию прошла двойка с рулевым — Николай Сафронов и Леонид Раковщик. Они стали чемпионами Европы.

Мы еще раз обдумываем весь план борьбы на дистанции. Очень волнуемся из-за руля, но он, кажется, в надежных руках. Йозас Ягелавичус — мастер на все руки, универсальный спортсмен, испробовавший себя во многих видах спорта. Ему одинаково легко давались легкая атлетика, баскетбол, волейбол, футбол. И теперь, хотя ему еще далеко до уровня международного класса (технике руления надо учиться с детства), но «утешительный» заезд показал, что он хорошо ориентируется на дистанции, быстро решает сложнейшие задачи и хладнокровно ведет команду на дистанции.

У стартового плота гробовая тишина. Арбитры очень сосредоточенны. Заезды двоек без рулевого, четверок без рулевого и парных двоек для них самые тяжелые испытания. В этих командах нет рулевого, и правила нарушаются чаще всего. Никакие параграфы не подскажут, как найти выход из многих ситуаций, происходящих на дистанции. Арбитры руководствуются главным принципом — отобрать сильнейших. Дисквалификация команды — крайняя мера, которой стараются избежать, если, конечно, нарушения провинившихся неумышленны.

На стартовой линии дорожек нет. Они начинаются немножко подальше. Это сделано для того, чтобы лодки могли маневрировать, развернуться, перейти с одной дорожки на другую.

Все экипажи замерли на старте, с нетерпением ждут команды и первого стремительного гребка...

У нас огромный запас скорости. Можно сломя голову сорваться со старта и сразу же взять инициативу в свои руки. Но ведь тогда мы, подобно неуправляемой ракете, рискуем сбиться с курса, на полной скорости врезаться в соседнюю лодку и вдребезги разбить ее и свою.

Старт. Первые шесть гребков делаем мощные, четкие и сохраняем очень маленький запас сил, но его достаточно, чтобы мы могли расслабиться. Лодка идет по прямой и выходит на середину дорожки. Темп высокий, четыре команды финального заезда отстали, и мы с немцами идем один на один. Мы незаметно лидируем. По указаниям К. Адама их команда придерживается техники выжидания. Знакомый почерк. Тактических хитростей К. Адаму не занимать. Достаточно одного нашего неосторожного гребка — и 0,1 секунды, а вместе с тем и золотые медали будут выиграны ими.

Пока что ошибок не делаем. Идем стабильно, не предпринимая спурта, экономя энергию. Гребем слаженно и сантиметр за сантиметром отдаляемся от них. Они предпринимают спурт, но мы хладнокровны и только под конец усиливаем гребок и опять значительно опережаем соперника. На трибунах уже скандируют, и мы, как будто и не

было никакой тяжелой борьбы, стремительно финишируем. Даже не верится, что мы — первые, а наши грозные соперники далеко позади. В этом заезде все ждали наиболее драматической борьбы, финиша «нос в нос», фотофиниша. Мы победили с преимуществом в два корпуса лодки. Победа оказалась чересчур легкой.

А после заезда двоек, в котором команда нашей страны заняла второе место, сборная СССР стала победительницей чемпионата, и успехи «Жальгириса» оказались немалым вкладом в общий результат.

Спустя четыре года мы вернули титул чемпионов Европы, а женская восьмерка «Жальгириса», здесь в Дуйсбурге, неделю назад тоже второй раз была признана сильнейшей в Европе. В Литву увезли 11 золотых медалей. Всесоюзный комитет по физкультуре и спорту присвоил нам звания заслуженных мастеров спорта.

ГЛАВА 14. ТРУДНЫЙ ЭКЗАМЕН

После чемпионата Европы мы одержали внушительную победу в Копенгагене над олимпийскими чемпионами — четверкой без рулевого из Дании. Неделью спустя в Москве легко победили всех своих соперников. Казалось, ни одна команда на Европейском континенте не сможет в течение года догнать нас в мастерстве. И все-таки теперь, когда я, закончив свой спортивный путь, вспоминаю прошлые битвы, победы и поражения, я понимаю, что самым коварным нашим соперником было время. Много раз за сезон мы встречались со своими противниками на соревнованиях, побеждали их и успокаивались после победы.

А тем временем никому не известные гребцы быстрее нас овладевали мастерством и грозно приближались к нам. Время опрокидывает все прогнозы.

Близился второй чемпионат мира. Достаточно ли того, что в прошлом году мы на чемпионате Европы победили именитых гребцов с преимуществом 7,15 секунды, а в этом году олимпийских чемпионов на 8 секунд? Трудно сказать.

Борьба обещала быть нелегкой. Когда после трехдневной дороги поездом, уставшие, приехали в югославский курортный город Блед, здесь уже развевались флаги представителей 31 страны. Лучшие гребцы — из ФРГ, ГДР, Голландии, Дании, Швейцарии, Новой Зеландии, Румынии, Польши приехали бороться за титулы чемпионов мира. Ни на одном чемпионате не, было такого количества грозных соперников.

Тишина после Олимпийских игр была, видимо, обманчивой. За пару сезонов выросло много способных гребцов. Особенно выделялась двойка с рулевым из Голландии.

Лучшие гребцы СССР всегда отличались ювелирной техникой. 10. Тюкалов, А. Беркутов, В. Иванов были звездами не только среди советских спортсменов, но и во всем мире. Их спортивный талант расцвел к 24—26 годам. Здесь же я наблюдал за тренировками голландцев и не верил своим глазам: гребцы достигли очень высокого технического уровня в 21—22 года. Они гребли мощно и быстро, на одном дыхании проходили дистанцию в 2000 метров за 7 минут 12 секунд.

Я был так поражен этим зрелищем, что друзья начали шутить:

— Вовремя выскочил из своей любимой лодки.

Но своим мастерством удивляли не только эти двое. Мы впервые увидели, каким широким фронтом наступают гребцы ГДР. Они в первый раз на мировую арену вышли отдельной командой и были полны решимости показать, на что способны. В команде ГДР не было ни лидеров, ни звезд, но, наверное, впервые на международных соревнованиях нам пришлось увидеть такие одинаково сильные экипажи семи лодок. Примечательно то, что спортсмены ГДР долго и старательно готовились к своему дебюту, применяя к своим условиям все достижения гребной школы СССР.

Мы тоже росли, по намного медленнее. Хотя наша сборная еще была достаточно сильна за счет старого багажа, рост в последние годы на общем фоне был просто микроскопическим. То, что большинство призеров Люцернской регаты не попали в финал, хотя показали по-прежнему хорошие результаты, говорило, что победят только те, кто сумел значительно улучшить свои результаты за последние два месяца.

Четверки Голландии, Венгрии, ГДР с каждым стартом показывали все лучшие результаты. Хорошее впечатление оставлял и аутсайдер соревнований — четверка без рулевого из Румынии, которую на протяжении всего сезона мы очень легко побеждали. Здесь в предварительном заезде мы столкнулись с ее большим сопротивлением.

Накал борьбы увеличивался с каждым днем. Наше преимущество, выражавшееся раньше в десятках секунд, теперь уже составляло лишь десятые доли секунды. Шестнадцать команд вступили в серьезную борьбу.

Надо было очень рационально распределить силы на два дня тяжелой борьбы — в полуфинальном и финальном заездах. Третье место в полуфинале могло открыть дорогу в финал. Борьба в полуфинале была неимоверно трудной. Многие, не думая о результатах финального заезда, все поставили на карту, лишь бы попасть в шестерку сильнейших. Это очень беспокоило тренеров и болельщиков-туристов, которых здесь было много, а нас заставляло работать изо всех сил. Много энергии мы отдали на первой половине дистанции, но и дальше пять команд наступали нам на пятки, и было некогда вздохнуть. На второй половине дистанции вперед пропустили голландцев, а перед финишем — и венгров. И только последние финишные гребки обеспечили нам победу над американцами и тем самым открыли путь в финал.

Наши тренеры, находившиеся подальше от финишной линии, почему-то были убеждены, что произошла очередная сенсация — фавориты не попали в финал. Пришлось воздержаться от прогнозов. Результаты ничтожно отличались один от другого, с одинаковым успехом можно было занять и первое, и шестое место. Борьбу усложняло и то, что нельзя было предсказать, кто из этих шести реальный соперник. Намного легче идти один на один, особенно если знаешь сильные и слабые стороны соперника — ведь тогда проще отгадать и его тактику.

В финальный день дул попутный ветер. Все ждали очень высоких результатов. Так и получилось. Все шесть команд финального заезда боролись до конца. Улучшались рекорды трасс, команды показывали такие результаты, которые были бы немыслимы год назад. Спортсмены ГДР завоевали две золотые медали подряд (четверка с рулевым и двойка без рулевого). Наши команды заняли соответственно второе и третье места.

Попутный ветер был не в нашу пользу. Слишком большая скорость мешала рулению — очень трудно вести непослушную лодку. Кроме того, нашей технике вообще больше подходит встречный ветер. Сильный, длинный и мощный гребок при сравнительно невысоком темпе был нашим главным козырем.

Теперь нам могло принести успех только преимущество на первой половине дистанции. Если только хватит нас до финиша.

Все шесть команд, гонимые попутным ветром, по команде сорвались со старта. После шести стартовых гребков мы молниеносно вырвались вперед. Ни одна команда не решилась принять наш темп. Первые 250 метров проходим с преимуществом в 2 секунды. Темп большой — 40 гребков в минуту, но мы его не чувствуем. Казалось, какая-то ураганная сила несет нас. Проходим половину дистанции, второй километр начинаем в еще большем темпе — 42 гребка в минуту. Мы уже опережаем всех на 5 секунд. Редкий случай на соревнованиях такого уровня! Чаще всего борьба идет нос в нос до финиша. Чувствовали себя без одной минуты чемпионами мира. Но как раз этой минуты и не хватило. Вернее, не минуты, а 10—15 секунд. Силы кончились перед линией финиша. Как метеоры пронеслись мимо трибун, казалось, что общими усилиями — нашими и болельщиков — вырвем победу, но силы оставили нас. Потеряли координацию, гребок разладился, лодка остановилась. Перед самой финишной линией мимо нас пронеслась команда ГДР.

Это была настоящая борьба, потребовавшая высочайшей техники, больших усилий воли, правильной тактики. Говорят, что гребцы (что-то похожее, наверное, происходит и с другими спортсменами) правильно проходят только одну дистанцию за сезон. Такой дистанцией и оказался этот наш заезд. Наше лидерство — это итог усиленной подготовки к чемпионату мира.

...Поздний воскресный вечер. Опустились трибуны, стоянки автомашин. Многие участники чемпионата мира уже разъехались по домам. Розданы все медали, дипломы, призы. Заканчивается и самая весёлая часть дня — поздравления, тосты, обмен значками и сувенирами. Только теперь я почувствовал смертельную усталость. Голова трещит, не могу ни стоять, ни сидеть, ни лежать. Легче всего, кажется, остаться одному.

Иду мимо опустевших трибун. Ночь тепла и ясна. Со стороны моря дует слабый, тёплый ветер. И кажется, если прислушаться, можно различить слова:

— На какой скорости они неслись мимо трибун, вот здесь ещё они были первыми...

Вслушиваюсь и, по-моему, действительно слышу:

— Если бы дистанция была короче хотя бы на несколько метров, они победили бы. Как им не везет.

ГЛАВА 15. НЕЧЕТНЫЙ ГОД

Спортсмены часто верят в приметы. Мне запомнился один забавный эпизод из любительского фильма о гребцах. Казалось бы, ничего смешного на экране не происходит: олимпийский чемпион 1960 года в классе двоек без рулевого Валентин Борейко стоит на пьедестале почета. Он счастлив, он улыбается. Камера ползет вниз, и зрители замечают, что на ногах у Валентина — разные носки: один — темный, а второй, старый, дырявый, — белый. Конечно, Валентин Борейко надел этот старый носок, потому что верил: это принесет удачу, и на этот раз спортсмен не ошибся. Не могу сказать, что мы с Юкной люди суеверные, но мы всегда считали, что в нечетный год нам должна сопутствовать удача.

Действительно, в 1959 году на чемпионате СССР завоевали (тогда это была сенсация) бронзовые медали и тем самым право считать себя кандидатами в олимпийскую сборную. В 1961 году стали чемпионами Европы. В 1963 году нам, правда, не повезло, но каждое правило имеет свои исключения. В 1965 году опять были награждены медалями чемпионов Европы. Чувствовали себя неудачниками в 1966 году. Так хотели завоевать золотые медали чемпионов мира, но на самом финише они выскользнули из наших рук.

А что готовит нам год 1967-й? Можем ли мы надеяться на спортивное счастье? ,

Давно уже нас называют ветеранами, и не только ветеранами, а еще более звучным словом — патриархами. Может, оставить спорт, завоевать еще раз звание чемпионов СССР и уйти? Передать весло кому-нибудь из младших друзей и уйти непобежденным? Но как уйти, как признаться себе, что ты постарел, если чувствуешь себя полным сил, если результаты растут с каждым годом, если на чемпионате мира греб лучше, чем когда-либо?..

Эта проклятая мода! Немодны «старики», и все. А нам, «старикам», всего по 26—28 лет! Самому старшему из нас — Зигмасу Юкне — 31. Мода безжалостна: может надеть на тебя пальто, юбку любой длины. Может насильно омолодить команду-

Чувствовали, что приметы не помогут. Счастливый или несчастливый наступил год — придется доказать, что мы еще не постарели, не отстали от моды, что, будучи уже «неперспективными», намного сильнее «перспективных».

Прежде всего надо разумно обдумать весь план подготовки. В сборной появились новые веяния. Предлагались фантастические нагрузки. Если в сезон 1961—1962 годов план тренировок был 2200—3000 километров, то теперь планировали примерно 5000—6000. Это еще не все, предлагалось тренировки сделать более интенсивными, проводить их еще чаще, даже в выходные дни и в дни отдыха.

С одной стороны, надо действительно перестраиваться: со старым багажом далеко не уедешь — результаты в гребле растут очень быстро. Спортсмены ГДР почти на всех международных соревнованиях показывают достижения, называемые прессой феноменальными, фантастическими.

С другой стороны, мы знали и такие несчастливые примеры: известные спортсмены, много лет удачно выступавшие в сборной СССР, вдруг после первой неудачи круто меняли технику, методику, тактику и терпели фиаско.

Надо было найти компромиссное решение. Главное — работать регулярно, искать новые возможности и, найдя их, разумно увеличивать нагрузки.

На тренировках по общефизической подготовке мы пробегали или проходили на лыжах десятки километров, поднимали тяжести в сотни килограммов. Мой организм выдержал это тяжелое испытание. Впервые в жизни я выиграл соревнования по общефизической подготовке. Заметно окрепшие за зиму, полные сил и энергии, мы ранней

весной отправились на юг. Впереди был невероятно трудный сезон. В стране появилось много хороших команд, которые на любом соревновании могли нас обойти. Потом сколько угодно можешь доказывать, что еще не в форме, что самое главное — Спартакиада народов СССР и чемпионат Европы. Ответ один: постарел, поэтому и не сумел выиграть.

Южная погода никогда не баловала гребцов. Хорошо, если раз в неделю можешь снять непромокаемый комбинезон и погреться на солнышке. Все остальные дни льет дождь как из ведра или висит туман, похожий на дымовую завесу. А время уходит, и каждый день может стоять золотой медали. Особенно тяжело начинать тренировку, когда еще чувствуешь усталость вчерашнего дня. Дальше — легче, и 40 километров мы шли на одном дыхании. Правда, немножко завидовали лыжникам, которые иногда и спускаются с горы. Нам же все время приходится в гору...

День полон разнообразнейших тренировок: после бега игры, потом — штанга. На многих тренировках мы приучали себя бороться до конца. Без этого не станешь спортсменом и вообще ничего не достигнешь. .

Но надо еще суметь правильно распределить силы на протяжении сезона. Горький опыт многих лет заставлял призадуматься: весной мы, как правило, побеждаем, летом тоже выступаем неплохо, но осенью, когда приходит пора собирать высшие награды сезона, мы проигрываем. Проигрываем и ищем этому причины. А главная причина в том, что силы, накопленные весной, трудно сохранить до ответственных стартов. Участвуя в отборочных соревнованиях, регатах, мы не успеваем в полную силу тренироваться. Багаж, накопленный весной, быстро опустошается. Короткие, но очень интенсивные тренировки изматывают силы.

...Друзья ушли на тренировку, а я лежу в одиночестве. Опять эта злополучная травма. Одно неосторожное движение — и я прикован к постели. Не помогают никакие процедуры и обезболивающие средства. Человек не может привыкнуть к голоду, холоду и боли. Но одно дело, когда ты один, и совсем другое — когда от тебя зависят дела команды. Нас же — четверо. Если бы я осенью сказал им: «Всё, ухожу», — они бы, может, и вышли из положения, а теперь — в самый разгар подготовки — такой сюрприз!

Друзья помогают надеть обувь и сложить вещи в чемодан. Так иногда провожают из большого спорта. Ни оркестра, ни цветов, ни аплодисментов. Не могу ни сидеть, ни стоять. Тем более согнуться.

Кто был членом сборной СССР, тот понимает, что значат слова: «Не попал в сборную». Это, наверное, самые печальные минуты в жизни. Это совсем не похоже на торжественное прощание со спортом. Тихо, без барабанного боя и фанфар рассчитываешься со складом и бухгалтерией, тебе покупают билет — и ты свободен. Иди куда хочешь, на все четыре стороны. Одни провожают с сочувствием, другие в душе довольны, — мол, одним конкурентом меньше...

Врач доставил меня в институт травматологии, и я с нетерпением жду приговора. Когда я опять смогу начать тренироваться? Диагноз неважный: смещение позвоночных дисков. Сорок дней стационарного лечения и никаких тренировок.

— Чтоб все скорее стало на свои места, мышцы надо расслаблять, а не укреплять, — объяснял врач. — Попробуем все сделать, что от нас зависит, только, пожалуйста, никаких глупостей, чтоб не закончилось трагично...

Дал слово строго соблюдать режим и не перенапрягаться. Начались всевозможные процедуры. Даже Первое мая пришлось встретить в постели.

Спустя две недели кризис прошел, кончилось обострение.

Друзья, отбывающие на Гейдельбургскую регату в ФРГ, зашли проведать меня и всерьез уговаривали удрать: паспорт оформлен и имеется один лишний билет. Остается, мол, только переодеться и сложить вещи. Рискнул бы, но жаль, одежда под несколькими

замками... Попрощались. Пожелал им удачи. И меня охватило такое нетерпение, что, несмотря на боль, поверил, что смогу. Смогу выступать даже в этом году.

Вышел из больницы в очень оптимистическом настроении. За это время друзья успели выступить на Гейдельбургской регате, откуда привезли много призов и медалей, немножко хуже выступили дома — на Псковской регате.

Увы, радовался я преждевременно. Совсем не подумал о том, что возвращаться в большой спорт трудно. В лодке почувствовал себя очень слабым.

Раньше никогда не задумывался, хочу ли я грести? Вначале меня просто радовали солнце, воздух, вода. Позже увлекла борьба за секунды, медали, борьба с самим собой. Даже смертельная усталость была в конечном счете приятной.

Первый раз в жизни грести оказалось так нестерпимо трудно. Тяжелее, нежели вернуться после академического отпуска в университет, тяжелее, нежели сдавать госэкзамены, написать дипломную работу. Решимости и воли достаточно. Но это еще не все. Хватит ли сил? Есть еще трезвый разум, который подсказывает: тебе уже 29 лет и ты не сможешь добиться того, чего добивался раньше. А как неприятно быть изгнанным или уйти после сокрушительного поражения!

И все-таки я не мог оставить спорт. Видимо, интуитивно чувствовал, что еще в силах грести. И оптимизм меня не обманул.

После двухнедельных тренировок, которые казались божьей карой, я сел в свою основную лодку — четверку без рулевого. Остались неполные две недели до Люцернской регаты. Было ясно, что за такое короткое время я не смогу прийти в себя. После тренировки выглядел жалко, но желание побывать в Люцерне, казалось, придавало новые силы. Хотел хоть последний раз увидеть этот город. Чем он мне так нравится?

Видимо, не без основания эту регату называют мини-чемпионатом Европы. Тут требуется большое мастерство и спортивная удача. Все сильнейшие гребцы мира побывали в Люцерне. Каждый год здесь, на озере Ротзее, улучшаются рекорды трассы. Много раз возвращались мы с Люцернской регаты с медалями победителей, переходящими призами и с самыми лучшими воспоминаниями. Правда, не все воспоминания о Люцерне связаны с победами.

В прошлом, 1966 году не успели еще мы выехать в Люцерну, как уже все газеты называли нас сильнейшей командой, фоторепортеры не давали нам покоя. Мы потеряли свое олимпийское спокойствие и, что самое страшное, интуитивно чувствовали, что эта вся шумиха добром не кончится. Так и вышло.

Там и начался этот приступ, который потом «уложил» меня в больницу. Где и как успел я простудить спину, если на улице 40 градусов без ветра? К вечеру ни с того, ни с сего почувствовал себя очень плохо. И с каждой минутой становилось все хуже. Не мог придумать, как сесть на кровать. С трудом цеплялся за подоконник и каким-то странным способом повисал. Врачи старались мне помочь. За одну ночь проглотил весь запас обезболивающих средств, потому что утром — на старт. Не смел даже подумать, что не буду стартовать.

Сказать друзьям, что плохо себя чувствую и не смогу выйти на старт, — это было бы слишком. Ведь и я виноват в том, что на Олимпиаде в Токио мы остались без медалей. Теперь, когда шансы на победу были столь велики (ведь все команды известны), у меня не доставало духу отказаться. С утра старался не подавать виду, что положение удручающее.

«Радуйся со всеми, плачь один», — думал я. Стиснув зубы держался, но роль не удалась. Развязка была такой, какую и следовало ожидать. На старте мы еще кое-как сопротивлялись, на второй половине дистанции выглядели слабо, а на финише уже еле ползли. Могли стартовать повторно, но было ясно, что бороться за первое место не сможем и поэтому участия в дальнейших соревнованиях мы решили не принимать.

Хорошо, что это поражение не сломило нас. Дело в том, что, как чемпионы Европы 1965 года, мы были приглашены в Копенгаген на юбилейную регату клуба «Квик», где должны были встретиться с представителями этого клуба — олимпийскими чемпионами 1964 года. Мы рвались в бой, желая реабилитировать себя после такого болезненного поражения. Но руководство сборной медлило с решением. Мы были развенчанными чемпионами Европы, которым подобает дорога домой, а не на такие крупные соревнования. Долго заседал тренерский совет. После дискуссий, длившихся несколько часов, возвращается с сияющим лицом тренер Вайткавичус. Ясно, полетим в Копенгаген.

В Копенгагене нас ждал сюрприз: на соревнования прибыли и сильнейшая команда ФРГ — участница будущего чемпионата мира, и многие другие очень сильные команды.

Юбилейный день выдался очень ветреным. Даже опытные гребцы и арбитры не смогли выровнять лодки на старте: порывы ветра заносили носы лодок то влево, то вправо. Ширина дорожек была уже минимальной, разрешаемой правилами — 12,5 метра. Это еще больше осложняло положение.

Но ни ураганный ветер, ни дождь, ни невообразимо трудное руление — ничто не могло нас удержать. На этот раз мы были сильны как никогда и оставили далеко позади все команды.

Все это, как и поражение на чемпионате мира, осталось в 1966 году. А что же ждет нас в счастливом, нечетном, 1967 году?

Соревнования следуют одни за другими, одни важнее других: Люцернская регата, Спартакиада народов СССР, первенство Европы. Мы пока далеко не в лучшей спортивной форме — на одном уровне со второй командой страны — четверкой без рулевого «Динамо» Риги. Было ясно, что нецелесообразно двигаться скачками. Надо принимать участие только в самых важных регатах и соревнованиях. А основная цель — Спартакиада народов СССР и чемпионат Европы.

Перед вылетом на Люцернскую регату мы больше были похожи на туристов, чем на спортсменов. Нас, как и в 1960 году перед Олимпиадой в Риме, считали самой безнадежной командой.

Маршрут тоже походил больше на туристический: Москва — Париж — Базель — Цюрих. Видимо, кроме нас летели тысячи туристов, и прорваться напрямик к Цюриху было невозможно. Хорошо, что еще сможем побывать в Париже — будет что рассказать, когда вернемся.

Торопимся добыть литературу о достопримечательностях этого города. Успеваем узнать, что все, кто прибывает в Париж, обязательно должны увидеть Лувр, Собор Парижской Богоматери, Триумфальную арку, Елисейские поля, ну и символ Парижа — Эйфелеву башню.

Высидевшись из самолета на аэродроме Бурже, рвемся к Эйфелевой башне. Скорость транспорта — 5—6 километров в час. А времени мало. Надо позаботиться о номерах, которые, увы, очень дороги даже в самых скромных пансионатах. Решили пока все отложить, так как нас ожидает самое прекрасное развлечение — прогулка по городу. Но прогулка больше похожа на спортивную ходьбу. Останавливаемся только спросить, как побыстрее дойти до Собора Парижской Богоматери. Несемся по Марсову полю к Эйфелевой башне, на Елисейские поля, к Триумфальной арке. Гидов нет. Мы сами себе гиды.

А как выглядит Монмартр, в маленьких кафе которого давно, очень давно, около ста лет назад, собирались тогда еще никому не известные французские художники?

Когда поднялись на холмы Монмартра, было уже поздно, но жизнь кипела. Как и сто лет назад, здесь живут художники, числа которых никто не знает. Говорят, что во всем Париже их около 50 тысяч. Каждый ждет признания, которое придет, может быть, через 50

лет. Завидуйте нам, спортсменам! Мы становимся знаменитыми в течение нескольких лет. Правда, ненадолго...

Люцернская регата была, как всегда, величественна. Наши бывшие соперники — четверка без рулевого из Дрездена, которым мы незначительно проиграли на чемпионате мира в 1966 году, были достойны самых высших похвал. В финальном заезде они улучшили рекорд, показав на трассе феноменальное время — 6 минут 1 секунда. Поскольку, мы были больше похожи на зрителей, чем на участников, стартовали намного скромнее и в первый день заняли второе, а на следующий — третье место. Да, видимо, в последний раз мы приехали в Люцерну.

На всякий случай каждый из нас бросил по медной монете в фонтан, как это делают все, кто надеется еще раз приехать в этот город.

Нас ждала огромная работа. Может, еще раз изменить свое амплуа? До этого времени мы с Юкной уже стартовали в двойке с рулевым, восьмерке, четверке без рулевого, четверке с рулевым. В последнее время чувствовали, что руление отнимает очень много энергии и на дистанции сильно утомляет. Дело в том, что в четверке без рулевого и в двойке без рулевого один из членов экипажа — первый или четвертый — является загребным и рулит.

Сезон шёл к концу, а мы еще не показали ни одного убедительного результата. В Москву на Спартакиаду народов СССР нас снаряжали за золотыми медалями.

Я вспомнил, как на Олимпийских играх в Риме выступал легендарный байдарочник Герт Фредрикссон. Ему было тогда 42 года, он был уже трехкратным олимпийским чемпионом. В 18 лет он не жаловался, что молод. И после стольких лет, проведенных в спорте, здесь, в Риме, не выглядел усталым. После финиша байдарок-одиночек на пьедестале стояли обладатели всех медалей. Не было только бронзового призера Г. Фредрикссона. Он, даже не отдохнув, поспешил на следующий старт и еще успел завоевать золотую олимпийскую медаль. Что ж, надо спешить, время не ждет.

— Когда прощаетесь со спортом? — спросили его после финиша.

— Каждый год, но приходит весна — и опять моя лодка выходит в море.

Это — пример из классики спорта. И он многому учит. Неужели мы настолько слабы, что, столкнувшись с первыми трудностями, побежали с поля боя? Нет, мы полны решимости бороться не только за высшие награды Спартакиады, но и за медали чемпионов Европы! Мы еще докажем, на что способны!

На Спартакиаду народов СССР съезжались сильнейшие команды страны: «Спартак» Москвы, «Калев» Тарту, «Даугава» Риги, «Буревестник» Киева. Все-таки последние дни подготовки не прошли даром: мы чувствовали, что свыклись с лодкой, сработались. Главное — максимально сберечь силы к финалу. Таков план тренера и наш.

За всеми соревнованиями наблюдают не только наши друзья-болельщики, но и специалисты по гребле, они пристально следят за каждым нашим гребком. Как нас оценят? Сможем ли доказать, что мы в силах бороться и побеждать? Многое зависит от того, какое мастерство покажем даже на второстепенных соревнованиях. Пресса нашу первую победу оценила банальными словами: «Победили в переменчивой борьбе, благодаря большому опыту». Итак, мы победили, не показав всех своих возможностей. Нас ждало состязание с четверкой с рулевым московского «Спартака». Это соперники очень сильные, опытные, призеры первенства мира, двукратные чемпионы Европы. Они очень опасны на второй половине дистанции.

С самого начала мы взяли такой темп, что колонна четырех финальных команд сразу удлинилась. Далеко не уходим только от своих основных соперников. На половине дистанции еще увеличиваем темп, и накал борьбы слабеет. Каждая команда, отдав все, что могла, занимает свое место. Дальнейшая борьба заключается в том, чтоб не дать обогнать себя.

За 500 метров до финиша борьба завязывается с новой силой. Идущие вторыми спартаковцы Москвы увеличивают темп и грозно приближаются к нам. Разрыв между нами; стал быстро уменьшаться, а молодой, неопытный рулевой даже не успел сориентироваться и принять правильное решение. Финал оказался очень трудным. До последних метров решался спор — кто кого, и только услышав гонг, мы интуитивно почувствовали, что победили. Мы прошли дистанцию за 6 минут 43,8 секунды, а они — за 6 минут 44 секунды. Как нужны эти две десятые! Стоял на пьедестале и еле удерживал две золотые медали — чемпионов СССР и Спартакиады. Чувствовал, что неважно выгляжу перед камерами, направленными на нас.

Приблизительно месяц остался до чемпионата Европы. Совсем немного, рукой подать, а еще не ясно, будем ли мы в нем участвовать.

За круглым столом принимается решение, которое и вовсе осложняет положение — из двух команд разных стилей сделать одну. Начались эксперименты. Всё из желания любой ценой омолодить команду хотя бы на несколько месяцев. Пробовали разные варианты, меняли места, но тех секунд, которые мы должны были показать, не получалось. Естественно, больше всех отдыхал З. Юкна, так как его 32-летний возраст никому не внушал доверия. Любой специалист по гребле понимал, что Юкна по тем временам был одним из сильнейших в сборной. Каждый тренер с низким поклоном его пригласил бы, в свою команду. За восемь лет, проведенных в сборной, он никогда не болел, не имел травм, не пропускал тренировок, соблюдал режим и за последние два года заметно вырос технически. Когда в свободное от экспериментов время садились в лодку в прежнем составе, казалось, что пересели из телеги в самолет.

В конце концов старший тренер сборной уступил:

— Делайте как хотите. Ответит за результат тренер и вы. А мы соскучились по своей лодке. Казалось, что теперь горы свернем. Бесстрашные вышли на старт и прошли контрольную дистанцию. Увы, зря погорячились. Хорошего времени пока не показали, а только дали пищу для разговоров, что «команда не та».

Чудес не бывает. За оставшееся время надо выполнить весь план подготовки. Отстали от рабочего плана сборной СССР. Когда она интенсивно работала, мы экспериментировали. Теперь приходилось максимально использовать каждую секунду. Отбросив дни переезда и предстартовые дни перед чемпионатом Европы, запланированный объем с трудом уместился в оставшиеся почти три недели. Опять начались тренировки с фантастическими нагрузками. С каждым днем мы гребли все лучше и лучше, но боялись, что нам, как студентам, не хватит одного дня.

В чемпионате Европы принимало участие рекордное число стран. Борьба за путевки была тяжелой не только для нас. Многие были удивлены, когда не увидели в составе команды ГДР чемпионов мира 1966 года — четверку с рулевым из Берлина. На отборочных соревнованиях они проиграли команде Востока.

С тренировки еле успели на церемонию открытия соревнований. Погода была благоприятная. Свежая, не очень теплая, не ветреная. Над стадионом, где должен состояться церемониал открытия, развеваются флаги 30 государств. Чемпионат Европы открытый, и в нем могут принимать участие все страны. Почти во всех классах лодок собралось примерно по 18 команд, а это значит, что три дня подряд придется бороться за право попасть в финал. Если удастся победить в первый день, не надо будет стартовать в «утешительном» заезде и появится день для такого необходимого сейчас отдыха.

В данном случае наш тактический план был ясен. Основная борьба должна развернуться на первом километре. Так уж всегда бывает: если в одном заезде за право попасть в финал борются две сильные лодки, одна из них, отставшая на старте, избегает ненужной траты сил и в финал пробивается более легким путем — через «утешительный» заезд.

Наш план прекрасно удался. Со старта сорвались с такой силой, что исход был решен еще до отметки 1000 метров. Руководство было приятно удивлено, узнав, что дистанцию мы прошли с лучшим временем. Руководство, но не мы. На последних тренировках мы добивались таких результатов на коротких дистанциях, каких не достигала ни одна команда. Могли обойти соперника на старте, в середине дистанции, на финише. Практически путь в финал был открыт: в полуфинале нам достаточно было занять третье место. И когда вся сборная СССР еще вела борьбу за право выйти в финал, мы в полуфинале показали лучший результат. Гребли мощно, стабильно и уверенно. Мы были единственной командой, реально претендующей на золотые медали. Но когда золотые медали оказались рядом, у нас задрожали руки и ноги, еще немного — и сдадут нервы. За ночь, наверное, десять раз пересмотрел дистанцию, обдумывая каждый метр, а к утру уснул и чуть не опоздал к завтраку. Всех удивляли мои крепкие нервы.

Последние часы перед стартом кажутся вечностью. Проверили лодку, помыли и почистили ее. Лодка и так была чистой, но любое занятие — прекрасный способ успокоить нервы.

Согласно олимпийской программе, соревнования открывают четверки с рулевым. Ветер был встречным, и нас ждала самая тяжелая семиминутная борьба. Решили, что имеющийся запас скорости лучше использовать на втором километре и на финише.

Ровно в четырнадцать часов выходят на старт пять сильнейших четверок Европы и одна из США. При сильном встречном ветре мощный американский экипаж был грозным соперником.

— Не упустить американцев! — едва успел сказать рулевой, как прозвучала команда, и все шесть команд бросились вперед. Но американцы уже были первыми. Мы гонимся за ними, увлекая за собой немцев, румын, голландцев. Так первыми — вторыми проходим 500 метров. С интервалом в несколько метров идут еще три команды. Борьба обострялась, и казалось, что только после гонга решится ее исход.

Нам удалось вырваться вперед, но оба сильнейших соперника — немцы и американцы предпринимают мощный спурт и вновь приближаются к нам. После очередного спурта американцы вынуждены уступить первенство лучше тактически подготовленным немцам. Отдав слишком много сил, американцы теперь стараются только не отстать.

В начале второй половины дистанции немцы догоняют нас. Разрыв между лидерами и остальными командами сокращается. Отстают американцы, видимо, мечтавшие только о золотых медалях. Когда всем уже казалось, что напряжение борьбы снизилось и возобновится только на финише, мы неожиданно предпринимаем спурт, завоевываем дорогие секунды и берем инициативу в свои руки.

Приближается финиш. Постепенно увеличивают темп немцы, румыны, голландцы. Неужели повторится прошлогодняя история? Может, слишком много сил вложили в этот спурт и теперь их не хватит для финиша? Финальный гонг прозвучал в тот момент, когда я уже не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Или наоборот: как только прозвучал гонг, силы оставили меня.

Стоял на пьедестале почета и думал о том, что победы бывают разные. Иной раз выиграть помогает случай. Но самое большое счастье — победить в мужской тяжелой борьбе.

ГЛАВА 16. ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

Разглядываю фотографии с чемпионата Европы 1967 года. Наши лица выглядят серьезными, сосредоточенными. Мы познали цену победы. На своем спортивном пути мы много раз испытывали горечь поражения, судьба нас не баловала. И теперь мы хорошо понимали, что высшая точка — это начало спуска. В течение девяти лет мы побеждали на всех чемпионатах СССР, трижды становились чемпионами Европы. Гнались ли мы за золотыми медалями? Да, иногда. Но главные победы завоевывали не тогда, когда «золото» было нашей основной целью, а когда нам удавалось использовать свою технику лучше, чем на тренировках.

На Спартакиаде народов СССР в 1967 году мы чуть не проиграли менее сильному сопернику — четверке с рулевым московского «Спартака» именно потому, что считали тот заезд единственным, последним шансом. Мы бросились вперед, как на последний уходящий поезд, и сразу очутились на краю поражения. И только ценой невероятных усилий смогли выиграть, сберечь команду и удачно бороться на чемпионате Европы.

Сборная СССР понемногу набирала силу. Кроме нашей такой весомой победы в копилку команды на чемпионате Европы вошла серебряная медаль трехкратного олимпийского чемпиона Вячеслава Иванова и бронзовые медали восьмерки ЦСК ВМФ. В итоге наша сборная выступила значительно лучше, чем на чемпионате мира 1966 года, и после ГДР заняла второе командное место.

Тем временем в мировой гребле совершенствовались методы подготовки, улучшался инвентарь, организационные вопросы решались эффективней. В каждом международном соревновании принимало участие все большее число молодых команд, которые удивляли специалистов гребли своей зрелостью. Заметно сократилось время, необходимое для технической подготовки гребца. То, чего мы добивались за 5—6 лет, зарубежные команды достигали за 2—3 года. В ГДР, ФРГ и в других странах гребцов «выпускали» просто индустриальными методами. Исчезала какая-нибудь команда, а вместо нее за 1—2 сезона появлялась другая, притом высшего класса.

Мы тоже шли вперед, но медленнее. Нам мешали давно укоренившиеся старые, отжившие. традиции. Ну, например, такая: считалось, что нельзя проигрывать ни на одних международных соревнованиях.

Можно с уверенностью утверждать, что спортсмен ни в одном виде спорта не может выиграть все соревнования. Каждый серьезный старт требует огромных сил, а подготовка к каждому следующему старту — времени на восстановление. Такие нагрузки скорее выдержат юные спортсмены. Но это совсем не значит, что они — сильнее других и смогут победить на ответственных соревнованиях. Приведу пример. Чемпионы Спартакиады народов СССР 1967 года М. Вайткус и Б. Нацевичус были еще новичками в гребле: Поэтому перед чемпионатом Европы их решили тщательно испытать. Контрольные соревнования длились долгое время. М. Вайткус и Б. Нацевичус стабильно показывали высокие результаты. Однако на самом чемпионате Европы они начисто проиграли два заезда и в финал не попали.

Ниже своих возможностей выступили и двойка с рулевым и четверка без рулевого. Умудренные горьким опытом многих лет, мы на этот раз правильно наметили свой план подготовки и накануне соревнований были в лучшей спортивной форме.

Итак, мы, ветераны, доказали свою силу и теперь начали готовиться к третьей в своей жизни Олимпиаде. Все шло наилучшим образом, пока на лыжной базе в Подмоскowie я вдруг не разболелся. К концу сборов, когда основная работа была уже закончена и остались только контрольные соревнования по лыжам, вдруг почувствовал себя плохо.

Диагноз был самым худшим: инфекционная болезнь, а значит — месяц больничного режима, потом — шесть месяцев строжайшей диеты. О тренировках не могло быть и речи.

Но болезнь меня не сломила. Я выздоровел раньше, чем предполагали врачи. Но за три недели, казалось, успели стать дряблыми тело и душа.

Однажды слушаю радио, прогноз погоды: в Азербайджане 15 градусов тепла, в Вильнюсе — столько же мороза. Друзья через несколько дней уезжают на весенние сборы в Азербайджан. Но ведь я тоже в списке кандидатов в олимпийскую сборную. Правда, пока только как «мертвая душа». А может, воспользоваться правом олимпийца? Буду греться на солнышке, делать зарядку, соблюдать диету. Хотя мне категорически запрещено тренироваться, я все-таки таил надежду сесть в лодку, проверить себя — конечно, не в основном составе, а, скажем, в одиночке. И, если все пойдет хорошо, можно попробовать убедить врача, чтобы он направил меня на повторное обследование. Врач хорошо понимал, что значит уход одного из членов экипажа, но риск казался ему слишком большим.

Начав с небольшой зарядки, я каждый день увеличивал нагрузку. На каждой тренировке проходил все большую дистанцию, а потом не отходил от врача, настойчиво требуя разрешения тренироваться в основной команде.

Медицинское обследование показало, что болезнь отступает, организм восстанавливается. После долгих консилиумов мне разрешили вернуться в команду, но только в восьмерку. Здесь, кроме меня, еще семь человек экипажа и я мог чувствовать себя свободно, позволять себе передохнуть: когда трудно — друзья помогут. Уже через пару недель я не только восстановил потерянные силы, но и почувствовал себя готовым к соревнованиям.

Многие команды Европы и мира весной тренировались легко — ведь Олимпиада еще не скоро. Экипаж восьмерки ФРГ разбрелся по разным лодкам, и только по субботам и воскресеньям они тренировались вместе. И перед Олимпийскими играми они показывали очень хорошие результаты.

А наша восьмерка, скомплектованная из ветеранов и дебютантов, очень боялась быть в отстающих. Мы старались уже весной, сразу, вернуть то, что упущено, и занять в сборной СССР позиции лидеров.

Прошли три недели тренировок. Мы уже стартовали в марафоне гребли — дистанции 5 километров. Погода была влажной, дождливой, но все команды, не обращая внимания на неблагоприятные условия, начали борьбу за место в сборной.

Такие соревнования теоретически ничего не решают, но практически — очень много. Они выявляют потенциально сильные и слабые экипажи. Начинается устранение «вакуума» — из более сильных классов, где конкуренция большая, часть команд переходит в более слабые.

Результаты, показанные нами на первых соревнованиях, были сравнительно высокими. Наша восьмерка финишировала первой, победив чемпионов СССР — спортсменов ЦСК ВМФ. Эта совсем незначительная победа определила дальнейшую нашу судьбу. События развивались очень быстро. Восьмерка была нужна «Жальгирису», сборной СССР. Ведь олимпийская медаль восьмерки считается намного весомей, чем медаль четверки. По этим и другим соображениям тренеры предлагали нам лучших своих гребцов. Не очень манили нас такие перспективы. Разрушать клубные команды, не зная наверняка, приживется ли у нас новый член экипажа, нам не хотелось. А за половину сезона подобрать лучший вариант трудно. Предлагали нам и другой способ укомплектования экипажа: из двух сильнейших команд-соперниц создать одну, самую сильную. Для того, чтобы решиться на что-нибудь, нам надо было хорошо представлять себе возможности лучших восьмерок мира — ФРГ, ГДР, ЧССР и других.

Первая международная регата должна была состояться в Ратцебурге, и обе советские восьмерки — наша и ЦСК ВМФ — выехали в ФРГ.

Как и следовало ожидать, экипаж восьмерки ФРГ, укомплектованный пятью клубами, был еще далеко не в лучшей форме.

В Ратцебурге к нам подошел тренер самой быстрой восьмерки в мире К. Адам и попросил кинограммы нашей команды. Мы доказывали, что гребем еще неслаженно. И вообще, чему может учиться у нас сам Адам? — удивленно спрашивали мы. Оказывается, может. Представители советской гребной школы всегда отличались ювелирной техникой, считал К. Адам, только жаль, часто работали по отсталой методике. Вечером наши кинограммы показывали по телевидению ФРГ, а на следующий день мы свое превосходство доказали и на воде — победили ЦСК ВМФ и разгромили сборную ФРГ у них дома. Дальнейшие заезды тоже закончились нашей убедительной победой.

У многих, кто вспомнил прошлые победы восьмерки «Жальгириса», вызывала большой интерес эта воскресшая из мертвых команда. К нам подходили, здоровались. Одних интересовали наши перспективы, другие выражали твердую уверенность в нашей победе на Олимпиаде, третьи доказывали, что слишком большая роскошь — держать две такие сильные восьмерки, что из двух можно сделать одну команду экстракласса.

План создания сильнейшей восьмерки был осуществлен сразу же после регаты в Грюнау. Он выглядел так: из двух восьмерок — ЦСК ВМФ и «Жальгириса» — комплектуется одна. Наша восьмерка, как и раньше, составляет ядро новой команды. В процессе тренировок возможны изменения. Состав команды пока таков: З. Юкна (загребной), А. Багдонавичус, Й. Ягелавичус, И. Мотеюнас (все из «Жальгириса»), В. Стерлик («Динамо», Киев), А. Мартышкин (ЦСК ВМФ), А. Хамин («Труд», Москва), В. Суслин («Буревестник», «Ленинград»), рулевой Ю. Лоренцсон («Труд», «Ленинград») и запасной В. Бриедис.

Во второе воскресенье июля Люцерн принимала сильнейших гребцов Европы. После многих трудов начал вырисовываться почерк нашей восьмерки. Это, несомненно, была сильнейшая команда страны всех времен. Ей еще не хватало маневренности на дистанции, что является признаком очень слаженной команды, поэтому старт, спурт, финиш казались довольно инертными, но когда мы раскачивались, то развивали скорость, которая была не под силу ни одной другой восьмерке. Командами экстракласса считались те, которые при такой погоде двухкилометровую дистанцию проходят меньше чем за 5 минут 50 секунд. Наши результаты заставляли призадумываться специалистов. Они ожидали, что нам удастся побить рекорд озера, который до этого составлял 5 минут 47 секунд. Вода Люцерны окажется наверняка самой «быстрой». Дело в том, что условия складывались благоприятно для гребцов — погода безветренная, вода спокойная, конкуренция большая, а зрители объективны — они хорошо чувствуют азарт гонки, способны оценить красивую борьбу.

После довольно-таки длинного перерыва возобновилась дуэль между восьмерками «Ратцебург» и «Жальгирис», правда, обе значительно изменили свой состав. Нашу восьмерку представляли теперь спортсмены из четырех городов — Вильнюса, Москвы, Ленинграда и Киева, но в прессе ее единогласно называли восьмеркой «Жальгириса».

Восьмерка ФРГ, по сравнению с Ратцебургской регатой, выглядела значительно более мощной. Очень сильная команда приехала и из Чехословакии.

Старт в финале был не только как никогда свободным, но и мощным и стремительным. Вода, казалось, сама несла нас. На второй половине дистанции еще усилили гребок, немцы предприняли спурт, пытались бороться, но на этот раз мы были сильнее. Перед финишем они пропустили вперед и лодку из Чехословакии.

Как быстро все меняется в спорте! Еще вчера рекорд озера Ротзее — 5 минут 47 секунд — считался феноменальным, а теперь, улучшенный на 8 секунд, мог гарантировать лишь второе место. С сегодняшнего дня рекорд Ротзее — 5 минут 38,6 секунды.

До Олимпиады еще три месяца. Быть может, за это время такой результат станет средним и на серьезные соревнования с ним даже будет неудобно показаться. А пока немцы поздравляют нас с победой. Поражение они приняли как настоящие спортсмены — не искали утешения и оправдания.

Мы наконец ощутили себя командой. Ведь рождение команды не может произойти по чьей-либо воле, как по мановению волшебной палочки. Совместные тренировки, постоянное общение, даже взаимопонимание еще не гарантируют создания единого боеспособного коллектива. Команда рождается в муках. Людей накрепко могут соединить лишь испытания, которые они разделили друг с другом. И теперь, пройдя через испытание, каждый из нас понял, какие прекрасные ребята в нашей команде. Выносливые, крепкие, техничные! И пусть еще во время тренировок мы не во всем понимали друг друга, теперь, после тяжелой борьбы, мы верили в свою команду.

Все мы думали об одном — об Олимпийских играх в Мексике.

Акклиматизацию проходили в Болгарии — на горном озере. Считалось, что условия здесь похожи на мексиканские. Высота — примерно 1900 метров над уровнем моря (в Мексике — 2200 метров).

Мы чувствовали себя на такой высоте хорошо и вскоре увеличили объем работы и интенсивность. Трудностей, о которых часто рассказывали побывавшие в Мексике, мы не чувствовали. Тренировки шли складно, без перебоев. Изредка задумывались, действительно ли здешние и мексиканские условия аналогичны, не слишком ли легко в учении и не слишком ли тяжело будет в бою...

Редко кому удастся увидеть страну, где тесно переплелись три цивилизации — древних ацтеков, средневековых испанцев и современная. Мексика — это страна, которая долгие столетия находилась под опустошающим испанским игом, но сохранила корни индейской культуры, а завоевав независимость, провозгласила в своей конституции принципы мира и демократии. Символом Олимпиады не случайно стал старинный календарь ацтеков. По этому календарю предки мексиканцев довольно точно вычисляли некоторые астрономические циклы, движение небесных тел, затмение Солнца и Луны. Одна мексиканская газета писала даже, что в календаре предсказано и проведение Олимпийских игр 1968 года в Мексике. Удивительно, что этот гигантский каменный монолит не мог предсказать уж заодно и победителей Олимпиады.

Метеорологи обещали хорошую погоду на октябрь, по пока часто моросил мелкий дождь или повисал туман, а старый Бог дождя у антропологического музея был невозмутим. Еще не приземлившись, мы поняли, что этот большой город задолго до открытия Олимпиады охвачен олимпийской лихорадкой. Праздничная пестрота, яркие огни — все это напоминало цветной рекламный кинофильм, только на очень большом экране.

Сильнейшие спортсмены мира съезжались на Олимпиаду за три-четыре недели до ее открытия, чтобы иметь возможность акклиматизироваться.

Гребной канал Сочимилко был превосходен: длина дистанции — 2200 метров, ширина — около 100, глубина канала — около 2 метров; удобные места для представителей прессы, репортерские кабины, демонстрационное табло, двадцать эллингов, площадки для легковых машин и автобусов, трибуны на 15000 зрителей.

Лучшим гребцам мира были созданы лучшие для тех лет условия.

Воздух Мексики стал чуть ли не самым популярным сувениром Олимпиады. Оборотливый деляга придумал продавать высокогорный воздух в металлической посудине, украшенной олимпийскими кольцами и портретом последнего императора

ацтеков. Но, несмотря на такую его популярность, казалось, что воздух Мексики для многих может стать роковым препятствием на пути к вершине Олимпа. Большинство прибывших команд проходили акклиматизацию на меньшей высоте, и адаптация в новых условиях с пониженным содержанием кислорода в атмосфере давалась с трудом. Особенно после дождя, когда повысилась влажность. Я еще только шел на тренировку, поднимался со спортивной сумкой по лестнице, как начиналось сильное сердцебиение, не хватало воздуха, появлялась сухость во рту. Если в Болгарии мы проходили дистанцию так же, как дома, то здесь «мертвая точка» наступала намного раньше, примерно через три минуты после старта — где-то на середине дистанции.

Мы вынуждены были уменьшить нагрузку на тренировках и начать акклиматизацию заново. День за днем увеличивали объем и интенсивность работы. Это дало результаты, и мы не только хорошо выучили мексиканское слово «маньяна» («завтра»), но и начали верить в него.

В первый же день соревнований было немало неожиданностей, хотя ни один из гребцов не потерял права бороться дальше. Швейцарцы М. Бюрген и М. Штудак, чемпионы мира и Европы на парной двойке, хорошо шедшие на первой половине дистанции, вдруг почувствовали себя плохо и едва дошли до финиша. Они так и не смогли прийти в себя до «утешительного» заезда и от дальнейших стартов отказались. Мы начали ощущать первые признаки усталости. Пропала прежняя легкость, опять начали обнаруживаться некоторые недостатки технической подготовки, конец гребка стал нескладным, тяжелым. Когда другие команды еще, казалось, наращивали свою мощь (ФРГ, Новой Зеландии, Австралии) и увеличивали нагрузки, мы были вынуждены уменьшить намеченный планом объем работы, чтобы дать себе отдохнуть перед решающими стартами.

Мы долго сомневались, какую тактику лучше избрать в первом заезде. Как будто бы лучше всего взять инициативу в свои руки, победить и тем завоевать психологическое преимущество. Но, с другой стороны, опасно все ставить на карту. Даже хорошо прошедшие акклиматизацию команды причинили много хлопот врачам и санитарам. Беспрерывно дежурили катера, которые буквально из лодок вытаскивали потерявших сознание гребцов, клали на носилки и отправляли в медпункт. Может быть, тише едешь, дальше будешь?

Восьмерка Новой Зеландии, очень стремительно начавшая дистанцию, захватила инициативу. Уже на первом километре мы ей проиграли 4 секунды, и исход борьбы был почти ясен. Отвоевать потерянные секунды было невероятно трудно, мы выбрали более легкий путь в финал — через «утешительный» заезд. Наше поражение всех очень огорчило. Многие упрекали нас в нехватке мужества и смелости, в чрезмерной осторожности. На самом же деле первый старт здесь, в Мексике, был нашей разведкой, проверкой сил. Пусть наш путь в финал удлинится на одну дистанцию, по первый опыт может и многому научить.

И все-таки оба тактических варианта были рискованны, только с разной степенью риска. Позже, в «утешительных» заездах разыгрались драматические события: в одно мгновение решалась судьба той или иной команды.

Сильная восьмерка ГДР, например, в «утешительном» заезде стартовала в бешеном темпе. За 300 метров до финиша она имела преимущество в 4 секунды, но на финише проиграла и не попала в финал. На протяжении всей дистанции мужественно боролась наша четверка без рулевого, но перед самым финишем проиграла десятые доли секунды. Член этого экипажа П. Ильинский упал как подкошенный, когда до финиша оставалось несколько метров.

Роковым был «утешительный» заезд для экипажа нашей двойки без рулевого — А. Григаса и В. Рикканена. Когда исход борьбы был уже, казалось, предрешен в пользу

советских гребцов, они, видимо, захотели удивить зрителей своим стремительным финишем, но, увы, до финишной линии не дошли. Их подоспел взять дежурный катер и отвез в медицинский пункт.

В «утешительном» заезде мы изменили тактику — первыми стартовыми гребками сразу захватили позиции лидеров, но взятый нами темп был слишком высоким, и, хотя мы завоевали право выступать в финале, борьба на последних метрах была необычайно трудной. Перед финишем на нас наседала восьмерка Голландии, и только преимущество, завоеванное вначале, дало нам возможность попасть в финал.

Финал. Шесть сильнейших восьмерок мира: США, ФРГ, Новой Зеландии, Австралии, Чехословакии и СССР — замерли на старте.

«Первые или третьи, — подумал я в этот момент. — Тридцать лет, третья олимпиада, трижды чемпион Европы. Не могут же тройки преследовать все время!»

Последние минуты. На нас смотрят телевизионные камеры. Знаю, что в Литве глубокая ночь, по болельщики сидят у телевизоров, а мы смотрим на стрелки часов, считаем секунды и ждем первого ожесточенного гребка. Скоро прозвучит команда, и приблизительно через шесть минут после этого десятые или сотые доли секунды или поднимут нас на пьедестал почета или оставят без медалей. Хотелось бы завоевать медали, ведь это наша последняя олимпиада и последний шанс стать олимпийскими чемпионами. Но того же хотят и немцы, и австралийцы, и все остальные.

В истории спорта останутся драматические эпизоды той финальной борьбы. Хотя во всех финальных заездах исход борьбы решали последние метры перед финишной линией, команда Новой Зеландии бросает смелый вызов — на старте захватывает позицию лидера. Все другие команды идут нос в нос примерно 500 метров. Чем дальше, тем труднее. Лидеры отдали очень много сил в начале дистанции. Тактически правильнее прошедшие первую половину немцы, австралийцы и наша команда усилили гребок. Разрыв между лидером и всеми остальными командами уменьшается. Стремительно финишировавшие немцы занимают первое место, австралийцы — второе, мы — третье. Так кончилась финальная борьба третьей в моей жизни олимпиады. Третья олимпиада, третье место и вторая олимпийская медаль. В моей коллекции олимпийских медалей теперь есть серебро и бронза. Эта бронзовая медаль, несомненно, очень большая победа в трудной спортивной борьбе, которая больше походила на мексиканскую корриду. Для многих признанных фаворитов она кончилась трагично.

Видел, как поздравляли победителей на парной двойке Анатолия Сасса и Александра Тимошинина, вырвавших золотые секунды у голландцев Ландера Ван Диса и Хендриха Дроога. Наши бронзовые медали, хоть и трудно дались, не принесли нам такого удовлетворения, как серебряные, завоеванные в Риме восемь лет назад.

Сборная команда советских гребцов заняла на этой Олимпиаде в неофициальном командном зачете 6-е место. Достижение, мягко говоря, скромное. Ни раньше, ни позднее наши гребцы на академических лодках не показывали столь низких результатов.

Позднее выяснилось, что эти Олимпийские игры стали началом расцвета гребцов ГДР. Именно в Мехико они добились общекомандной победы, и этот успех они сумели сделать постоянным.

Надо отдать должное нашим тренерам: они не смирились с неудачами. Было приложено немало усилий к тому, чтобы изменить положение, которое со временем приняло устойчивый характер и стало выглядеть следующим образом: подавляющее преимущество имели наши друзья-соперники из ГДР, далее в табели о рангах располагалась наша сборная, а затем все остальные.

Эта расстановка сил сохранилась на Играх в Мюнхене, Монреале и Москве. Да, советским гребцам в целом удавалось превзойти традиционно сильные сборные США и ФРГ, по мастера весла из ГДР неизменно сохраняли свое лидирующее положение. Четко

спланированная система подготовки к основным стартам, плодотворная работа с юными спортсменами, большие, с толком выполняемые тренировочные нагрузки, а также другие обстоятельства позволяли «гребной эскадре» ГДР прочно удерживать свои позиции.

Не буду углубляться в эту тему. Она носит сугубо специальный характер и поэтому не очень интересна для широкого круга читателей. Скажу лишь, что именно организационные проблемы мешали нашим гребцам на равных соревноваться с лидерами — спортсменами ГДР, хотя потенциально они имели возможности для этого.

После олимпийской регаты в Мехико наш знаменитый гребец на одиночке Вячеслав Иванов выступил в печати с анализом этих соревнований. Вот что он, в частности, написал: «Можете мне поверить, наши ребята не уступают зарубежным гребцам ни по физическим данным, ни по опыту, ни по волевым качествам. Но дело в том, что при нынешнем уровне результатов в гребле, при небывало обострившейся конкуренции чашу весов склоняет наиболее правильная организация тренировочной работы. На мой взгляд, тренеры должны очень тщательно учитывать особенности спортсменов, подходить к каждому с индивидуальной меркой. У нас же, как мне кажется, в последнее время всех стали стричь под одну гребенку».

Конечно, это было сказано давно. Но эти слабости нашей академической гребли давали о себе знать и позднее. Лишь в 1981 году наметились перемены: наши гребцы завоевали на чемпионате мира в Мюнхене семь комплектов золотых медалей.

На играх в Мехико произошло еще одно событие. Они стали последними для Вячеслава Иванова. Он был в составе команды, готовился принять старт, но травма на тренировке помешала ему отстоять свой высокий олимпийский титул. Вскоре после этого он простился со спортом, и сейчас мне бы хотелось побольше рассказать об этом выдающемся спортсмене.

Я десятки раз видел Вячеслава на тренировках и в гонках, и меня всегда поражало своеобразие его стиля, системы подготовки. Кто-то о нем сказал: «У Иванова все не так и все правильно». В этом суждении есть большая доля истины.

Взять хотя бы его технику. Он сидел в лодке с прямой спиной, хотя первое, что говорит тренер ученику, это: обмякни, не напрягай мышцы спины и плечевого пояса. На мой взгляд, в окончании гребка Иванов сильно «заваливался» назад, а ведь это всегда мешает плавному ходу лодки, заставляет ее погружаться, что, конечно же, тормозит ход. И если бы какой-нибудь специалист, не зная Иванова и его достижений, увидел бы этого спортсмена на воде, то, вполне возможно, он обратил бы на него внимание своих учеников, и сказал: «А вот так, дети, никогда не гребите, так нельзя, так неправильно».

Но ведь это был трехкратный олимпийский чемпион, победитель мирового первенства и четырех европейских! И поэтому о технике Иванова вообще предпочитали не говорить или же отзывались глухо, со всевозможными оговорками — так всегда бывает, когда люди сталкиваются с чем-то непонятным, странным.

А его тактика? Даже неопытный гребец знает, что в лодочных гонках очень важно как можно скорее стать лидером: перед тобой откроется вся панорама заезда, ты легко и свободно будешь ориентироваться в событиях на дистанции, тогда как соперники вынуждены оборачиваться, терять при этом секунды, а главное — не смогут своевременно увидеть ускорение лидера. Все знают обо всем этом, все стремятся выйти вперед, хотя и не всем это удастся.

А вот Иванов сознательно дарил самым опасным своим конкурентам лидерство, причем делал это постоянно, не исключая и олимпийские регаты.

Непостижимой выглядела и система подготовки Вячеслава Иванова. Наш вид спорта требует фундаментальной, длительной подготовки к состязаниям: выносливость имеет первостепенное значение в гребле, а она приходит лишь ценой долгих усилий, терпения.

А что Иванов? Да, зимой он ходил на лыжах, играл в волейбол. Но я не скажу, что в эти месяцы он изнурял себя. Как правило, он и весной и летом не доводил себя до изнеможения. И лишь за месяц, а то и меньше, до главного старта сезона он кончал с баловством, начинал тренироваться всерьез и, немыслимое дело, этого до смешного маленького срока ему хватало, чтобы выиграть главное международное соревнование. Как тут не развести руками!

Но если вдуматься, если понять все своеобразие природных особенностей Иванова, то станет ясно, что поступал он в принципе правильно, мало того — только такая система подготовки могла принести ему успех. И я попытаюсь объяснить причину столь парадоксального явления.

Для начала скажу, что странная на первый взгляд манера гребли очень подходила Иванову, поскольку он обладал исключительно взрывными мышцами. И если, к примеру, любой другой гребец, заваливаясь в окончании гребка, плюхался всем своим весом на носовую часть лодки, то Иванов исключительно быстрым, ловким и каким-то закругленным движением успевал «вернуться», успевал перевести вес тела в обратное движение, и лодка при этом ничуть не теряла в скорости движения. Напротив, длинный гребок и энергичное его завершение давали ей дополнительное ускорение.

И в его тактике, когда Иванов отдавал соперникам большую часть дистанции, был свой резон. Он, спринтер по натуре, человек с импульсивным характером, не хотел ввязываться в утомительные и невыгодные поединки. Он только старался не отпускать лидеров слишком далеко, а уж потом своим знаменитым и неотразимым ускорением настигал лидеров и выходил вперед.

И соперники, зная силу этого рывка, со временем уже разучились пользоваться выгодами своего положения, когда выходили вперед. Вот что по этому поводу писал двукратный олимпийский чемпион Юрий Тюкалов, который сам был искусным тактиком, мужественным спортсменом: «Мне доводилось соревноваться со многими знаменитыми гонщиками. Ко всем я относился с уважением, выходил на состязания с ними без всякого опасения. Знал, что и у меня есть шансы на победу. Иное дело, когда я шел на дистанции с Ивановым. Он действовал на меня угнетающе. Это было что-то вроде гипноза. Я мог идти впереди него с запасом в три-четыре корпуса лодки — огромное преимущество, но я знал, что в гонке с Ивановым оно не гарантирует победы. Ближе к финишу он примется за дело всерьез, сначала его лодка будет скользить рядышком, а затем уйдет вперед...»

Был сезон, когда Иванов согласился тренироваться по общему плану. Всю зиму трудился в поте лица, летом изнурял себя в лодке. Все ждали, что уж на этот раз, поработав как следует, он вообще будет шутя разделяться с соперниками. На самом же деле этот сезон оказался для него самым неудачным. Спортсмен редкого, своеобразного дарования, самородок, он мог добиваться успехов лишь своим, удобным лишь для него путем. Иванов обладал замечательной способностью быстро входить в форму, он знал об этом, умел реализовать это качество, и всякая другая система подготовки шла ему только во вред.

Он прожил в спорте долгую и яркую жизнь. Он многого добился, он принес большой авторитет советской академической гребле. И все же когда Иванов объявил о своем решении уйти из спорта, в это как-то не верилось. Трудно было представить сборную без этого лидера.

Он оставил феноменальные рекорды. Первый — когда в 1959 году на чемпионате Европы в Маконе (Франция) он первым в мире сумел на одиночке «разжать» тиски 7 минут. Это достижение было повторено лишь спустя 20 лет: на чемпионате мира в

Югославии этого добился финский одиночник Пертти Карппинен. Он же сейчас ближе всех подобрался к другому рекорду Иванова: к его трем олимпийским победам на одиночке. Но будущее покажет — сумеет ли Карппинен повторить это замечательное достижение.

ГЛАВА 17. КЕМ БЫТЬ?

Как-то я встретил знакомого. Знал его как опытного гребца. Слышал, что он подыскивает себе новую работу.

— Ну как дела? — спросил я его.

— Да вот, мог бы устроиться директором детской спортивной школы, но, оказалось, не умею грамотно писать, в заявлении сделал много ошибок.

Мой собеседник искренне считал, что у него не было времени выучиться родному языку. Действительно, когда спортсмену учиться? Он часто уезжает на сборы, на соревнования, да и каждодневные тренировки требуют много времени и сил. Первые два курса в университете и я тоже мучился, пока не понял, что необходимо учиться рационально использовать время. Помню, иногда казалось, что у меня нет способностей ни к учебе, ни к спорту, что одно исключает другое. Ну как быть, например, если надо сдавать сессию и готовиться к Олимпийским играм одновременно? Складывалось впечатление, что спорт мешает учебе. А на самом деле было не так. В то время нагрузки у меня еще не были большими, и спорт «для аппетита» как раз мог помочь учебе. Но поскольку я не умел сочетать одно с другим, стали появляться тройки. В 1959 году меня включили в олимпийскую сборную страны. Тренировочные нагрузки увеличились. Очень часто приходилось пропускать лекции и уезжать. Но я стал привыкать заниматься в пути, на сборах, при любой возможности.

Уверен, что найти выход из этого нелегкого положения можно. Тренерам, однако, очень часто становится жаль тех начинающих спортсменов, быть может, способных, но слабовольных, бесхарактерных, которые, едва получив третий или второй разряд, уже добиваются освобождения от лекций, ищут всевозможных льгот. Как правило, они все-таки не дотягивают этот тяжелый воз, бросают учебу и с видимым облегчением отдаются всецело спорту. Но посвятив себя только спорту, человек чаще всего беднеет духовно. К тому же спорт с изматывающими, однообразными тренировками приедается, и в итоге мы теряем не только студента, но и спортсмена.

В сборной СССР по академической гребле если и были когда-нибудь спортсмены с незаконченным средним образованием, то очень немногие. Ну а в наши времена в сборной СССР можно было по пальцам пересчитать тех, кто не получил высшего образования. Возможно, дело в укоренившихся традициях, ведь этот вид спорта всегда был студенческим. Но главное все-таки не в этом. Образование помогает спорту. Спортсмен, а тем более тренер должны хорошо знать физиологию, все чаще приходится прибегать к биомеханике, нередко возникают проблемы, связанные с математикой и электроникой.

Было время, когда заслуженный тренер СССР доктор технических наук А. Шебуев заложил основы техники гребли, и созданная им вместе с А. Шведовым восьмерка из общества «Крылья Советов» много лет первенствовала на международной арене. А неудачи, преследовавшие наших гребцов довольно долго, я бы связал с тем, что у тренеров не было единого мнения о технике гребли, слабы теоретические основы, а новшества медленно прививались в практике.

Встречаешь иногда однокашника, теперь уже преподавателя, или кандидата наук, или ответственного работника, общишься с ним привычными вопросами: «как живешь?», «где работаешь?». Когда он слышит, что я занимаюсь спортивной работой, удивление появляется на его лице. Один удивлен меньше, другой — больше, но мало кто смотрит на это как на нормальное явление.

— Не повезло тебе, — скажет один.

— Не ищи легкой жизни, займись чем-нибудь серьезным, — посоветует другой.

Приходится защищать свои позиции, но я ни в коем случае не собираюсь агитировать всех выбирать профессию тренера или спортивного работника.

Пусть каждый хорошо обдумает свой путь. Спортсмены с дипломами физиков, экономистов, химиков, медиков очень нужны. Многие из них всегда были преданы науке, педагогике. И, уйдя из спорта, продолжают служить им. Из тех, кого я знаю, это кандидат химических наук Р. Шармайтис, Е. Левицкас, математик Ц. Юцис, химик И. Мотеюнас, преподаватель института Р. Левицкас, экономист П. Люткайтис, преподаватели техникума легкой промышленности А. Микшис, В. Бриедис.

Но, даже закончив выступать, редко кто забывает свой вид спорта. Смотришь, один судит, другой организывает какие-нибудь соревнования, третий выходит на лодке просто для души. Спорт в их жизни продолжает занимать очень большое место.

Такие люди, которые не могут жить без спорта, уже не сами выбирают спортивную работу — сам спорт выбирает их.

Не все знают, как ответственна работа тренера. Трудно представить, сколько высших школ и жизненных университетов должен пройти такой человек! Тренер — это не только педагог, но и экономист, и бухгалтер. Он ведет финансовые дела команды, является администратором. Он организует поездки, создает базы, площадки, ибо без хороших площадок и инвентаря настоящая работа невозможна. Мой путь в спорте, долгий и нелегкий, смены классов лодок, всегда мучительные, потому что каждый раз надо было идти непройденным путем — определили мою судьбу. Я работал тренером, сейчас мой труд тоже связан со спортивной подготовкой юношества. Я опять вернулся, как говорится, на исходные позиции, опять начал все сначала. Но это, я уверен, был единственно возможный для меня, а значит, верный выбор.

ГЛАВА 18. ПОРТРЕТ ДРУГА

Мысль написать о Зигмаса Юкне, спортсмене выдающихся способностей, замечательном человеке, родилась в горький час. Множество друзей собралось в тот день, чтобы проводить Зигмаса в последний путь. Его жизнь оборвалась на 46-м году после двух тяжелейших операций головного мозга.

Любые трудности Зигмас преодолевал благодаря твердости своего характера, настойчивости, неимоверно большой энергии. И на этот раз он до последнего часа мужественно боролся — ни разу не произнес слово «смерть», он верил в чудо, надеялся, что сильная воля обязательно победит. Но увы... Как ни обидно, но судьба бывает жестокой к сильным. Не зря говорят, что молнии чаще поражают дуб, чем осину.

Моя судьба, мне кажется, сложилась счастливо, именно потому, что она меня свела с этим незаурядным человеком, замечательным гребцом. Больше 10 лет мы провели в одной команде, были связаны, словно сиамские близнецы, видимыми и невидимыми нитями. Казалось, мы черпали силу друг от друга. Его кипучая энергия, упорство и мое хладнокровие удачно сочетались.

Зигмас в борьбе был беспощаден и к себе, и к партнерам, и к соперникам. Он — потомок воинственной, не покоренной крестоносцами Жемайтии, а люди в этих местах всегда отличались своей смелостью и негибким характером.

Он родился и вырос в многодетной семье, рано умер отец, и Зигмасу сизмальства пришлось зарабатывать на жизнь. 13—14-летний подросток, выросший на берегу озера, ночью со старшим братом рыбачил, до рассвета тянул сети, а утром, наспех позавтракав, почти бегом бежал 6—7 километров в школу. И так изо дня в день.

Судьба его не баловала, она его сурово закаляла. Озеро, рядом с которым прошло его детство, не вызывало у Зигмаса романтических настроений: дважды он тонул, один раз сам вытащил тонущего друга, а как-то, возвращаясь с рыбалки, заснул прямо на снегу и сильно простудился. Но крепкий организм выдерживал все тяжелые испытания.

По природе своей он был оптимистом, в школе очень любил самостоятельность, побеждал на конкурсах поэзии, литературного чтения. Тогда еще в средних школах не было таких условий для занятий спортом, как теперь, но все — будь это походы на лыжах, велосипедах, соревнования по баскетболу — все проходило с энтузиазмом послевоенных лет. И Зигмас был одним из активнейших организаторов этих полезных затей.

Позже он поступил на физико-математический факультет Вильнюсского педагогического института, хотя труднее всего в школе ему давались именно физика и математика. Здесь, видимо, сказался его характер и педагогическая жилка. Он был прирожденным педагогом. Сколько его помню, он всегда любил общаться с людьми, был прекрасным рассказчиком, моментально завязывал с любой аудиторией контакт — публика всегда ловила каждое его слово. Разъезжая с Зигмасом с выступлениями по районам и городам, я ни разу не видел равнодушной, кислой аудитории. Своей улыбкой он заражал всех — и самых требовательных, и самых равнодушных слушателей.

В институте для Зигмаса началась интересная, но вместе с тем и нелегкая студенческая жизнь. Стипендия маленькая, ее на жизнь не хватало, и опять приходится подрабатывать — то сторожем, то грузчиком в пекарне.

Зигмас, подвижный, веселый, общительный, заниматься спортом начал почти случайно. Часто зачеты по физкультуре доставляют студентам много неприятностей. Студенты любят шутить, что любой предмет могут выучить за одну ночь. Так говорят даже про китайский язык, но не про физкультуру. К зачету по физкультуре не подготовишься и за неделю. Случилось так, что бег на 100 метров стал непреодолимым

препятствием для студента Юкны. И он решил записаться в любую спортивную секцию, лишь бы не сдавать ненавистный зачет. Ведь спортсмены получают все зачеты по физкультуре автоматически.

Так он очутился на гребной базе, не подозревая даже, что всю жизнь посвятит этому виду спорта. Тогда еще соревнования по гребле носили почти развлекательный характер — с танцами и аттракционами. Гонимый романтикой и нуждой, Зигмас летом путешествует по тайге, зарабатывает на жизнь, а осенью возвращается к занятиям в институте и на гребную базу. Уже тогда он не любил делать что-либо кое-как. У него всегда был железный принцип: «Если не отдашь все, то ничего не получишь».

Новый этап в жизни Зигмаса и моей начался в 1959 году, когда мы вместе начали тренироваться у молодого талантливого тренера Р. Вайткявичуса. Шла подготовка к самому счастливому олимпийскому сезону в нашей жизни.

В учебно-тренировочный спортивный лагерь съехались лучшие тренеры. Трудно их винить в том, что они находились под гипнозом знаменитой восьмерки «Крыльев Советов», которая отличалась идеальной слаженностью, высокой техникой и элегантностью. Однако стиль этой восьмерки к тому времени стал уже устаревать. Надо было искать новое. И сотрудничество двух спортсменов — З. Юкны и Р. Вайткявичуса — оказалось весьма плодотворным в поиске нового.

Опыт у них был неодинаков, но азарт новичка Юкны хорошо сочетался с интуицией опытного Вайткявичуса. Зигмас умел ставить перед собой задачи и потом с упорством шел к цели. На первом предолимпийском гребном сборе Зигмас как-то раз очень убежденно сказал, что Олимпиада в Риме будет для него удачной. Даже признанные мастера не могли позволить себе такое смелое утверждение. Позже в своих воспоминаниях, которые он, увы, не успел закончить, Зигмас заметил, что удачи добивается лишь тот, кто настроил себя на победу. Иначе не бывает. На Олимпиаде в Риме мы достигли очень большого, но не самого высокого результата. Почувствовав, что титулы олимпийских чемпионов были совсем рядом, я больше расстроился, чем обрадовался такому результату. Ну а Зигмас не печалился. Он умел радоваться жизни, тому, что достиг в ней, он счастливый стоял перед камерами, отвечал на вопросы и искренне улыбался.

В 1961 году мы вместе с Зигмасом садимся в восьмерку, и Зигмас становится ее организующей силой, он — образец трудолюбия и силы воли.

На тренировках идем не спеша, как намечено по плану, но, пока не взможем от пота, на базу не возвращаемся. Его никогда не надо было подгонять, только сдерживать.

Талантливый спортсмен З. Юкна не мог приспособиться к посредственным гребцам. Это послужило причиной того, что в 1965 году мы пересели в четверку, загребным которой стал Юкна.

Роль загребного очень велика. Не зря даже очень опытные тренеры сборной СССР любят повторять: «Дайте мне хорошего загребного, и я сделаю команду экстракласса». От загребного требуется очень многое. Это и чувство ритма, темпа, и стабильность гребка, и контакт с командой. Поскольку в большом экипаже конфликты неизбежны, то особенно важны его гибкость и дипломатичность. Каждый хороший загребной силен. Один отличается особой интуицией, другой — темпом, третий — выдержкой, четвертый — умением сосредоточиться на финише. Зигмас удивлял своей стабильностью. Он мог вести команды на спринтерской дистанции, мог на супердлинной — в несколько десятков километров, но всегда все его гребки были стабильными — длинными, мощными.

Пока наша четверка — обломок восьмерки — не сложилась как команда, нам особенно нужен был загребной с твердым характером. И твердый характер Зигмаса сыграл свою роль: на четверке без рулевого в 1965 году мы с Зигмасом второй раз стали чемпионами Европы.

Всего было в нашей жизни много — и плохого, и прекрасного. Мы возвращались домой с соревнований и под бравурные звуки оркестра, и без фанфар. Но всегда нас встречали жена и сын Зигмаса, очень близкие мои друзья.

Дни рождения не принято переносить, но даже тридцатилетний юбилей Зигмаса пришлось праздновать с опозданием на два месяца. Жена его всегда все понимает и не сердится. Ирена сама занималась греблей, она мастер спорта. В тот юбилейный день разговор коснулся волнующей всех его домочадцев темы. Тридцать лет для спортсмена — возраст ветеранский. И может быть, золотые медали чемпиона Европы — прекрасный момент для прощания с большим спортом? Не лучше ли сейчас выбрать более «разумную» профессию — ученого, администратора, педагога? Но как уйти, если возможности кажутся далеко не исчерпанными? Ирена и на этот раз хорошо понимала своего мужа.

Зигмас участвовал в драматической борьбе Олимпийских игр в Токио, переживал свои поражения и неудачи друзей по команде. В то же время он с удовольствием наблюдал, как прекрасно выступал его старый друг 36-летний ветеран команды США Копни Финдлей, который нам проиграл на Олимпиаде в Риме. Ни плохие погодные условия, ни неудачный жребий не могли удержать стремительного финиша двойки с рулевым, в которой рядом с 36-летним ветераном самоотверженно боролся за победу гребец, вдвое моложе его — Эдуард Ферри. Зигмас был рад и за ветерана, и за начинающего спортсмена.

Он всегда любил общаться с молодыми. Независимо от того, тяжелой или легкой, длинной или короткой была тренировка, он находил время и силы сесть в лодку к кому-нибудь из молодых гребцов, недавно появившихся в сборной СССР. После трудных тренировок часто хочется побыть одному, отдохнуть, расслабиться. Но Зигмас чаще всего предпочитал отдых в театре или кино. Он считал, что от того, как спортсмен проводит свободное время, зависит результативность каждодневных тренировок. Поэтому и в театр он ходил не один, всегда брал с собой друзей. Потому и огорчался, замечая, что иные спортсмены не тяготеют к познанию мира, искусства, к размышлениям о жизни.

Я ни разу не видел, чтобы Зигмас взял в руки бокал с вином. Помню торжественный вечер, посвященный закрытию одних международных соревнований. Когда был поднят тост и все встали, остался сидеть только Зигмас. Он, конечно, мог подняться вместе со всеми, а потом поставить свой бокал на стол. Но он считал необходимым напомнить спортсменам, что это для них — лишнее.

Его требовательность к себе была и впрямь завидной. Обычно техника гребца формируется в юношеском возрасте. Каждый тренер знает, что обучить новичка гораздо легче, нежели исправлять ошибки сложившегося, пусть даже известного мастера спорта. Но может ли изменить свою технику спортсмен, когда ему за тридцать? Оказывается, может. Будучи загребным в быстроходных лодках — в четверке без рулевого и восьмерке — Зигмас заметно вырос технически. Усовершенствовал начало и конец гребка, научился правильнее распределять силы на дистанции — и результаты его росли.

Даже через 13 лет после его выступлений, результат восьмерки, в которой Зигмас был загребным, — 5 минут 36 секунд на двухкилометровой дистанции — все еще оставался на уровне международного класса.

Кто знает, может быть, нам удалось бы достичь вершины Олимпа в Мексике, не будь таким тяжелым для нас ее климат? Нам было трудно, а загребному еще труднее. В финальной гонке сдают нервы и у ветерана — Зигмас «поймал леща» в самый напряженный момент борьбы. Но внезапная неудача не ошеломила его, он продолжал бороться до конца и вывел команду на третье место.

После той Олимпиады еще три года он активно занимался спортом. Но все чаще и чаще его можно было увидеть в качестве судьи на различных соревнованиях по академической гребле. Как член Международной федерации по гребле он принимал

участие в работе технической комиссии. Покинув большой спорт, он продолжал общественную и спортивную работу. Его деятельность была активной и разносторонней: на посту народного депутата он много сил и энергии отдавал решению различных очень серьезных проблем.

Тем временем воспитанники средней школы-интерната в Тракае уже добивались первых успехов в стране и за рубежом. Лучшие гребцы интерната составляли костяк сборной республики. Школе нужен был руководитель — опытный, энергичный, умелый. Им оказался Зигмас Юкна. Его назначили заместителем директора по спортивной работе средней школы-интерната в Тракае.

Хозяйственная база школы слаба, инвентарь низкого качества, условия жизни оставляют желать лучшего, питание тоже — это далеко не все вопросы, которые пришлось решать, и немедленно. Бывший спортсмен окунулся в работу с присущими ему деловитостью, темпераментностью и упрямством. Кому-то, возможно, больше по душе человек бесхарактерный: с таким легче — меньше проблем, меньше хлопот. Сиди и жди, а по истечении некоторого времени все само собой как-нибудь и решится. Но Зигмаса не устраивало это «как-нибудь». Он во всем добивался лучшего результата.

В тракайской средней школе-интернате он взвалил на себя огромную нагрузку: вставал в 6 часов утра, ложился в час ночи. И так изо дня в день. Без выходных.

Несмотря на свою загруженность, он не забывал и о художественной самодеятельности, экскурсиях, туристических поездках. Его здоровье казалось железным, но оно подорвалось внезапно. В один осенний день он упал как подкошенный — парализовало всю левую сторону. Диагноз — опухоль мозга, требовалась срочная операция. Операцию Зигмас перенес мужественно, но тяжелая болезнь не отступала — последние два года жизни были мучительными. За всю жизнь он привык много работать, и теперь ценою невероятных усилий воли вставал, падал, опять вставал и работал. Приехал и на Олимпиаду в Москву.

Последние фотографии... Смотрю на них и вижу, как угасал — появилось новое выражение глаз. Из них исчезли воля, энергия, сила.

Зигмас Юкна навсегда внесен в списки известнейших спортсменов. Быть одиннадцатикратным чемпионом СССР, трехкратным чемпионом Европы, призером двух олимпиад — заслуга немалая.

И теперь, когда мы дождались первых чемпионов мира по академической гребле, слава Зигмаса Юкны вовсе не меркнет.

Труднее всего бывает первым.

Партия и правительство высоко оценили труд этого знаменитого спортсмена и спортивного деятеля. Указом Президиума Верховного Совета ЛССР ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля по физической культуре и спорту Литовской ССР.

ГЛАВА 19. КУРС ОЛИМПИЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ

Прошло время. Я уже привык следить за состязаниями по академической гребле только с трибуны. Рядом — мои старые друзья и соперники по лодочным гонкам. Они заметно потяжелели, поредели их некогда пышные шевелюры, прибавилось седины.

На дистанции молодые, азартные гребцы. Мы на трибунах. Хотя нет, однажды мы поменялись местами. Было это в 1973 году, когда на новеньком гребном канале в Крылатском состоялись гонки ветеранов. На старт вышли сам президент Международной федерации академической гребли швейцарец Томас Келлер, мой давний соперник по гонкам на двойках распашных с рулевым американец Конн Финдлей, многие знаменитые гребцы из Советского Союза, и среди них Вячеслав Иванов, Александр Беркутов, Анатолий Сасс. Соревновались только на восьмерках.

О, это было увлекательное соревнование, оно очень понравилось зрителям. Пе скрою, мне было приятно, что команда, в которой я выступал, заняла почетное третье место. Многие готовились к этому старту заранее, мы же составили команду минут за десять до заезда. Вместе со мной сели в лодку Владимир Родимушкин — в составе восьмерки он еще на Олимпийских играх 1952 года завоевал серебряную медаль, два чемпиона Европы — Анатолий Ткачук и Виталий Курдченко, спортивный журналист Игорь Масленников — когда-то он не раз занимал призовые места на чемпионатах СССР, молодой тренер «Водника» Игорь Карпухин, кто-то из ленинградских и киевских тренеров. И все-таки безо всякой подготовки, да притом на неудобной и старой фанерной лодке, нам удалось занять призовое место.

После финиша нас пригласили на наградной плот, вручили цветы, памятные медали чемпионата. Было приятно вновь очутиться в лодке, испытать свои силы в борьбе. И вот в те мгновения я и подумал — а что наш опыт дал последующим поколениям гребцов? Есть ли у нас наследники в спорте?

Надеюсь, что есть. Быть может, забыты даже имена многих некогда известных спортсменов нашего поколения. И все же их жизнь в академической гребле имела высокий смысл не только для них: в меру своих сил и способностей они содействовали развитию академической гребли, их высокие результаты оставались ориентирами для следующих поколений, они искали и находили новое в системе подготовки, и эти новшества были подхвачены сменившими их спортсменами.

В свое время московская восьмерка «Крыльев Советов» слыла своего рода плавучей лабораторией. Эта команда оставила яркий след в истории академической гребли, всю систему технической подготовки они переложили на язык цифр и формул, и в то время это дало, ощутимый толчок нашему виду спорта.

Наш первый олимпийский чемпион по гребле ленинградец Юрий Тюкалов всегда отличался виртуозной техникой, и по его кинограммам поныне проходят «школу» молодые гребцы.

Вячеслав Иванов, завоевавший золотые олимпийские медали, обладал замечательной способностью подводить себя к наилучшей форме накануне самого ответственного старта. А ведь эта проблема и поныне стоит перед тренерами, и, пытаясь решить ее, вольно или невольно они используют опыт Вячеслава Иванова.

Так что, согласитесь, у нас, ветеранов, есть все основания считать, что в развитии академической гребли есть и наша заслуга. Ни одно поколение спортсменов не может сказать, что своими успехами они обязаны только себе. Это своего рода цепочка — цепочка многих поколений, каждое из которых проявило трудолюбие и выдумку, каждое вложило свой вклад в развитие техники и методики подготовки.

Мне хочется надеяться, что и мы вместе с Зигмасом Юкной, другими известными литовскими гребцами тех лет кое-что сделали для развития гребли в республике, а может быть, что-то и для гребли в стране. Мы с Юкной всегда стремились к простой, естественной, размашистой гребле. В те годы стиль московских и ленинградских гребцов (а именно они были законодателями в методике подготовки и традиционно составляли основу сборной СССР) выглядел несколько академичным. Мы были молоды, безо всякой робости относились к авторитетам и поэтому избегали копировать кого-либо, хотели все делать по-своему.

Наш стиль родился хоть и в процессе поиска, но поиска вынужденного. Изобрел его Юкна. При замечательной выносливости и координации движений физические возможности Зигмаса были скромными: чуть выше среднего роста, далеко не могучего сложения. И он стремился использовать все, что отпустила ему природа, в частности старался грести широко, далеко выводил руки за уключины. Ну, а за ним потянулся и я, и в конце концов мы и стали реализовывать этот стиль, который позднее, как мне кажется, подхватили многие советские гребцы, а также наши соперники, и прежде всего мастера весла из ГДР.

Взгляд с трибун... Со временем я убедился, что он, пожалуй, дает большее представление, нежели взгляд с дистанции, из лодки. Хотя, быть может, дело не в точке наблюдения, а в умении смотреть. Сейчас я работаю в Министерстве просвещения Литовской ССР, на меня возложена ответственность за развитие спорта среди учащейся молодежи.

Забот немало, и все же я не порываю со своим любимым видом спорта, приезжаю на все крупные всесоюзные и международные соревнования в стране, встречаюсь с тренерами, спорю, радуюсь успехам советских мастеров весла, огорчаюсь их неудачам. Стараюсь иметь четкое представление о положении дел в этом виде спорта, его перспективах.

За последние годы изменилось многое. Другим стал инвентарь. В мое время соревновались только на лодках, изготовленных в Англии, Швейцарии, ФРГ. Лишь в 1973 году на чемпионате Европы в Крылатском экипаж четверки распашной с рулевым (загребной — Геннадий Московский), выступая на лодке рижской судовой верфи «Дзинтарс», выиграл золотые медали.

Тогда этому удивлялись, победителей дотошно расспрашивали о качествах советской лодки, с удивлением рассматривали ее и представители зарубежных фирм. А на Олимпиаде 1976 года в Монреале уже четыре советских экипажа выступали на отечественных лодках, причем все они заняли призовые места, а команда на четверке распашной с загребным Владимиром Ешиновым одержала там победу. Ныне же большинство сильнейших гребцов Советского Союза тренируются и соревнуются на лодках судовой верфи «Дзинтарс».

Для меня изменения условий для тренировок гребцов особенно заметны, когда я бываю в Тракае. В 60-е годы в Тракае была единственная водная база — «Жальгирис». В главной ее комнате располагалось не меньше тридцати человек, и нередко бывало так: одна команда вернулась после тяжелой тренировки и хочет отдохнуть, другая только готовится к выходу и вольно-невольно поднимает изрядный шум: ребята обсуждают план тренировки, переодеваются.

Были тут и другие проблемы: вечно мокрая одежда, отсутствие на базе спортивного врача, нехватка катеров для тренеров, отчего наши наставники вынуждены были бегать по берегу с секундомером и мегафоном в руках.

Что же касается общефизической подготовки, то решалась она в основном на баскетбольной площадке, ничего другого не было. И все же мы легко мирились со всеми этими трудностями. Мы были молоды и неизбалованы, я даже думаю, что спартанские

условия на базе «Жальгирис» имели и положительную сторону: воспитывали в нас терпимость к лишениям, стремление к самостоятельности.

Именно тут мы с Зигмасом Юкной начали свой путь в большой спорт. Уже тогда на реке Нерис в Вильнюсе тренироваться было неудобно: очень уж сильное течение, масса спортивных и прогулочных лодок. Поэтому при каждой удобной возможности (а уж в выходные дни непременно) мы приезжали в Тракай и вдоволь гребли на просторном озере Гальве.

Следом за нами потянулись и другие гребцы, причем не только на академических лодках, но и на каноэ и байдарках. Все чаще и чаще сюда стали приезжать и московские, ленинградские, киевские мастера весла. В Тракае стали проводиться и чемпионаты Советского Союза.

Кстати сказать, такое общение многое дало литовским спортсменам. Они получили возможность наблюдать не только за гонками, но и за тренировками Вячеслава Иванова, Олега Тюрина, Бориса Дубровского, других сильнейших гребцов тех лет. И эти наблюдения многое дали еще неопытным тогда литовским гребцам.

Вот так Тракай и стал одним из главных центров по гребле. Со временем он получил и официальный статус базы олимпийской подготовки. Выбор был сделан верный. Тут можно было не только хорошо потренироваться, но и отдохнуть. Живописная, холмистая местность, целый каскад озер с чистой, изумрудной от обилия зелени водой.

Оставалось привести в порядок старую базу «Жальгириса», создать новую, чем и занялись работники республиканского «Динамо».

Все это было сделано. Основные объекты базы «Динамо» — игровой зал и зал штанги, гостиница, гребные бассейны, эллинги, сауна, медико-восстановительный центр. И сейчас Тракай имеет устоявшийся, солидный авторитет в нашем гребном спорте: в последние годы тут были подготовлены олимпийские чемпионы Владас Чесюнас и Виталий Трукшин, победители Спартакиады народов СССР Альгис Монтвидас и Наталья Калашникова. Правда, все они — байдарочники и каноисты. А вот с гребцами на академических лодках дела не всегда обстояли благополучно.

С восьмеркой «Жальгириса», в которой выступали мы с Юкной, специалисты связывали наивысший расцвет литовской гребли. И, к сожалению, после этого расцвета длительное время академическая гребля в республике долгое время переживала спад.

Мы, ветераны гребли, очень переживали, очень уж хотелось увидеть наших земляков среди членов сборной команды страны, среди победителей международных регат. Какое-то время нас утешали результаты гребцов из Каунаса: Геновайте Рамошкене стала чемпионкой Европы в заездах на одиночках, в составе четверки парной Витаутас Буткус занял призовое место на Олимпиаде в Монреале.

Но в целом эти успехи были достижениями отдельных спортсменов Литвы, большого восхождения на спортивный Олимп мои земляки не могли совершить. И мне приятно, что новый расцвет академической гребли в Литве связан с именем моего старого товарища по спорту — Йозаса Ягелавичуса.

Он был незаменимым партнером и в восьмерке, и в распашной четверке. Рослый, жилистый, Ягелавичус как никто умел терпеть в гонке, после каждого соревнования его приходилось вынимать из лодки: все силы отдавал он борьбе.

По характеру Йозас Ягелавичус был человеком спокойным и неторопливым, очень скромным. Помню, когда обсуждалась его кандидатура на пост главного тренера республики по академической гребле; кто-то засомневался: дескать, побойчее желательно назначить человека. Но мы, ветераны гребного спорта, отдали предпочтение Ягелавичусу. Знали, что это человек принципиальный и честный, добросовестный, с чувством ответственности. Йозас никогда не подводил нас в суровых спортивных испытаниях, не подвел он своих коллег и став главным тренером.

Он многое сделал для нашего вида спорта, уделял большое внимание не только опытным мастерам, но и молодежи. Он не «давил» тренеров своим авторитетом, внимательно относился к специалистам, дружелюбно советовал, предостерегал от ошибок. Йозас стал настоящим лидером, и благодаря его усилиям, ну и конечно же, усилиям его единомышленников в академической гребле в Литве сейчас вновь достигнуты успехи.

Изменилась по сравнению с нашей и методика подготовки современных гребцов. Раньше мы много тренировались, полагаясь на ощущения, не имели иной раз четкого плана. Сейчас все иначе, на помощь спортсменам пришли ученые, и тренеры могут сегодня планировать работу не только на день или на неделю, но и на год и даже на олимпийское четырехлетие.

А насколько разнообразнее стали средства соревнований! Раньше летом гребли, зимой ходили на лыжах или играли в баскетбол. Иногда занимались бегом и поднятием тяжестей. И все это опять же без особой убежденности, что одному из нас действительно полезно поднимать штангу, а другому — бегать. Потренировались, вспотели изрядно — вроде бы все в порядке.

Сейчас в арсенале гребцов преимущественно специальные упражнения. Бездумно они уже не тренируются: каждое упражнение имеет свою цель. Появились и прекрасные тренажеры, не сравнить с тем, что имели мы. Ну а уж о медико-восстановительных центрах и говорить не приходится: свето- и музыкотерапия, сауна, каскадный душ в бассейне. Мы и знать не знали о таком, даже теплой воды у нас в душе не было.

А трасса? Как всем нам хотелось посоревноваться дома на специальном гребном канале. Увы, не пришлось. Вот только в 1973 году прокатились по прекрасной дистанции в Крылатском, но гонки ветеранов, разумеется, не в счет.

Ныне же наши гребцы имеют возможность посоревноваться на нескольких гребных каналах. В том же Крылатском, в Горьком, Днепропетровске, Ростове-на-Дону, в Самарканде...

Все эти обстоятельства заметно повысили результаты гребцов на классической двухкилометровой дистанции. В 1954 году московская восьмерка «Крыльев Советов» выиграла чемпионат Европы, впервые показав время меньше 6 минут. Восьмерка «Жальгириса» сумела значительно улучшить этот результат, мы проходили 2 километра на 10—15 секунд быстрее. Наши наследники пошли дальше — сейчас лучшие мужские восьмерки мира показывают результаты в пределах 5.30—5.35. Конечно, это замечательное достижение. Достаточно сказать, что в гонках восьмерок разница в 3 секунды может отделить победителей от команды, занявшей последнее место.

Рост результатов характерен для всех классов судов. Иногда я просто недоумеваю — как же удастся гребцам развивать такую потрясающую скорость, для меня это просто невероятно, мы и не мечтали о таких достижениях.

Но результаты в гребле — дело второе. Главное — победа в очном споре соперников. И тут, к сожалению, дела в советской академической гребле обстоят не блестяще. Тема эта непростая, но я все же попытаюсь поразмышлять о причинах в целом невысоких достижений наших гребцов на крупнейших международных регатах.

Вспомним итоги последних олимпиад. На Олимпийской регате в Монреале в 1976 году впервые участвовали женщины. Всего разыгрывалось 14 комплектов наград. А праздновали мы победу лишь в одном финальном заезде — четверок распашных с рулевым (загребной — Владимир Ешинов). Конечно же, это весьма посредственный результат для советской сборной. На Олимпийских играх в Москве наши гребцы снова ограничились всего одной победой: Елена Хлопцева и Лариса Попова завоевали золотые медали на двойке парной.

В чем тут дело? Можно назвать массу причин. Но основная, как мне кажется, в том, что наши тренеры и спортсмены потеряли вкус к творческой работе. На Олимпийских

играх 1952 года гребной мир впервые увидел советских мастеров весла. Выступление наших первых олимпийцев по гребле произвело сильное впечатление. Советские гребцы совершенно не имели опыта международных соревнований, инвентарь был очень неважный, и тем не менее они сумели одержать одну победу (Юрий Тюкалов на одиночке) в семи финальных гонках. Кроме того, экипажи советской восьмерки и двойки парной завоевали серебряные медали. Уже тогда специалисты всего мира обратили внимание на оригинальный и безусловно передовой стиль гребли лучших советских экипажей. Дебютанты олимпийской регаты выгодно отличались и великолепной общефизической подготовкой, они могли выдержать очень высокий темп на протяжении всей дистанции.

И позднее советская сборная по академической гребле вызвала интерес у многих тренеров и спортсменов, которые знали, что именно в нашей стране ведется интересная и перспективная теоретическая и практическая работа с гребцами.

Но со временем эта тенденция стала затухать, наши тренеры все больше стали полагаться на чужой опыт. Сказать проще, мы перестали в должной мере экспериментировать, искать нечто новое. А копируя чужие идеи, наши гребцы заранее обрекали себя на неудачи. Они постоянно опаздывали в своей подготовке, постоянно выступали в роли догоняющих.

Мне кажется, что после очень болезненного поражения на Олимпийской регате в Москве у нас наметились сдвиги к лучшему. Сборную возглавил новый главный тренер — Анатолий Беленков. Он не был выдающимся гребцом, но он обладает необходимыми качествами для плодотворной работы в роли тренера. В короткое время он сумел собрать коллектив единомышленников, людей добросовестных, со склонностью к творческой работе. Это помогло сборной уже на чемпионате мира 1981 года добиться большого успеха: наши гребцы первенствовали в семи финальных гонках.

Для меня особенно дорога была победа экипажа советской восьмерки. Основу его, как и некогда раньше, составили литовские мастера весла: Ионас Пинскус, Ионас Шармайтис, Стасис Нарушайтис и Зигмантас Гудаускас. Никогда раньше советским гребцам не удавалось первенствовать на чемпионатах мира и олимпийских играх в классе мужских восьмерок.

Когда я узнал об этой победе, сразу вспомнил наши героические, но, увы, безуспешные попытки выиграть на чемпионате мира у восьмерки Ратцебурга. Как мы мечтали об этом! Не удалось. Но зато нашим наследникам довелось испытать счастье большой победы. А ведь среди них было четверо молодых литовских гребцов, которых подготовили мои сверстники — ветераны гребли. Они тренировались на прекрасной водной базе в Тракае. И во всем этом я снова увидел связь поколений, связь наших усилий с положением дел сегодняшнего дня.

Честное слово, я был счастлив в тот вечер. Наша мечта воплотилась в успехе молодых спортсменов. Что может быть прекраснее этого?

Серия «Сердца, отданные спорту»

Антанас Ляонович Багдонавичус

ВЗГЛЯД С БЕРЕГА

Заведующий редакцией В. Л. Штейнбах

Редактор В. Я. Шабельникова

Художник В. С. Лындин

Художественный редактор Е. С. Пермяков

Технический редактор О. П. Жигарева

Корректор Р. Б. Шупикова

ИБ № 1573. Сдано в набор 14.02.83. Подписано к печати 29.07.83.

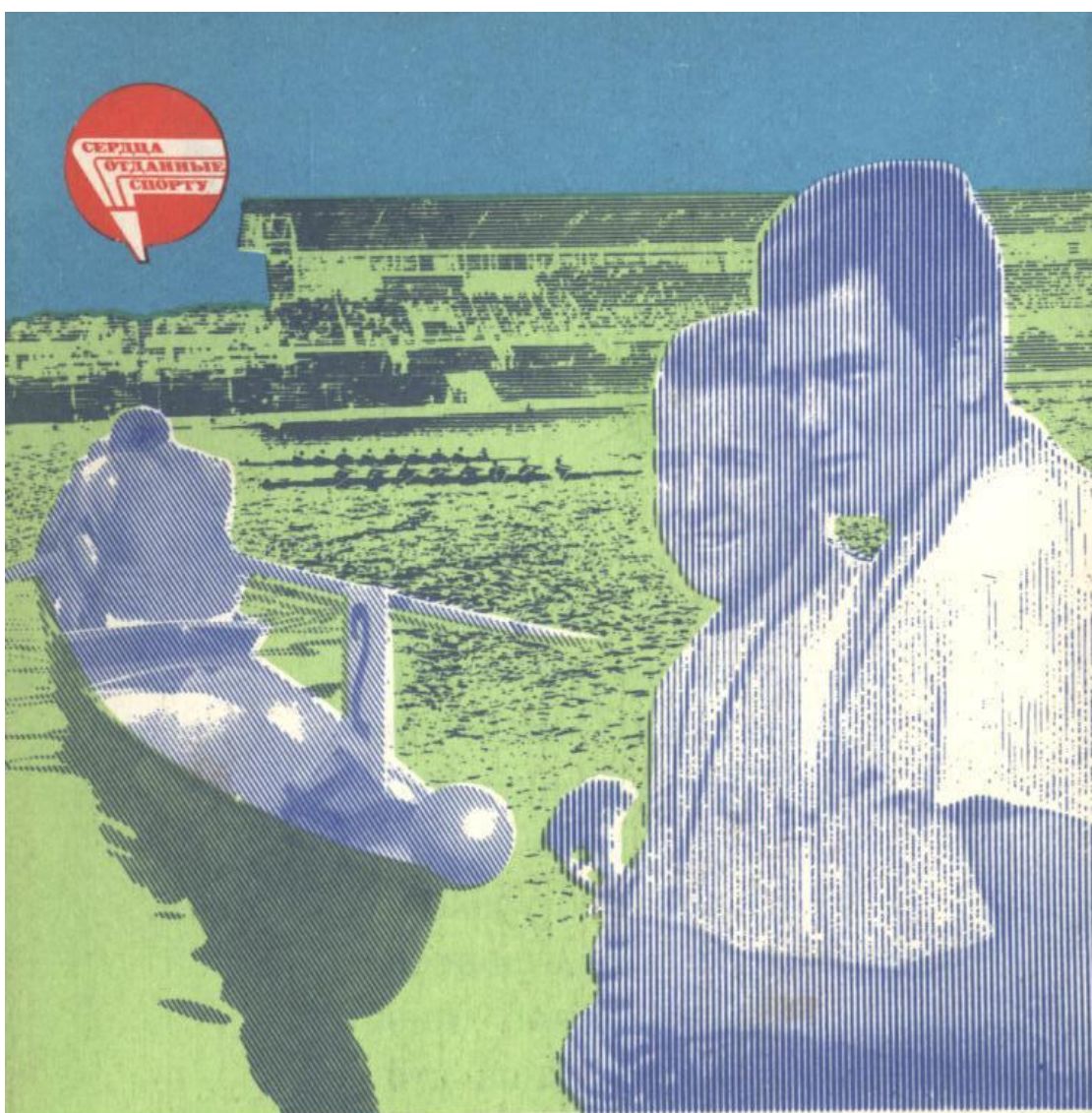
А 03198. Формат 70×108^{1/32}. Бумага для глубокой печ. Высокая печать.

Гарнитура «Обыкновенная новая». Усл. п. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 5,95. Уч.-изд. л. 6,42.

Тираж 50 000 экз. Издат. № 7152. Зак. № 14057. Цена 40 коп.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 101421, ГСП, Москва, К-6, Каляевская ул., 27,

Типография издательства «Калининградская правда», 236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

А. Багдонавичус

ВЗГЛЯД С БЕРЕГА

ВЗГЛЯД С БЕРЕГА

Антанас БАГДОНАВИЧУС —
заслуженный мастер спорта
по академической гребле.

Один из лучших советских
гребцов 60-х годов.

Выступал в разных классах судов:
на двойке с рулевым,
на четверке без рулевого,
на четверке с рулевым,
на восьмерке.

Девятикратный чемпион СССР,
трехкратный чемпион Европы,
серебряный призер Игр
XVII Олимпиады в Риме (1960 г.),
бронзовый призер Игр
XIX Олимпиады в Мехико (1968 г.),
серебряный призер чемпионатов
мира 1962 и 1966 гг.

